

МАЙ '87

ISSN 0131-6656

СМЕНА⁹

Маршал Г. К. Жуков. Из писем
Секретарь райкома. Работа по-новому
Жесткий вопрос. Кто спасет шедевр?
Вениамин Каверин. Три рассказа
Трагедия попранного материнства
Футбол. Кто завоевал приз «Смены»
Суждения о «Модерн Токинг»
С. Иванов. «Не стрелять!»

В. Шиганов.
«Весенний этюд».

Четырежды Герой Советского Союза, маршал

Георгий Константинович Жуков: ПОБЕДИЛ — НАРОД!

Из дневника и писем родным

Дождь нещадно сечет по ветровому стеклу. «дворники» едва справляются с водяными потоками. Внимательно вглядываясь в убегающее под колеса «Жигулей» шоссе, седой водитель замечает:

— В сорок первом, осенью, как-то катили здесь. Тоже дождь, и дорога после бомбежки разбита. В общем, стоит наш «газик» по причине бездорожья так, что я не удержался, выразил вслух свою жалость. Георгий Константинович мрачно усмехнулся: «Судьба Родины на карту поставлена, а он машину пожалел...» — Удивительная вещь: туда, где родился прославленный маршал, теперь везет меня его фронтовой шофер Александр Николаевич Бучин, накрутивший за баранкой по дорогам войны сто семьдесят тысяч километров.

Миновали Апрелевку, Алабино, Балабаново... Поворот налево. Вот и большое село, которое когда-то называлось Угодский Завод, а теперь — райцентр Жуково Калужской области. На площади — бронзовый бюст прославленного земляка... Еще немного — и Стрелковка, совсем не великая деревенька на берегу сонной Огублянки. И здесь, и в протекающей неподалеку Протве маленький Егор, знаю, любил рыбачить. Туда, на Протву, в район Михалевских гор, дорога шла через густую липовую рощу и чудесные березовые перелески, где было много земляники, грибов... Сейчас — ни рощи, не перелесков: все вырубил гитлеровские оккупанты. И избу Жуковых спалили тоже. Правда, потом односельчане поставили на пепелище другую, похожую. А недавно поднялся рядом монумент: в наброшенной на плечи шинели маршал после трудных походов пришел к родному дому...

Я в гостях у Эры Георгиевны Жуковой, старшего научного сотрудника Института государства и права АН СССР, и у Эллы Георгиевны, редактора Гостелерадио.

Старшая дочь задумывается:

— Больше всего запомнились постоянные переезды: Минск, Слуцк, Смоленск, Киев... Из-за них пришлось поменять десять школ... Конечно, отец был очень занят на службе, и видели мы его совсем немного, но каким внимательным и нежным оказывался в эти редкие часы! Любил делать подарки: покупал нам с сестрой куклы, книги (роскошно изданные «Сказки» Шарля Перро храню до сих пор), а потом, с фронта, присылал то финский нож с наборной ручкой, то кавалерийский стек. Кстати, стек — это совсем не случайно: еще задолго до войны отец постоянно участвовал в различных кавалерийских соревнованиях, брал призы, а мы за него болели — вот и меня приучил к лошадям... Жили

мы до войны очень скромно. Мебель была в основном казенной: стол, диван, этажерки с книгами... Воспитывал ли он нас? Конечно, но как-то незаметно и никогда не повышая голоса. Помню, лет пять мне было: бросила на пол игрушку, а поднять отказалась. В ответ на требования мамы капризничая, ору, как оглашенная, — и вдруг наткнулась на его взгляд. Взгляд был такой, что все мое упрямство разом улетучилось... Обладал огромной силой воли: например, еще в тридцать пятом после болезни бросил курить и после, даже на фронте, ни разу не взял сигареты... Терпеть не мог расхлябанности, разгильдяйства и нас к этому приучил. Так что мы с сестрой, например, никогда никуда не опаздываем — это для нас давным-давно стало нормой...

К разговору подключается Элла Георгиевна:

— Обидно, что некоторые авторы в воспоминаниях о Жукове излишне подчеркивают его суровость. Суровым заставляло быть его само время; ведь война же, и какая война! Да, он был строг, но справедлив. Сам стремился все делать как можно лучше и от других того же требовал — всегда, всю жизнь. Например, мы с сестрой и подумать не могли, что можно учиться не на «отлично». Обе окончили школу с медалями, и отец воспринял это как само собой разумеющееся...

Дочери осторожно вынимают из конверта пожелтевшие от времени листочки...

«21.30. 24.5.39. Из Москвы в Смоленск.

Милый Шурик!
Сегодня был у наркома. Принял исключительно хорошо. Еду в продолжительную командировку. Нарком сказал: заряжаться надо примерно на три месяца.

К тебе у меня просьба такая: в первых, не поддавайся хныканью, держись стойко и с достоинством, постарайся с честью перенести неприятную разлуку. Учти, родная, что мне предстоит очень тяжелая и ответственная работа, и я, как член партии, командир РККА, должен ее выполнять с честью и образцово. Ты же меня знаешь, что я плохо выполнять службу не приучен, но для этого мне нужно быть спокойным за тебя и дочурок. Я тебя прошу это спокойствие мне создать. Напряги все свои силы, но этого добейся, иначе ты не можешь считать меня своим другом жизни. Что касается меня, то будь спокойна на 100 процентов.

Ты меня крепко напоследок обидела своими слезами. Ну что ж, понимаю, тебе тоже тяжело.

Целую тебя крепко. Целую моих милых дочурок.

Ваш Жорж».

О слезах в письме не случайно: он не мог их терпеть, и дочери уяснили это еще в самом раннем детстве. Теперь — о несколько странной подлисе отправителя. Элла Георгиевна улыбается:

— В каждой семье есть свои маленькие тайны. Мама неизменно называла папу Жоржем, и ему это, судя по всему, нравилось. Он же, в свою очередь, величал маму Шуриком, а меня — Лекой; такое имя придумала мне Эра...

Тогда в семье еще не знали, в какую «продолжительную командировку» отправился Георгий Константинович. Скоро все стало ясно. Особенно порадовались вот этому письму из Монголии:

«Здравствуй, мой милый Шурик!
Шлю тебе привет и крепко всех целую. Получил от тебя массу писем и телеграмм, но, извини, ответить не мог. т. к. был занят боями. Сегодня закончил полный разгром японских самураев. Уничтожена вся его действующая армия, взято более 100 орудий, масса всякой техники и имущества. По счету это четвертое поражение японцев.

Надо тебе сказать: все время бои носили ожесточенный характер. Естественно, мне, как командующему, пришлось поработать и не поспать. Ну, ничего, лишь бы был хороший результат. Ты помнишь, я тебе писал из Москвы о том, что задание партии выполняю с честью...

Сегодня получил сообщение о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Очевидно, ты об этом уже знаешь. Такая оценка правительства, партии и т. Ворошилова обязывает меня еще более стараться выполнить свой долг перед Родиной.

Крепко, крепко всех вас целую.
До скорого свидания.

Жорж».

Следующие письма относятся уже к совсем другой войне... Тогда, в июне сорок первого, семья жила на даче, в Архангельском. Глава семьи дома ночевал редко: почти круглые сутки находился в наркомате. Двадцать второго позвонил на рассвете...

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР я увидел коричневую папку с готическими буквами: «План «Барбаросса». Тот самый безумный план, подписанный Гитлером. Там же, в музейных фондах, листал «Личный дневник пребывания на фронте» Георгия Константиновича Жукова:

«23.6.41. Сталин приказал немедленно вылететь в Тернополь в штаб Юго-Западного фронта (КОВО) с целью помочь Военному Совету организовать оборонительные действия. Обязанности начальника Генштаба возложены на Н. Ф. Ватутину. В Тернополь прибыли поздно вечером того же дня. Утром 24

выехал в танковый корпус Рябышева, которому была поставлена задача нанести контрудар по прорвавшемуся противнику. Вечером того же дня вернулся в штаб фронта, откуда докладывал обстановку Главному С. К. Тимошенко...

26.6.41. Сталин приказал вернуться в Москву в связи с осложнением обстановки на Западном направлении...

Так для Жукова начались 1418 дней и ночей, которые сделали его имя прославленным. Те 1418 дней и ночей, которые заставят американского публициста Гаррисона Солсбери написать книгу «Великие битвы маршала Жукова», где, в частности, есть и такое признание: «Когда со временем отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового, решительного человека...»

Как раз 26-го, когда начальник Генерального штаба генерал армии Жуков возвратился в Москву, в его распоряжение поступила группа молодых офицеров, и среди них — лейтенанты Николай Пучков и Александр Дмитренко. Я встретился с Николаем Ивановичем и Александром Петровичем; конечно, годы берут свое — но выправка! Выправка в этих людях осталась навсегда. Вспомнили самые горькие месяцы войны, первую поездку с Георгием Константиновичем на фронт, который приближался к Москве. Передвигаться приходилось скрытно, удаляясь от оживленных магистралей. Фары ночью не включали; вражеские самолеты чувствовали себя в небе вольготно. Чувствовалось, Пучков или Дмитренко, или кто другой из их группы, стоя на подножке, освещали дорогу карманным фонариком. А Жуков в пути продолжал работать: изучал карту, что-то писал... Не раз попадали под бомбежку, но в любой обстановке этот человек оставался невозмутимым. И неустрашимым. Поначалу водил машину его двоюродный брат, Пилихин, но третьего сентября под Ельней Михаила тяжело ранило, и за баранку сел Бучин...

Там, под Ельней, вспоминают мои собеседники, шестого сентября впервые с начала войны Жуков улыбнулся. В тот день он отправил Сталину телеграмму:

«Ваш приказ о разгроме Ельнинской группировки противника и взятии гор. Ельня выполнен. Ельня сегодня занята нашими войсками. Идут ожесточенные бои с разбитыми частями противника западнее Ельни. Противник в полном окружении.

Жуков».

Это была его первая победа.

Запись в «Личном дневнике пребывания на фронте»:

«Утром 10 сентября вылетел с Центрального аэродрома в Ленинград. В тот же день к вечеру прилетели в Ленинград на городской аэродром. 11-го вступил в командование Ленинградским фронтом, приняв его от К. Е. Ворошилова...»

Мои собеседники эту дорогу к берегам Невы и двадцать семь дней в блокаде города помнят в мельчайших подробностях.

Погода выдалась скверная. Небо — в тучах, поэтому летели низко-низко, грибы можно было разглядеть... Когда прибыли, выяснилось, что обстановка критическая. Жуков без промедления взялся за работу. Главная ударная сила противника — танки, и командующий рядом с противотанковой артиллерией ставит зенитные орудия, которых в Ленинграде было много. Организуются новые воинские части из моряков, проводится мобилизация коммунистов на предприятиях. Снимаются дивизии с Карельского участка фронта, где не велись активные действия. Укрепляется воинская дисциплина в частях и штабах. Резко повышается требовательность... Напутствуя генерала Федюнинского на пост командующего 47-й армией, Георгий Константинович сказал: «Ну, Иван Иванович, настал момент, когда мы с тобой не на словах, а на деле должны будем доказать, что являемся ленинцами. Думаю, ты понимаешь, что значит город Ленина для Родины... Речь идет не о наших с тобой жизнях. Речь идет о существовании великого русского, советского города...» Да, в те дни, находясь рядом с этим человеком, мы особенно остро осознали, что может сделать для спасения города полководец, если талант его целиком отдан партии, народу. Конечно, в замыслы командующего был посвящен узкий круг лиц, но мы видели, как после жуковских распоряжений набирались уверенности генералы и офицеры, с какой надеждой смотрели на передовой в его лицо солдаты. Его сила, его вера в победу передавались фронту. Город, казалось, обреченный, набирал дыхание, ощетинивался противотанковыми ежами, штыками, орудиями... Еще накануне битвы за город Ленина семья Георгия Константиновича получила от него с нарочным записку, где была одна-единственная фраза: «Мы победим». А теперь пришло письмо, адресованное дочерям:

«Здравствуйте, Элочка и Эллочка!
Шлю вам привет с фронта. По вашему заказу бью немцев под Ленинградом. Немцы несут очень большие потери, но стараются взять Ленинград, а я думаю не только удержать его, но и гнать немцев до Берлина.
Ну, как вы там живете?
Крепко вас целую.

Ваш папа».

Все-таки удивительная сила и убежденность были в этом человеке: враг под Москвой, Ленинград в осаде, а он пишет дочерям о том, что будет гнать захватчиков до самого их фашистского логова!

Они увидели отца под Новый год: Александра Диевна, Элочка и Эллочка прилетели на военном самолете прямо в Перхушково, где располагался штаб Западного фронта, и все вместе встретили 1942-й. В ту ночь он сказал:

— Крепко врезали Гитлеру у стен Москвы, но это — только начало...

Да, это было только начало...

Запись в «Личном дневнике пребывания на фронте»:

«28 августа 1942 года назначен заместителем Верховного Главнокомандующего. 29 августа убыл в Сталинград...»

Позднее Жуков признается:

«Здесь я получил гораздо большую практику в организации контрнаступления, чем в 1941 году в районе Москвы, где ограниченные силы не позволяли осуществить контрнаступление с целью окружения вражеской группировки».

Запись в «Личном дневнике пребывания на фронте»:

К. А. Васильев. «Маршал Советского Союза Г. К. Жуков».

«С 10 января 1943 года на Волховском фронте. Координация действиями войск по прорыву блокады под Ленинградом...»

О тех днях вспомнил Александр Николаевич Бучин:

— Жукову нравилось само название операции по прорыву блокады — «Искра». Придирчиво на месте проверял ее готовность. 18 января, в день, когда войска двух фронтов наконец соединились, Георгию Константиновичу присвоили звание Маршала Советского Союза. Эту весть он встретил, как подбавляет солдату, на поле боя, у Рабочего поселка № 1... Потом вез я Жукова к Жданову, по Ладожскому озеру. Кругом во льду воронки от бомб, зигзаги между ними приходилось делать просто немислимые... Говорю ему: «Поздравляю, товарищ маршал, со званием». А он меня похлопал по плечу и засмеялся: «Ничего, Александр Николаевич, тебя я

фельдмаршалом назначу...» Вообще душевный был он человек и званием своим высоким не кичился. Как-то в районе Цигры, когда Жуков проверял обстановку перед битвой, наткнулись мы на разрушенный мост. Что делать? Не поворачивать же назад! Вылез маршал из машины и вместе со мной стал класть доски... Никогда не повышал на меня голоса. Злопамятным не был и злопамятных не любил. О людях сильно заботился — едем мимо колонны наших войск, он смотрит на них, вздыхает: «Э-эх, валенки-то у солдат плохонькие...»

Запись в «Личном дневнике пребывания на фронте»:

«5 июля 1943 года, около 5 часов утра, немецкие войска перешли в наступление. В 2.30 Центральный фронт провел контрподготовку. В тот момент Рокоссовский и я находились у Малинина...»

Так начиналась Курская битва, о которой достаточно привести лишь несколько слов из полных ужаса воспоминаний одного гитлеровского танкиста: «На нас обрушилась неисчислимая масса вражеских танков, я никогда не получал такого впечатления о подавляющей русской мощи...»

Слушаю рассказ Пучкова и Дмитренко о Курской битве и думаю вот о чем: менялись фронты, операции, сокращали путь до Берлина дорожные указатели, но неизменно в двух шагах сзади (справа или слева) находились с маршалом его верные офицеры, готовые оградить заместителя Верховного Главнокомандующего от всевозможных ЧП. Любимой ценой, если потребуется, уберечь ему жизнь. Это удивительное везение, что ни разу за четыре года пуля или осколок не задела полководца, хотя и вражеский «мессер» гонялся под Сталинградом за маршалским ав-

томобилем, и снаряды рвались у командного пункта Западного фронта. Случайность? Может, и случайность. Но великое спасибо и тем, кто обеспечивал скрытность жуковских переездов и перелетов, кто готов был в любое мгновение опередить смертельную случайность войны...

Письмо из семейного архива:

*«Действующая армия. 10.2.44.
Дорогая моя! Шлю тебе привет. Крепко, крепко целую тебя одну и особо вместе с ребятами... Все намеченные дела армией выполняются хорошо. В общем, дела Гитлера идут явно к полному провалу, а наша страна идет к безусловной победе, к торжеству русского оружия. Фронт справляется со своими задачами, дела сейчас за тылом. Тыл должен очень много работать, чтобы обеспечить потребности фронта, тыл должен хорошо учиться, морально быть крепким, тогда победа наверняка будет за русскими...»*

Еще одна весточка с фронта — на листке из блокнота, карандашом, без даты. Судя по описываемым событиям, относится к марту 1944-го:

*«Здравствуй, милый Шурик!
Шлю тебе привет и много-много крепких поцелуев. В связи с ранением Ватутина я сейчас командую 1-м Украинским фронтом. Видимо, придется командовать около двух месяцев... Я сейчас в Новоград-Вольском, скоро будем двигаться дальше...»*

Отец шел на запад все дальше, и дочери тоже все дальше переставляли на карте красные флажки. Эта огромная карта занимала в их комнате центральное место. Как радовались они с мамой, когда в начале сорок пятого получили вот этот листок:

«Дорогие мои! Ну, как вы там живете? Очень хочется с вами увидеться. Я думаю, как только побью немцев, так сейчас же к вам приеду или вы приедете ко мне. Пишите чаще, у меня нет времени — все время бои. Крепко вас целую.

Ваш папа Жорж».

Судя по давней, чуть озорной «семейной» подписи, настроение у Георгия Константиновича, несмотря на тяжесть битвы, было в те дни отменное.

Конечно, они ему тоже писали, что ждут не дождутся. А еще получал в те дни командующий 1-м Белорусским фронтом тысячи других конвертов со всей страны. Из огромного количества их, хранящихся в фондах Центрального музея Вооруженных Сил СССР, приведу лишь два:

«Мы, пионеры 4-го класса 55-й мужской школы Ленинграда, желаем Вам, маршал Жуков, и всем бойцам и командирам Вашего фронта еще больших успехов в победоносном наступлении и разгроме врага в его собственной берлоге...»

«Мы, воспитанники ленинградского детского дома, эвакуированного в село Парашино — Кунгурского района, Молотовской области, просим Вас, товарищ Жуков, быстрее разбить проклятого врага. Не жалейте этих подлейших гадов, дорогие мстители! Бейте их на всех перекрестках!...»

Запись в «Личном дневнике пребывания на фронте»:

«16 апреля 1945 года, перед рассветом, войска фронта, после артподготовки, при освещении прожекторов, перешли в наступление. Я, член Военного Совета К. Ф. Телегин, командующий артиллерией фронта В. И. Казаков до середины дня находились на наблюдательном пункте 8-й гвардейской армии...»

И свершилось то, что маршал пообещал дочерям своим самой трудной для родной страны порой, осенью сорок первого, в том письме — из осажденного врагом Ленинграда. И обратился он в приказе к воинам 1-го Белорусского:

силы, волю, умение и решимость, мужество и отвагу на победное завершение операции по захвату Берлина! Помните: секрет победы — в стремительном ударе. За две недели вы с боями преодолели около 400 километров. От вас, товарищи, зависит одним ударом ворваться в Берлин, преодолев с ходу последние укрепленные рубежи...»

И они одолели эти рубежи, развернув над рейхстагом алое Знамя Победы. Как вспоминал потом поэт-фронтовик:

*...Чумазы,
откинув крышки люков,
Танкисты встали,
словно на привал.
И, сняв фуражку,
сам Георгий Жуков
Нас — пехотинцев —
в губы целовал...*

И повез Бучин маршала в Карлсхорст...

— Георгий Константинович сел в машину радостный, возбужденный, — вспоминает Александр Николаевич. — Вдруг обнял меня: «Спасибо тебе за все, Сашка!..» Впервые за всю войну так назвал... Приехали мы к тому особняку. Потом гитлеровцев во главе с Кейтелем привезли. Я сажу в автомобиле, думаю: «Неужели все? Сколько ж мы этого ждали...»

Пучков стоял как раз за креслом Жукова, когда тот произнес:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии...

А потом, когда подписание акта было закончено, Георгий Константинович от имени Советского Верховного Главнокомандования сердечно поздравил всех с долгожданной Победой.

Как вспоминают мои собеседники, бурная радость тогда перемешалась со слезами: праздничный ужин продолжался до утра, песни сменялись плясками. Жуков тоже не удержался: прошелся по кругу вприпрыжку...

Держу в руках маршальский китель, который был на Георгии Константиновиче тогда, в Карлсхорсте. И другой, в котором принимал он Парад Победы... Эра Георгиевна и Элла Георгиевна вспоминают, как помогали отцу накануне драить пуговицы, прикреплять орден, как репетировал он дома торжественную речь, которую должен был произнести с трибуны Мавзолея, как собирали его рано утром на Красную площадь...

Пришли они с мамой на площадь и увидели: выезжает отец из Спасских ворот на белом коне! И, счастливые, заплакали. Что ж, эти слезы он бы им простил...

Не гладко, не просто складывалась потом судьба этого человека. Но при любых обстоятельствах продолжал он жить достойно, красиво, верный своей партийной совести.

Последние годы прошли на даче, в Сосновке. Там Георгий Константинович писал свои «Воспоминания и размышления». Туда приходили боевые друзья: маршал Баграмян, генерал Милюк... Постоянно рядом находился Михаил Михайлович Пилихин. Часто навещали Пучков, Дмитренко, Бучин... Каждый из них получил с теплой дарственной надписью книгу, которую автор, как известно, посвятил «советскому солдату».

И хотя имя этого человека смело можно поставить в одном ряду с именами Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, и хотя его маршальский мундир украсили четыре Золотые Звезды Героя Советского Союза и более шестидесяти других боевых наград, все-таки прежде всего Георгий Константинович Жуков был тоже Солдатом. Да, Солдатом — одним из тех, кто жил, сражался и умирал во имя Победы. — Солдатом Отчизны.

Материал подготовил
Лев СИДОРОВСКИЙ.

СМЕНА

СЛЕДУЕТ ВОЗРОДИТЬ!

XX съезд ВЛКСМ: научно-техническое творчество молодежи требует заинтересованного внимания и поддержки

Статья о новосибирском Фонде молодежной инициативы, опубликованная в № 1, напомнила о еще одном интересном деле новосибирского комсомола. Деле, в свое время не получившем должной поддержки. Речь идет о деятельности научно-производственного объединения «Факел» при Советском райкоме ВЛКСМ г. Новосибирска. Думается, есть необходимость проанализировать опыт «Факела» с позиций нашего времени. Поговорка о том, что новое — это хорошо забытое старое, имеет смысл и в данном случае.

История создания, работы и ликвидации молодежной внедренческой фирмы обросла легендами и слухами, зачастую весьма нелестными и не имеющими под собой реальной почвы. Заинтересовавшись по ходу исследования судьбой «Факела», спрашивал у многих коллег по прошлой комсомольской работе и нынешней учебе, известно ли им что-либо об этом объединении. Оказывается, слышали многие, но слышали примерно следующее: «Да, вроде была такая контора в Новосибирске, они там загребали большие деньги, на чем и погорели».

Так чем же прославился «Факел»? Сначала немного предыстории. «Факел» родился не вдруг и не на пустом месте. Своим появлением он во многом обязан уникальной атмосфере, царившей в новосибирском Академгородке в его первое десятилетие. В новый научный центр, не имевший тогда аналогов ни у нас, ни за рубежом, съехались из многих городов люди энергичные, честолюбивые, ищущие неизведанные пути в науке. В большинстве своем молодежь. Ни до, ни после не было такого массового притока молодежи в науку.

В этих условиях и комсомол научного центра отличала жажда нового, поиск нетрадиционных форм работы с молодежью. Именно здесь был создан первый в стране совет молодых ученых. Одно из самых интересных дел совета — организация комплексных молодежных поисковых групп на перспективных научных направлениях. При непосредственном участии молодых новосибирских ученых появился новый метод поиска и отбора талантливой молодежи.

Во Всесибирских физико-математических олимпиадах ежегодно участвовало свыше десяти тысяч школьников Сибири и Дальнего Востока. Стремительно встал вровень с ведущими вузами страны Новосибирский университет.

При создании Сибирского отделения Академии наук СССР его основатель академик М. А. Лаврентьев так сформулировал три основных принципа деятельности нового научного центра: комплексность, подготовка кадров для науки, тесная связь с производством. Самым непосредственным воплощением

в жизнь третьего принципа и стал «Факел». Естественно, и до его появления молодежь участвовала во внедрении научных достижений в производство. Достаточно назвать, например, шефство над внедрением вычислительной техники в народное хозяйство. Но это дело из разряда тех, когда во многом желаемое выдается за действительное.

Кстати, именно вычислительная техника и дала первый импульс, приведший к появлению «Факела». Вычислительному центру потребовалось срочно изготовить ячейки для ЭВМ. К этой работе были привлечены студенты электротехнического института, выполнившие ее на редкость быстро и качественно. Вычислительный центр оплатил эту работу через расчетный счет райкома ВЛКСМ. Вот тогда и родилась идея создания специальной молодежной организации, которая занималась бы внедрением научных разработок на хозяйственной основе. Идея достаточно быстро обрела массу сторонников и материализовалась. В июле 1966 года по инициативе молодых ученых при Советском райкоме ВЛКСМ было создано комсомольское конструкторское бюро на общественных началах. Но практически одновременно со своим возникновением фирма переросла рамки «общественных начал» и в дальнейшем получила точно выразившее содержание и характер ее деятельности название молодежного научно-производственного объединения.

Какие задачи ставила перед собой молодежь? В первую очередь — ускорение внедрения исследовательских разработок институтов Сибирского отделения АН СССР в народное хозяйство. Здесь проводились комплексные исследования на новых научных направлениях. Научная молодежь приобретала практический опыт; студенты обучались на конкретных делах.

Являясь фактически посредником между институтами и предприятиями, объединение отыскивало интересные научные разработки и доводило их до готовых приборов, методик, технологий.

Таким образом, «Факел» действовал на одном из самых болезненных стыков экономики — между наукой и производством, опираясь на сосредоточенный в Новосибирске мощный комплекс академической, прикладной и вузовской науки, высококвалифицированный кадровый потенциал. Его отличали мобильная внутренняя структура, полный хозрасчет как основа деятельности. Не имея собственной производственной базы, оборудования и материалов, постоянного штата сотрудников (за исключением нескольких человек технического персонала), объединение строило свою работу путем заключения хозяйственных договоров с заинтересованными предприятиями и организациями. Для выполнения конкретной работы на

Владимир ШЛЫКОВ,
аспирант Высшей
комсомольской школы
при ЦК ВЛКСМ

заранее определенный срок приглашались нужные специалисты — ученые, инженеры, студенты, рабочие, независимо от места работы и жительства. Объединение заключало с ними трудовые соглашения, которые оплачивались в размере половины ставки, получаемой по основному месту работы, но не свыше 125 рублей в месяц (студентам — в размере половины ставки лаборанта).

Заметим, что оплата производилась только после принятия заказчиком всей работы или определенного ее этапа. Такова была в самых общих чертах схема деятельности НПО.

За время своего существования с 1966 по 1971 год объединение выполнило более 500 работ на сумму около 11 миллионов рублей. В 1970 году в «Факеле» работало свыше 6 тысяч человек, то есть по масштабам деятельности объединение вышло на уровень крупного института.

Поразительны и экономические показатели деятельности. Только по 72 работам годовой экономический эффект составил 43 миллиона рублей, на каждый рубль затрат получено 25 рублей экономии, что было намного выше среднего показателя по стране. Среди работ, выполняемых в «Факеле», были, например, такие, как разработка опытного образца болотохода, не имевшего прототипа, первой отечественной фотоэлектронной многоспектральной аэросъемочной камеры для геологических поисковых работ. Объединение выполняло некоторые расчеты по термоядерным установкам. Многие из этих работ так и остались незавершенными в связи с ликвидацией НПО.

Попытаемся, насколько это возможно, определить, так сказать, позитив и негатив в деятельности «Факела».

Не будучи скованным ведомственными ограничениями, имея, по сути, полную хозяйственную самостоятельность и мобильную внутреннюю структуру, объединение весьма продуктивно действовало на острие научно-технического прогресса, восполняя существенный пробел в связях науки с производством. В отличие от академического или даже отраслевого института оно было кровно заинтересовано в скорейшей и качественной разработке и внедрении научных достижений в производство. Если институт заинтересован в этом до известной степени и будет продолжать существовать — если взять крайний случай, — даже вообще ничего не внедряя, то «Факел» в подобной ситуации не просуществовал бы и двух месяцев, что называется, «лопнул». Отличало его от институтов и то обстоятельство, что «Факел» мог приглашать для выполнения определенных разработок любых нужных ему специалистов. Надо отметить, что хозяйственники довольно быстро оценили все преимущества подобных объединений, поэтому портфели

всех созданных по новосибирскому образцу фирм буквально помиллись от заказов.

Обладая хозяйственной самостоятельностью, объединения типа «Факела» брались за любые разработки, от которых отказывались «нормальные» учреждения, особенно если решение проблемы зависело от ряда ведомств. Объединения были лишены ведомственного «комплекса», зачастую губящего на корню самые прогрессивные идеи и начинания.

Не менее значимым был и социальный аспект деятельности НПО. Здесь молодые люди имели неограниченные возможности для проявления своих способностей, для реализации стремления к самостоятельному творчеству, развития подлинной социалистической предприимчивости, проходили отличную школу организаторов и руководителей.

Директор Института геологии и геофизики СО АН СССР академик А. А. Трофимук, выступая в 1971 году на страницах «Литературной газеты» в защиту «Факела», писал по этому поводу: «Глядя на сотрудников нашего Института геологии и геофизики, принимавших участие в фирмах-посредниках, я убедился, что как специалисты они только выигрывали. Их эрудиция, избирательность заметно росли».

Весьма весомо и то обстоятельство, что значительную часть своей прибыли «Факел» перечислял райком ВЛКСМ (с июля 1966-го по июль 1970 года перечислено 584 тысячи рублей) на ведение спортивной и культурно-массовой работы. На средства НПО предполагалось строительство районного Дворца молодежи.

Сохранился один интересный документ Советского райкома ВЛКСМ, составленный в 1968 году под воздействием «Факела», — проект создания института 1975 года, который «являлся бы научно-общественной организацией, имеющей своей целью создание предпосылок и разработку методов научного планирования социального развития общества в рамках Советского района, а также участие в реализации разработанных планов социального развития». В рамках нового объединения намечались, к примеру, организация силами студентов и старшеклассников бюро услуг на дому, включая уход за детьми; оформление интерьеров квартир, организаций и учреждений; развитие архитектуры малых форм в Советском районе и т. п. Предполагаемая организация должна была действовать на принципах «Факела» — на хозрасчете. Согласитесь, что факт такой социальной инициативы, рожденной атмосферой «Факела», примечателен.

Говоря о том, что же имело НПО в пассиве, приведу наиболее существенные обвинения, которые ставились ему в вину и в конце концов довели фирму до ликвидации. Некоторые из них отменяла сама жизнь.

Одно из наиболее частых обвинений, бросаемых в адрес молодежного объединения, было обвинение в финансовых нарушениях. Здесь сразу же заметим, что с самых первых своих шагов «Факел» проверялся, «ревизовался», наверное, чаще и скрупулезнее, чем любая другая организация. Финансовые нарушения выявлялись, но их было ничуть не больше, скорее даже меньше, чем на любом предприятии, в организации или, скажем, райкоме комсомола. Большинство из этих нарушений было связано с наличием огромного количества финансовых ограничений, многие из которых и поныне опутывают своей сетью предприимчивого в хорошем смысле слова руководителя. Так, объединение содержало за свой счет штат детского фехтовального клуба «Виктория», чей опыт впоследствии неоднократно одобрялся на всех уровнях, при-

обретало для этого и других молодежных клубов по интересам инвентарь и оборудование, оплачивало командировки творческих коллективов, приезжавших в Академгородок, и поездки творческих коллективов Академгородка, участвовало даже в финансировании районного совета по физкультуре и спорту.

В вину «Факелу» ставилось и то, что объединение, строя свои отношения с молодежью на денежной основе, развращает ее легкими заработками в ущерб моральным стимулам. В этом случае сыграл свою роль бытовавший в то время стереотип мышления, основывавшийся на неверном, как это не раз отмечалось в последних партийных документах, понимании принципа материальной заинтересованности. Возьму на себя смелость предположить, что только одно НПО «Факел» со своим принципом «холодного материального расчета» принесло народному хозяйству пользы больше, чем добрая сотня различных ОКБ, рационализаторских и других бюро на общественных началах с их среднестатистическими итогами деятельности.

Противники объединения говорили также, что люди, сотрудничающие в нем, на основной работе бьют баклуши или же работают по тематике объединения. На это заметим, что трудовые соглашения объединения заключало лишь при наличии у человека письменного разрешения администрации соответствующего предприятия.

Наконец, целый ряд недостатков в деятельности объединения был напрямую связан с его «непрощеным» и внезапным вторжением в сферу экономики вообще и «неприкосновенную» область финансовых отношений в частности. О них говорили все комиссии, проверявшие деятельность «Факела», их прекрасно видели и сами руководители НПО. Более того, руководители объединения бомбардировали высшие инстанции просьбами узаконить существование объединения, помочь им устранить эти серьезные помехи.

Перечислю их вкратце, пользуясь языком одной из комиссий, проверявших работу «Факела»: «Деятельность НПО противоречит сложившейся практике государственной и общественной работы. Объединение существует при РК без разрешения вышестоящих государственных и комсомольских органов в нарушение соответствующих постановлений правительства и инструкций ЦК ВЛКСМ. Объединение не имеет утвержденного в установленном порядке штата, лимитов по труду и фонда заработной платы. Нарушаются принципы привлечения совместителей для выполнения хоздоговорных работ в научных учреждениях, произвольно устанавливаются размеры накладных расходов и отчислений комсомольским организациям. Институты Сибирского отделения незаконно получают через объединение дополнительный фонд заработной платы для своих сотрудников и нештатного персонала. Отчислений от прибыли объединения в государственный бюджет не производится». Отсюда напрашивается и вывод — побыстрее закрыть фирму и тем все отмеченные недостатки ликвидировать.

История ликвидации «Факела» была долгой и сложной. Отметим в этой связи лишь ряд отдельных моментов. За сохранение «Факела» вплоть до его ликвидации активно выступали Советский райком КПСС и райком ВЛКСМ, Новосибирский обком партии, Президиум Сибирского отделения, научная общественность. «Литературная газета» в течение пяти лет после закрытия «Факела» возвращалась к этой теме, пытаясь завязать дискуссию между сторонниками и противниками молодежных объединений. В декабре 1975 года газе-

та, очевидно, поняв бесполезность своих выступлений, закрыла тему. В итоговой статье отдела экономики были подведены итоги дискуссии, которой, собственно говоря, и не было. По определению газеты, «прения сторон не состоялись», так как выступили лишь сторонники фирм. «Противники же принять участие в дискуссии на страницах газеты не пожелали, продолжая обрушивать в устной форме громы и молнии на организаторов и энтузиастов новых научно-производственных объединений... Невольно задумываешься: не означает ли это просто-напросто пренебрежения к общественному мнению?». В этом риторическом вопросе газеты читается и ответ на него.

В местных архивах сохранился отчет о деятельности НПО «Факел» за 1970—1971 годы, составленный советом директоров и утвержденный на бюро Советского РК ВЛКСМ 12 мая 1971 года. В нем руководство объединения проанализировало итоги деятельности НПО, особое внимание уделив анализу недостатков в работе, чтобы их возможные последователи смогли избежать допущенных «Факелом» ошибок. В отчете, в частности, отмечалось, что Госбанк в течение длительного времени терпел «Факел», ибо финансовая сторона деятельности НПО не вызывала у его работников сколько-нибудь существенных возражений, а государственную ценность опыта «Факела», по существу, должны были определить не они. «Факел» был ликвидирован после того, как Госбанк потерял надежду услышать такую оценку деятельности «Факела». Однако его опыт показал, что эта форма внедрения научных разработок в производство удачно сочетается с существующими и ей всегда найдется место в системе внедрения. Пока существуют межведомственные барьеры, объединения, подобные «Факелу», смогут оказывать большую помощь делу научно-технического прогресса. Этими словами заканчивается вышеупомянутый документ.

Подводя итог печальной истории молодежного объединения, можно определенно сказать, что в этом случае как раз и сработал «механизм торможения социально-экономического развития, сдерживания прогрессивных преобразований», о котором говорилось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС.

К сожалению, в то время «Факел» — это «преждевременно рожденное дитя» — так или иначе был обречен, поскольку не вписывался в действовавший хозяйственный механизм, обложенный разного рода инструкциями, ограничениями и запретами.

С тех пор, однако, многое изменилось. Решения XXVII съезда КПСС расчищают дорогу всему новому, передовому, освобождают экономическую страну от сдерживающих ее развитие пут.

Совсем недавно принято постановление Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о создании новой общественно-государственной системы научно-технического творчества молодежи. Ее основа — районные и городские центры НТТМ. Организованные на принципах хозрасчета, они будут строить свои отношения с заказчиками на основе хозяйственных договоров. Для выполнения договоров планируется формировать творческие молодежные коллективы. Определен и порядок оплаты работы таких коллективов. Это постановление еще раз подтверждает правильность основных принципов «Факела» и необходимость более внимательного изучения его опыта. Создание молодежных творческих объединений может стать большим конкретным делом комсомола и его многотысячного отряда научной молодежи.

КУДА ИДЕТ
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
ПОСЛЕ РАБОТЫ,
ЧТО ВОЛНУЕТ ЕГО,
КАК ОН ПРОВОДИТ
СВОЙ ДОСУГ?
ЭТИ ВОПРОСЫ
ВСЕГДА ДОЛЖНЫ БЫТЬ
В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ
КОМИТЕТА КОМСОМОЛА,
ПОДЧЕРКИВАЛОСЬ
НА XX СЪЕЗДЕ ВЛКСМ.

В райком комсомола он пришел не сразу. Чего он там забыл? Поговорить?.. А поймут ли?..

В свои неполные шестнадцать Сергей давно уже прослыл «трудным». Друзья, знакомые мальчишки со двора безоговорочно признали его своим вожаком. Еще бы! Никто не умел так «по-взрослому», с подковыркой, поговорить с участковым, а главное — он был сильнее всех. В последней драке — улица на улицу — «майским» от него здорово досталось. Если бы не милиция...

Привели их к инспектору по делам несовершеннолетних, а там за столом, плечо к плечу, сидят человек десять — комиссия. И этот, небольшого роста,

сухощавый такой, с комсомольским значком на лацкане пиджака, тоже там сидел. Как их «воспитывали»! Зачем да почему, да как они дошли до жизни такой? Сколько раз он слышал это! Так он им и скажет правду, ждите, как же... А «комсомолец» в разговор не вступал. Смотрел на него, Сергея, своими слегка прищуренными глазами, как будто даже улыбался, подбадривая, словно заранее знал все его уловки.

Когда все расходились, парень задержался и окликнул Сергея. Сказал просто, как старому знакомому: «Приходи в райком, потолкуем. Зовут меня Валерий, фамилия — Сыресин. Спроси, там скажут, где найти».

И вот он наконец-то решился. Почему-то именно этому незнакомому человеку захотелось выложить все, что наболело, жгло душу: и то, как ранят непрерывные ссоры родителей, которым до него нет дела, и то, как мало у него настоящих, преданных друзей, и то, как надоела ему школа, где только и слышит: «Хулиган, бандит».

Вот и дверь, за которой его ждет секретарь райкома комсомола. Уйти?.. Еще не поздно. Нет. Подумает, что струсил, Сергей решительно постучал.

Долго длилась беседа. И чем больше они говорили, тем явственнее Сергей осознавал, что здесь ему верят, здесь его понимают. Тогда-то он и высказал свое самое сокровенное желание — устроиться на работу.

Сергей ожидал возражений, уговоров, приготовился к отпору. Но каково было его удивление, когда секретарь райкома молча снял трубку и набрал номер:

— Алло, отдел кадров «Буммаша»? Сыресин говорит. Здравствуйте! Сейчас к вам придет один молодой человек, уж вы, пожалуйста, найдите для него дело. Парень работать хочет. Ну, вот и все, — повернулся он к Сергею. — Заходи, если что.

Тот не спешил прощаться. — Что еще? Говори прямо, — подбодрил его Валерий.

— А можно у тебя билеты купить в молодежное кафе? Я слышал, там интересно.

— Почему же нет? Можно. Сколько тебе?..

Когда дверь за Сергеем закрылась, Сыресин долго еще не мог настроиться

МЕСТО ВСТРЕЧИ —
РАЙКОМ

Ирина МАЧУЛЬСКАЯ

Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

*Встречи, споры...
Чем лучше
знает секретарь
запросы,
интересы,
вкусы молодых,
тем живее,
конкретнее работа
райкома комсомола.*

на рабочий лад. Ждали срочные справки, какие-то сводки и графики. До них ли сейчас? Одолевали сомнения, правильно ли он поступил. Может, нужно было отговорить Сергея, убедить его продолжать учебу? У самого было нечто подобное: учился уже на третьем курсе, и вдруг показалось, что экономическая кибернетика не его стихия. Бросил институт, а потом все же одумался, вернулся. Не побоялся ни упреков, ни насмешек.

Вспомнились ребята, которые вот так же, как Сергей, приходили устраиваться на «Буммаш», где он еще недавно работал. Держались они независимо, даже с вызовом: не возьмете — не надо, и так проживем. Но через месяц-другой спесь с них как ветром сдувало.

Нет, все сделано правильно: Сергею на «Буммаше» понравится. А с заводскими комсомольцами он обязательно еще об этом поговорит. Они наверняка помогут. Не дадут парню пропасть.

Валерий сделал запись в календаре — теперь можно и за дела приниматься. Если бы не твердая позиция первого — Андрея Атаева, бумажек у него было бы еще больше. И он с благодарностью подумал о товарище, рьяно ограждающем свой аппарат от идущего сверху бумажного водопада и бесполезных заданий.

Не по сердцу ему эта кабинетная работа. Самые нелюбимые дни — понедельник и пятница: сплошные заседания, совещания. Куда лучше поехать на

завод, поговорить с ребятами. Чуть не забыл! Надо побывать сегодня у комсомольцев из производственного объединения автотранспорта. Чего придумали: роят землю в подвале подшефной школы, хотят оборудовать там танцзал. Убеждал, уговаривал Лену Вшивцеву, заместителя секретаря комсомольской организации: бесполезное это занятие, не оберешься потом хлопот с пожарным надзором, с архитекторами, а она свое: «Все равно будем там работать, больше у нас никакого помещения нет, да и школьники нам помогают, копаем землю в две смены». А может, так и надо?.. Обязательно посмотрю, что там у них выходит.

Звонил телефон, в кабинет то и дело заходили люди, но Валерий мысленно вновь и вновь возвращался к разговору с Сергеем. И дело тут не только в этом парнишке, давно уже волнует его вопрос, как быть с пацанами, которых справедливо, а чаще несправедливо называют «трудными».

Все началось с того, что первым его серьезным комсомольским поручением было шефство над таким вот «разгильдям». С Женей они жили по соседству, в одном доме. До седьмого класса он был отличником, чемпионом школы по шахматам, ездил в Артек. За какой-то год изменился до неузнаваемости — гроза двора и горе для участкового. Откуда такая резкая перемена? Не могла же она произойти ни с того, ни с сего. И Валерий терпеливо искал причину столь неожиданной метаморфозы. Нет, специальных бесед не проводил, а так, словно бы ненароком, за шахматами, спрашивал то об одном, то о другом. Что читает, какое кино смотрел... Валерий был уверен, что грубость, цинизм — это все наносное, а в глубине души у парнишки запрято что-то искреннее, светлое.

Женя жил вдвоем с матерью, без отца. И в пору взросления, когда у мальчишки появляется тысяча «почему», ответов на них он не получил. Зато дружки на улице растолковали ему все по-своему...

Знал бы Женя, что к каждому разговору с ним Валерий готовился, как к экзамену... Подбирал примеры, читал книги, советовался с мамой, школьной учительницей. И если честно, то не всегда он умел ответить на какой-нибудь каверзный мальчишеский вопрос.

И все же из своего небольшого педагогического опыта Валерий вынес несколько важных наблюдений. Во-первых, индивидуальное шефство над «трудными» нельзя понимать как персональную опеку. У многих мальчишек не хватает смелости, силы воли по-рвать со своими дружками, «компанией». Случай с Женей — скорее исключение: в том, что парень стал другим, Валерий видит больше не свою, а его заслугу.

Во-вторых, особую важность имеет для 15—16-летних правильно организованный досуг. Чтобы их не просто развлекали, а развивали, воспитывали.

Часто в разговоре с подростками Сыресин слышал одно и то же: «А что нам делать вечерами? Перед телевизором сидеть? В клуб не пускают, школа — на замке. А когда мы собираемся в подъезде и поем под гитару, прохожие шаркают, вызывают милицию. А где нам собираться?»

И верно, не так уж много в Устиновом месте, где можно отдохнуть после работы или учебы. Несколько кафе и танцплощадок, а дворцы культуры, построенные лет 30 назад, уже не отвечают требованиям молодых.

Впрочем, что значит «не отвечают»? Смотря как взяться за дело. Каким был всего лишь два-три года назад Парк космонавтов? Не парк культуры и отдыха, а какой-то рассадник правонарушений. Сама обстановка располагала: пивная, темные заросли, выбитые лампочки на фонарях, танцы до упаду под грохот разбитного ансамбля...

Тогда Валерий работал заместителем секретаря комитета комсомола завода «Буммаш». Их комсомольская организация как раз и шефствовала над

парком. Но как ни бились ребята, ничего не получалось. Фантазии, что ли, не хватало. Да и не под силу это одной организации. И тогда он выступил с предложением на районной отчетно-выборной комсомольской конференции — сделать организацию досуга в парке «малым», но конкретным делом для всех. Надо же в конце концов показать, на что способны комсомольцы. А то ведь в глаза называют «болтунами», «обещалкиными». Даже шутка такая среди «деловых людей» появилась: если хочешь завалить какое-нибудь дело, поручи его комсомольцам. Обидно, но ведь так оно и бывает. И это мнение не словами надо опровергать. Главное сейчас — не расплыться, не брать за все сразу, а выделить для работы что-то одно, например, тот же досуг молодежи, довести дело до конца.

Не думал Сыресин тогда, что на той конференции его изберут вторым секретарем Индустриального райкома комсомола и свое предложение, планы, которые сообщал наметили, ему придется осуществлять, как говорится, в новом качестве.

Наладили в парке дежурство оперативного комсомольского отряда, организовали дискотеку. Но это обстановку не меняло. Реже, но драки вспыхивали, по-прежнему молодежь шла на танцы под хмельком.

Валерий был убежден: надо ближе познакомиться с завсегдатаями танцевальных вечеров. Знал, что подростки группируются по своим улицам, дворам, микрорайонам. Дисциплина у них жесткая: сбор в одно и то же время, на одном и том же месте. Подчинение лидеру беспрекословное. И все это ради одного — не допустить «чужаков» на свою территорию. Что это, мальчишество, издержки переходного возраста? Так, но ведь верховодят в этих компаниях подростки, которые давно не в ладу с законом, те, кто уже привлекался к уголовной ответственности. Вот и другим ребятам они навязывают свои законы и правила, свои понятия о смелости и товариществе.

Конечно, можно просто разогнать эти сборища с помощью оперотряда и милиции. Но настоящий порядок такими мерами не наведешь.

Пришли в парк вместе с первым секретарем райкома ВЛКСМ Андреем Атаевым. Оба волновались, гадали, как воспримут подростки нежданных гостей. Понимали, как важно с самого начала взять правильный тон разговора — без превосходства и начальнических ноток, но и не скатываться к панибратству.

Контакт установился на удивление легко. Наверное, потому, что ребят никто не ругал, не читал им нотаций, не гнал с насиженного места. К ним пришли, как к равным, и разговаривали, как с равными. Андрею и Валерию даже представляться не пришлось.

— Знаем, знаем, — послышалось со всех сторон. — Вы из райкома. Кто еще вечером в парке с комсомольским значком ходить будет...

— А среди вас есть комсомольцы? — поинтересовался Валерий.

— Нет таких. Нам и так хорошо. У нас своя организация, — ответил за всех вихрастый крепыш.

Сыресин сразу смекнул, что это и есть лидер. И дальше обращался только к нему.

— Не надоело собираться под открытым небом?

— А где еще? — был ответ. — В райкоме, что ли?

Конец фразы потонул в хохоте.

— Почему бы и нет, — подхватил Сыресин. — Приходите, поговорим. Мы сейчас молодежное кафе организуем. Хотели бы знать и ваше мнение.

— Нет, уж лучше вы к нам.

Нельзя сказать, что первая встреча разочаровала, но и удовлетворения не принесла. Все оказалось гораздо сложнее. Возникли новые вопросы: что дать этим мальчишкам и девочкам взамен вечерних посиделок? Как отвлечь их от бесполезного времяпрепровождения?

И снова начались поиски, эксперименты. Идей было много. Сначала попытались организовать массовые гулянья. Но вскоре отказались от этой затеи. В тесноте, в гоме почти не было слышно ведущих, не все выдерживали трехчасовое представление, да и подростки терлись среди этой толчеи.

Сменили тактику. Придумали игры для ребят, подготовили вечера юмора, пригласили интересных людей, организовали спортивные состязания, выступления самостоятельных молодежных коллективов. И дело пошло. Зрителей и участников не убавилось, но каждый мог теперь найти себе отдых по душе. И потянулись в парк не только подростки, но и люди постарше, приходили семьями, с детьми — раньше семейные пары обходили парк стороной. Велико-возрастные забияки перестали чувствовать себя единственными хозяевами парка. Держались они по-прежнему особняком, но при встрече с комсомольскими работниками сдержанно здоровались — знакомые как-никак.

Постепенно Атаев и Сыресин узнали всех заводил не только в лицо, но и по имени, узнали также, и где они живут, учатся, кто их родители.

— Трудные это были дни, — рассказывает Валерий. — Конфликты вспыхивали то здесь, то там, но до драки не дошло. И пьяных стало меньше.

Лето кончалось. Нужен был, так сказать, стационарный очаг культуры для молодежи. Давно витала в воздухе идея молодежного кафе в районе. Валерий еще раз внимательно перечитал собранные в специальную папку статьи о досуге молодежи. Побывал в молодежном центре радиозавода. Конечно, такому великолепию можно было позавидовать. Керамика, оригинальные светильники, свисающие прямо к столикам, мягкая мебель, зимний сад... Все это выглядит внушительно. Заводчане построили свой центр собственными руками, поэтому и держались несколько свысока. Намек был ясен: дескать, на наши апартаменты не рассчитывайте, от своих ребят отбоя нет.

Можно много рассказывать, с каким трудом выбивали помещение, добывали музыкальную аппаратуру, доставали официальное разрешение на открытие кафе, договаривались с руководителями общепита. Да, нелегко, когда нет ни средств, ни оговоренных в законе прав, а есть лишь личное обаяние и большое желание сделать что-то хорошее.

Будущий директор кафе Павел Мамеев и диск-жокей Константин Сакьянц время попусту не тратили. Искали популярные записи, принесли в кафе свою аппаратуру, заказали пригласительные билеты. Когда первые красочные открытки, еще пахнущие свежей типографской краской, легли на стол Сыресина, он долго любовался ими, перечитывал по нескольку раз. И решил, что будет распространять билеты сам.

Честно признаться, когда я узнала об этом, то никак не могла уяснить, зачем это секретарю райкома.

— И ты не понимаешь, — вздохнул Валерий. — Мне говорят, что из-за этого я упускаю другие дела. Но ведь нужно знать, кто ходит в кафе. Нельзя допустить, чтобы оно стало элитарным, чтобы туда попадали одни и те же. Поэтому у нас твердое правило: половина посетителя — заводские ребята. Кроме того, — продолжает Сыресин, — такая «коммерция» помогает мне поддерживать отношения с лидерами подростковых компаний. Полезно лишний раз встретиться с ними, поговорить не только о танцах. Конечно, это лишь для начала, чтобы наладить дело.

После всего услышанного о кафе очень захотелось побывать там. Девять вечера. Поднимаемся по крутой лестнице. У входа толпятся подростки.

— Вы что здесь делаете?

— Ждем...

— Так каждый раз, — говорит Валерий, — побещай им на полчаса попасть в кафе, будут ждать весь вечер.

Дискотека шла своим ходом, и меня сразу захватил живой, интересный рассказ диск-жокея.

— Сейчас мы познакомим вас с новым направлением современного танца — брейком, — объявил Константин.

Зал одобрительно зашумел. На сцену вышли четыре подростка. Они застыли в непривычных позах. Потом, когда зазвучала быстрая ритмичная музыка, завертели волчком, становились на руки, проделывали сложные акробатические трюки.

— Видели бы вы этих парнишек, — Сыресин кивнул на танцующих. — Они тут и раньше отплясывали, аж в глазах рябило. А вели себя хуже некуда. Насколько раз ребята из оперотряда выдворяли их, а они снова сюда проникали. Костя, диск-жокей, предложил им научиться брейку и выступать здесь каждый вечер. Согласились с радостью и занимались до седьмого пота. И вот результат. Пить бросили, не курят. Ведь это с виду им легко, а попробуй-ка потанцевать так минут 10—15... Обрати внимание, как их принимают. Кумиры, да и только! А в случае необходимости — первые помощники оперотряда.

Да, стычки бывают. Более того — кафе используется как место встреч враждующих подростковых компаний. Это тоже идея Сыресина. Есть в ней риск? Конечно. Но и польза несомненная, ведь подросткам поневоле придется общаться друг с другом, и постепенно вражда утихает, сходит на нет.

Очень надеялся Валерий, что присутствие в кафе молодых рабочих еще больше разрядит атмосферу, но этого, увы, не произошло. Для рабочих парней и девчат дискотека, как оказалось, неинтересна. Они предпочитают просто посидеть, поговорить или кого-то послушать, танцы для них — не главное. Подросткам же с их импульсивной энергией по сердцу другие правила, когда можно усесться прямо на эстраду или опуститься на корточки у стены. И уж совсем мешают им столики — «лишь место занимают». Значит, надо искать что-то новое, интересное для всех.

— Приезжайте к нам через полгода, — приглашали ребята. — Мы здесь такое задумали!

— Видишь, какие у меня помощники, — улыбается Сыресин, — без них райком, как без рук.

Да, удивительная у секретаря райкома комсомола способность располагать к себе людей, заражать своим оптимизмом, энергией.

Как сделать комсомольский райком центром притяжения? Как добиться, чтобы молодые люди шли сюда с охотой, с уверенностью, что здесь их выслушают, помогут? Думаю, тот путь, который выбрали Валерий Сыресин и его коллеги, — путь активного, прямого общения с молодежью, приведет их к успеху. Если только они не отступят с полдороги, не ограничатся полумерами. Если только им хватит настойчивости, терпения.

...Был поздний вечер. За окном гудел на все лады холодный, пронизывающий ветер. Шел дождь со снегом. В райкоме комсомола горели два окна — в кабинете у Атаева и Сыресина. Они не спешили расходиться. На сегодня назначена встреча с лидерами подростковых групп. Валерий прочитал статью в газете о наркоманах и встревожился: пора прозондировать почву.

До назначенного часа оставалось несколько минут. Никто пока не пришел. Валерий то и дело вставал, подходил к окну, пытаясь хоть что-то увидеть в непроглядной тьме. Потом сбегал со второго этажа вниз, дежурил у двери. Придут или не придут?

В тот вечер никто не появился. Для верности подождали еще 30 минут. Нет, никого. Настроение испортилось. Особенно нервничал Валерий. На его лице вспыхивал румянец.

— Это я виноват, — говорил он, — Наверно, что-то не так сказал, не сумел толком объяснить...

Потом уж Сыресин узнал, что из тех ребят, с кем он договаривался, к райкому подошли трое. Но решили, что их слишком мало, да и в райкоме их уже никто не ждет. А их ждали...

Наш давний автор Дмитрий Антонович Волкогонов не раз выступал на страницах «Смены» с публикациями на военно-патриотические темы. Его публицистические статьи, посвященные проблемам современной армии, неизменно вызывают горячие читательские отклики. Несомненный интерес вызовет и готовящаяся к выходу в свет в Воениздате книга Д. А. Волкогонова «Советский солдат», в которую войдут размышления автора, публикуемые ниже.

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ,
доктор философских наук,
профессор,
генерал-полковник,
заместитель начальника
Главного политического
управления
Советской Армии и Флота

Жизнь человеческая — явление сложное. Она не походит на слащавую пастораль или безоблачную идиллию. В процессе становления нового, в борьбе с отживающим, чуждым, враждебным нам нередко приходится сталкиваться с тем, что мы называем антиподами коммунистической морали. В ком из нас не вспыхивало чувство осуждения и негодования, когда мы сталкивались, хотя бы и редко, с фактами бездушия, формализма, грубости, фарисейства? У кого не появлялось желания и намерения остановить грубана, пресечь несправедливость? Все, что противоречит интересам коллектива, нашему общему делу, мы решительно осуждаем и отвергаем. Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности. Стяжательство, частнособственнические тенденции, хулиганство, пьянство, бюрократизм и равнодушие к человеку противостоят самой сути нашего строя.

В борьбе с подобными явлениями, которые еще есть в нашей жизни, могут возникать конфликтные ситуации.

Моральному совершенству не противопоставлены ни сложность, ни драматизм, ни сомнения. «... Жизнь идет вперед противоречиями», — писал В. И. Ленин. — и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется». Но противоречие — еще не конфликт. Только при определенных условиях и при достижении известной «критической точки» противоречие может выразиться в конфликте, когда происходит острое столкновение нового со старым, общественного с индивидуалистическим, честного с бесчестным. Это является объективной основой конфликта.

Но есть и сторона субъективная. Она проявляется тогда, когда человеку необходимо сделать выбор в такой ситуации, которая допускает неоднозначность, иногда множественность решения.

Порой человеку приходится мучительно бороться с собой, чтобы принять верное решение, особенно когда не совпадают намерения чувств и рассудка, стремления и возможности, желания и обязанности, старые привычки и новые условия и т. д. И это бывает нередко.

Выступая на комсомольском собрании, младший сержант С. Мищенко говорил, что иногда в работе приходится сталкиваться с фактами морального равнодушия комсомольцев. На обраще-

КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ

Размышления о патриотическом воспитании молодежи

Фото Владимира Чейшвили

ния, призывы у таких людей всегда готов ответ: «Чем я хуже других?». «Не я первый, не я последний». «Разве мне больше всех надо?». Мне кажется, рассуждает он, что подобная пассивная позиция вступает в моральный конфликт с нашими комсомольскими нормами, образом жизни. Прав, конечно, товарищ Мищенко. Когда человек довольствуется лишь малым, узколичным отношением к общественному, он рано или поздно вступит в конфликт с мнением и интересами коллектива. Созерцательное, пассивное отношение к жизни оборачивается в конечном счете против человека с индивидуалистической позицией.

Только принципиальное отношение к конфликту, его истокам, характеру позволяет занять верную позицию. Уволенный в запас рядовой К. Парюк написал своему командиру: «Вы нам часто говорили о чести, достоинстве и порядочности. И своим поведением подтверждали, что это такое. Я и сам не думал, что эти беседы оставят в сознании такой след. А выходит — оставили. Сегодня наша бригада опять отремонтировала дизели (я ремонтник). Делали одно, а бригадир хотел записать другое — оплатить больше. Не смолчал я,

выступил против, хотя и не все меня поддержали. Еще в армии я понял, что главное для человека — быть принципиальным к себе и товарищу в большом и малом... Ведь иначе можно потерять доверие к самому себе...»

Моральные конфликты разнятся не только по содержанию противоречий, но и по степени их сложности. Возьмем, например, возможное расхождение между общественными притязаниями и недостаточным старанием или способностями человека. Это бывает обычно тогда, когда человек требует больше, чем он заслуживает. Такие конфликты очевидны, как очевидны и пути их разрешения. Они обычно не отличаются сложностью коллизии, трудностью выбора решения; здесь довольно прямолинейно сталкиваются лицом к лицу противоположные тенденции. И можно с уверенностью сказать, что в таком случае коллектив осудит, выразит порицание недобросовестному человеку.

Но существуют нравственные столкновения и более сложные, истоки которых могут корениться в преувеличении своих возможностей, некритическом отношении к собственной деятельности, своим достоинствам и возможностям. Бывает ведь, что тяга к умственному

труду рождает неуважение труда физического: развитие индивидуальности порой сопровождается проявлениями индивидуализма; стремление к всесторонности развития оборачивается лишь поверхностным, дилетантским знанием различных областей жизни. Чтобы доброе намерение, желание превратились в дело, поступок, моральное качество, необходимы действие, воля. В противном случае человек испытывает лишь горечь разочарования. Гегель однажды заметил, что «лавы одного лишь хотения — суть сухие листья, которые никогда не зеленели».

Каждая личность в своем развитии и становлении нередко проводит своеобразные моральные эксперименты. Дело в том, что отдельные ситуации отличаются возможностью различного, многовариантного решения. Когда человек на собственном опыте убеждается, что моральное удовлетворение и общественную ценность составляют только поступки, совершенные в духе принципов нашей морали, он и сейчас, и впредь при разрешении жизненного морального противоречия призывает к себе в советчики только коммунистическую этику — логику высоконравственного поведения. И наоборот, у человека, имевшего возможность убедиться, что отступление от требований уставов, сложившихся правил, норм морали сходят с рук, может возникнуть установка, когда человек говорит одно, а делает другое, у него одно — на людях, другое — наедине. Так возникает дуализм личности — моральное раздвоение, которое может стать источником многих конфликтов. Конечно, лучшим лекарством против такого морального раздвоения являются критика и самокритика, приобщение человека к общественным делам, выработка у него сознательной требовательности к себе в большом и малом. Ибо замечено, что человек тем больше зависит от своих слабостей, чем меньше он их осознает.

Одной из причин моральных конфликтов на службе, в семье, в отношениях с товарищами является пристрастие к спиртному. Люди давно заметили губительность пьянства для человека. В одной древней восточной сказке по этому поводу говорится, что вино сообщает каждому, кто пьет его, четыре качества. Вначале человек становится похожим на павлина: он пыжится, его движения даже кажутся плавными и величавыми. Затем он приобретает характер обезьяны и начинает со всеми шутить и заигрывать. Потом он уподобляется льву и становится самонадеянным, гордым, стремится продемонстрировать свою силу. Но в конце концов он превращается в обыкновенную свинью и ведет себя соответственно.

В этой старой мудрости много от жизни. Ведь еще А. П. Чехов метко заметил, что водка — белая, но красит нос и чернит репутацию. Еще никому и никогда спиртное не оказало моральной услуги в жизни и оказать не может. Тяга к спиртному получает в армейской, флотской среде резкий отпор, однако отдельные случаи пьянства иногда все же напоминают о себе дорожными происшествиями, неисполнительностью, самовольными отлучками из части и дру-

гими нарушениями дисциплины. Известно, что склонность к спиртному, как моральное безволие и распущенность, приводит к резкой инфляции не только нравственных, но и интеллектуальных качеств. Доказано, например, что принятие даже незначительного количества спиртного снижает работоспособность человека на 25—30 процентов; он устает быстрее почти в два раза, замедляются его реакция и темпы мыслительной деятельности и т. д. Последствия выпитого даже в незначительных количествах сохраняются в организме по нескольку суток, резко ограничивая физиологические возможности человека. Употребление алкоголя снижает проявление моральной ответственности человека, и его действия могут вести к нежелательным эксцессам, моральным конфликтам. Их ликвидация (и самих предосторожностей) возможна только в результате полного исключения спиртного из жизнедеятельности личности. В противном случае это грозит моральным падением, утратой воли, ослаблением интеллекта.

Иногда встречаются конфликты, связанные с нарушением норм взаимоотношений между сослуживцами. Жизнь показывает, что советские воинские коллективы исключительно сплоченны, дружны, монолитны. Отдельные факты ненормальных взаимоотношений совсем не характерны для них, но тем более непримиримыми мы должны быть к ним. О чем идет речь?

Среди воинов срочной службы могут появляться, как говорят социологи, «неофициальные лидеры», которые оказывают заметное влияние на товарищей в силу своих определенных личных качеств. Значительным авторитетом у молодых солдат и матросов пользуются воины второго и третьего годов службы, являющиеся, как правило отличниками учебы, классными специалистами, мастерами своего дела. В здоровом воинском коллективе на этой основе возникает естественное желание старослужащих помочь молодым воинам быстрее овладеть боевым мастерством, приобрести необходимый опыт. Это стремление, как правило, дает весьма положительные результаты.

Но бывает иногда, что «лидером» среди членов экипажа, расчета может стать и человек с отрицательными задатками и склонностями, которые не способствуют установлению здоровой моральной атмосферы. Свое «лидерство» такая личность видит прежде всего в подавлении индивидуальности окружающих сослуживцев, превращении их в исполнителей своей воли. Это обнаруживается в различных конфликтных ситуациях, в возможном появлении таких нездоровых явлений, как круговая порука, ложное понимание дружбы и товарищества, в попытках недозволенным образом подчеркнуть свое «превосходство» над младшими. На этой почве могут возникать нравственные коллизии, которые обычно не выносятся «на люди» ни инициаторами, ни пострадавшими. А отсутствие гласности значительно затрудняет использование действительных моральных средств для устранения подобных нравственных аномалий.

Хотя такие явления единичны, нехарактерны для нравственных отношений в воинском коллективе, весьма важно проявлять к ним самую принципиальную непримиримость. Если воин обладает достоинством, честью, он никогда не позволит по отношению к младшим нетоварищеского, высокомерного отношения и никогда не будет мириться с подобными, даже отдельными случаями.

Если в коллективе создана обстановка нетерпимости к любым проявлениям высокомерия, грубости, зазнайства, лицемерия и всячески поощряются акты благородства, воинской чести, верности данному слову и принятым обязательствам, то в нравственных отношениях воинов рождаются лишь мотивы, поступки, действия, полностью соответствующие требованиям уставов и принципам коммунистической морали.

Здоровая моральная атмосфера, таким образом, — важное условие недопущения нравственных аномалий и их успешного разрешения, если они все же возникнут. Чем полнее и последовательнее соблюдается в части, на корабле уставный порядок, поддерживаются принципиальные, товарищеские отношения, тем благоприятнее условия для развития каждого воина и установления здоровой атмосферы в коллективе. А она зависит от всех, от умения сочетать деловитость с доброжелательностью, пунктуальность с инициативой, строгость со здоровым юмором — хорошим «амортизатором» в человеческих отношениях. Умение создавать при решении сложных вопросов обстановку подлинного товарищества, непринужденности, доброго настроения — один из способов избежать ненужных моральных трений. А. В. Луначарский в своих воспоминаниях писал, что во время утомительных заседаний, где решались важные государственные вопросы, В. И. Ленин, найдя хороший повод, «принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени — над шутками самого ли председателя, который очень любил строить, или кого-либо из докладчиков. Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность...» Этот пример еще раз нам напоминает, что добрый юмор — хороший способ нравственной разрядки во внутриколлективных отношениях, способный снять излишнее напряжение, отчужденность, неприязнь, а иногда и разрядить конфликтную коллизию.

Вместе с тем важно уметь не драматизировать нравственную ситуацию, сохранять моральную трезвость и спокойствие. Насколько это важно, видно из того, что на вопросы нравственной уравновешенности обращали внимание и классики марксизма. «...Когда я вижу, — писал Ф. Энгельс, — как многие портят себе жизнь просто из-за пустяков, абсолютно без всяких оснований, то я считаю себя счастливым, что сохранил неизменную бодрость духа и умею смеяться над всякой ерундой».

Конечно, в основе многих нравственных конфликтов лежат реальные противоречия жизни. В социалистическом обществе в отличие от буржуазного эти противоречия не носят антагонистического характера. В основе конфликтов могут лежать недостаточная воспитанность отдельных людей, влияние пережитков прошлого, буржуазной морали. Большинство их разрешается в процессе воспитания людей, устранением условий, которые способствовали выработке конфликтных ситуаций. Но когда конфликт все же возникает, проявляясь в форме столкновения различных позиций, подходов, мотивов, поступков, то здесь очень многое зависит от участника конфликта. Это проявляется во многих отношениях, и прежде всего в том, что в самой сложной моральной ситуации воспитанный человек примет правильное решение и проведет его в жизнь. Недопустимость сделок с совестью, беспринципность — важное условие правильного разрешения конфликта. При этом должна быть проявлена готовность принять ответственность на себя. Когда пытаются в собственных неблагоприятных делах винить других — этим демонстрируется моральная ущербность человека. От того, что чернишь других, сам белее не станешь. Поэтому нельзя, например, при рассмотрении поступка нарушителя дисциплины, моральной нормы делать акцент только на то, что «коллектив недосмотрел», «комсомол не воспитал», «товарищи слабо влияли» и т. д. В этом случае невольно нарушитель представит лишь как «жертва упущений общест-венности».

Слов нет, решающая роль в формировании сознательности человека принадлежит социальной среде, коллективу, воздействию воспитателей, партийной и комсомольской организациям. Ну,

а сам человек? Разве с него снимается ответственность за поведение, позицию в нравственном конфликте? Нет, конечно. Умение сопоставить, сверить свои намерения, дела, поступки с общественным, коллективным интересом, умение приказать себе в сложную минуту перешагнуть через мелкое, наносное, ущербное всегда характеризуют правильную нравственную позицию личности. Нежелателен не сам по себе конфликт, а прежде всего неверная позиция, которую занимает тот или иной человек.

В своей книге «Солдатский долг» Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский вспоминал, что в тяжелом 1941 году он однажды оказался в цепи оборонявшихся бойцов. Сплошной траншеей не было. Добравшись до одной из одиночных ячеек, он укрылся там. Рвали снаряды и мины, свистели пули и осколки. Фашистские самолеты бомбили наши позиции. «Я, старый солдат, — вспоминал маршал, — участвовавший во многих боях, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и взглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который может быть, впервые в бою!»

Человек всегда остается человеком, и в минуты опасности, подытоживает полководец, ему особенно хочется быть среди товарищей, в коллективе. Он, коллектив, дает ему силу, уверенность в себе, позволяет в трудный миг перешагнуть через «не могу», до конца выполнить свой долг. Вспомните, самые яркие страницы Великой Отечественной войны связаны с коллективным подвигом советского народа, его Вооруженных Сил. Великое чувство слитности, нерасторжимой связи и единства питает наши духовные силы и в гонимую военную лихолетья, и в дни мирных свершений. Нравственное здоровье человека в огромной степени зависит от моральной атмосферы коллектива, его зрелости. Нравственный барометр воспитанности находится среди твоих, воин, сослуживцев-однополчан.

Без людей-единомышленников, без друзей по классу, оружию отдельный человек никогда не поднимется до вершин подвига, никогда не сможет в полной мере проявить свою творческую мощь. Запас нравственной мудрости и опыта у коллектива всегда больше, чем у отдельного человека, особенно у коллектива, в котором царит здоровая моральная атмосфера.

Мы с детства живем в коллективе. Сначала — в дошкольном (детский сад), затем — в школьном, производственном и на определенном этапе — в коллективе воинском. Ему присущи все общие черты социалистического коллектива. Но вместе с тем он обладает и специфическими, особыми чертами. Они определяют главным образом той ролью, которую играет воинский коллектив в жизни нашего общества, его специальным предназначением. Воинский коллектив формируется особым образом, в нем действуют специфические нормы взаимоотношений между людьми, закрепленные в воинских уставах и наставлениях; он подчиняется единой воле, у него особые функции, связанные с постоянной готовностью к вооруженной защите Отечества. Г. К. Жуков писал по этому поводу: «Какая это большая сила — здоровый армейский коллектив! Там, где действует энергичный общественный актив, там всегда будет настоящая коллективная дружба. А в ней залог творческого энтузиазма и успехов в боевой готовности части».

Воинский коллектив решает немало задач, и одна среди них — воспитательная. Расспросите своего деда, отца, любого человека, отслужившего в армии, на флоте и повесившего на почетное место в своем доме солдатскую или матросскую шинель, о той роли, какую в его жизни сыграл воинский коллектив, и вы непременно услышите лишь добрые слова. Вот несколь-

ко ответов на этот вопрос, заданный ряду товарищей, в разное время исполнивших свой почетный долг — службу в армии. Н. С. Щелкунов, ветеран Великой Отечественной войны, водитель: «Сорок лет прошло после окончания войны, а мы с боевыми товарищами из нашего авиационного полка, те, кто еще жив, регулярно, раз в год собираемся вместе. Спаяла нас вместе фронтовая дружба. И каждая такая встреча — это не только добровольная дань коллективизму, но и встреча с минувшей юностью». Р. К. Сабиров, инженер: «Служил я на флоте в конце шестидесятых годов. Не скрою, трудно привыкал к службе: распорядок, команды, нормативы... А вот сейчас часто ловлю себя на мысли, что все, что я получил в эти годы (организованность, настойчивость, способность переносить трудности), получил с помощью моего дорогого флотского коллектива». С. И. Петров, студент: «Когда кончалась служба, я торопил время. А сейчас вот завидую моим двум товарищам, которые, отслужив, пошли в военное училище. Военный коллектив — особый: даже слабый в нем себя чувствует сильным».

Лишь три мнения. Их можно было бы привести значительно больше. Суть подавляющего большинства сводится к высокой оценке роли воинского коллектива в становлении личности. А она, как известно, неповторимо уникальна. Каждая личность обладает своими способностями, склонностями, интересами, вкусами, стремлениями, привычками. Не ломают ли рамки воинской жизни, нормы служебных взаимоотношений существующие правила привычек и склонностей? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Да, ломают привычки дурные, бьют по неорганизованности, расхлябанности, неисполнительности, медлительности, нерешительности. И, наоборот, воинский коллектив, его нормы жизни всячески поощряют товарищество, прямоту, душевную щедрость, отзывчивость, бескорыстие, усердие. У коллектива есть мощное средство, которое никто не может игнорировать, никто не может отменить и на которое некуда идти жаловаться. Речь идет об общественном мнении коллектива, которое, как нравственный барометр, определяет его моральную атмосферу. По отношению к конкретной личности оно, общественное мнение, как правило, объективно, непреложно и всегда обладает приоритетом перед индивидуальным мнением.

В одном из подразделений воздушно-десантных войск на видном месте лежит Книга славных дел, в которой лаконично говорится о наиболее значимых свершениях коллектива. В этой скромной летописи, внешне бесхитростной, — только факты, без комментариев:

— Личный состав роты десантировался на высокогорную площадку Памира в условиях зимы.

— Осуществлен массовый прыжок в кислородных масках с высоты 8000 метров с задержкой раскрытия парашютов на 150 секунд.

— На учениях рота выполнила прыжок с высоты 3776 метров со стабилизацией 50 секунд и стрельбой с воздуха по наземным целям.

— Осуществлено десантирование на высокогорную площадку Тянь-Шаня. Личный состав принимал участие в испытании нового парашюта.

— Лейтенант А. Качанов, сержант Г. Дьяконов, ефрейтор М. Корнев, рядовой Г. Глухов на спартакиаде воздушно-десантных войск заняли призовые места.

— За мужество и отвагу при спасении людей и ценного имущества семь воинов роты награждены государственными наградами.

Таких строк в книге много. За ними осязаемо встает сплав единомышленников, мужественных людей, каждый из которых вносит свой штрих в общий портрет воинского коллектива. Люди уходят и приходят, а коллектив, как дружная боевая семья, впитывает в себя дела многих — и опыт, и удачу, и помыслы каждого. И каждый находит и видит себя в этой семье.

Предлагая вниманию читателей три небольших рассказа из цикла, созданного известным советским писателем в 1941—1942 годах, заметим, что написаны они по свежим следам событий. Автор встречался с краснофлотцами, десантниками, танкистами, летчиками непосредственно во время боевых действий: сразу после боя или во фронтовых госпиталях. Многие рассказы написаны со слов участников сражений, в них использованы факты их мирной и военной жизни. Рассказы ценны и сейчас тем, что в них ощущается дыхание того тяжелого и героического времени.

Вениамин КАВЕРИН

Незнакомка

Соседи получали письма и читали их вслух. К старшине приходила жена, а Власову никто не писал, и ему было так скучно, что он даже удивлялся, что может быть на свете такая скука. Прежде он никогда не скучал. Он был веселый и хорошо играл на баяне. В отряде морской пехоты были грузины, и он играл им «Сулико» и «Мравалджамиер» — есть такая чудная застольная песня. Рядом стояли армейцы-казахи; подобрав на баяне их протяжное пение, он играл и им, и они сидели, скрестив ноги и покачиваясь, а потом хлопали Власова по плечу и звали в гости, в далекие казахские степи.

И ранен он был из-за своего баяна. Осколком мины разбilo баян; не помня себя, Власов вышел из блиндажа и, не прячась, пошел на немцев. Он убил троих и гранатами разнес миномет, но сам был тяжело ранен. Его увезли в тыл, война осталась далеко позади, и уже не было с ним его баяна. А какой великолепный был баян!

Теперь он лежал в госпитале и тосковал. С койки был виден краешек неба — хмурого, серого, не то что на Дону, где он родился и вырос. Его ранили весной, а теперь была осень, и галки по ночам кричали в саду. Он пожаловался доктору, что они не дают ему спать, и доктор удивился — никто в палате, кроме Власова, галок не слышал. Где-то близко — за самой стеной — качались и скрипели деревья, и ему казалось, что мокрые листья падают на него — падают и падают без конца и края.

И все это была скука, которая томила его. С каждым днем ему становилось все хуже. Бледный, с заострившимся носом, он лежал, отвернувшись к стене, и ему было все равно, о чем говорят, волнуются, спорят соседи.

Больше всего он тосковал, когда приходили письма. Конечно, он был сиротой, у него не было ни отца, ни матери, он вырос в детдоме. Из детдома его взяли бездетные старики, и он жил у них в пригороде, возле Ростова. Где они теперь, живы ли — кто знает? Жива ли подруга, с которой он гулял до войны, когда работал на Хрустальном заводе? Она-то уж верно написала бы ему, зная, что он так ранен и лежит один в чужом городе и что ему становится все хуже с каждым днем, с каждым часом. Молчит подруга! Молчат товарищи, которым он играл на своем баяне, — может быть, уже давно полегли за Родину в холодных волнах Баренцева моря. Все молчат, все забыли о нем. Он умрет, и никто на всей русской земле не вспомнит его и не пожалеет. И не будет для него той красоты, о которой он мечтал, когда сражался и ходил в разведку на отчаянные дела, и трудился на войне, и был дважды занесен пургой, и дважды замерзал до самого сердца. Для него не будет красоты и счастья Победы!

И вдруг он получил письмо. Это был обыкновенный лист бумаги, сложенный треугольником, и на обороте, как полагается, полный адрес с именем, отчеством и фамилией. «Мне захотелось написать тебе, милый Федя, — так начиналось это письмо, — хотя ты, без сомнений, давно забыл обо мне, поскольку мы в жизни встретились только однажды. Но, узнав, что ты ранен, я надеюсь, что ты не слишком строго осудишь меня за это письмо. Мне известно, что ты храбро сражался на Крайнем Севере и оправдал свой долг моряка-комсомольца. Не хвастая, скажу, что и у меня в жизни было многое, причем в трудные минуты я, как ни странно, вспоминала тебя». Потом было написано: «Не все ли равно, кто я?» И еще: «Считай, что просто незнаком-

ка» — а кончалось письмо на полуфразе: «Во всяком случае, знай, что о тебе думаю и даже чаще, чем...» И дальше уже подпись шла, которую он никак не мог разобрать. Адрес тоже не был указан. Но зато к письму были приложены две пачки «Дели» и в пакетике несколько шоколадных конфет.

Он читал письмо целый день. Он перебрал всех знакомых девушек и прежде всего, понятно, вспомнил о той, с которой он гулял до войны. Но это была не она, хотя бы потому, что с ней он встречался не однажды.

Старшина, сосед по койке, спросил его, от кого письмо. И Власов промолчал.

— Так, ничего, — сказал он, погода. — Ошибка. Но это была не ошибка. Прошло несколько дней, и он получил второе письмо. «Мне известно все от одной подружки, которая видит тебя каждый день, — писала незнакомка. — И она сказала мне, что от тебя самого зависит твоё здоровье». Дальше шли советы, большей частью медицинского свойства, а потом стихи, очень хорошие, об одной девушке, которая ждёт бойца, пропавшего без вести.

Это было поразительно. Но кто же видит его каждый день? В тридцатой палате дежурили две сестры — Мария Пантелеймоновна и Луша. И еще сиделки, которые часто менялись. Мария Пантелеймоновна была рыжая, длинная, в очках, немного похожая на швабру палкой вниз, особенно когда она ругала кого-нибудь после обхода. Трудно представить себе, что у нее есть подружка, которая пишет такие письма. Луша была, наоборот, маленькая, толстая, смешливая, и недаром старшина называл сестер Патом и Паташоном. Целый день Луша носилась по госпиталю в развевающемся халате, и то здесь, то там слышались ее топот и хохот. Она заменяла кого-то в канцелярии, помогала политруку, возилась с тимуровцами. Уж она-то, разумеется, видела Власова каждый день и могла сказать, что, по мнению врачей, от него самого зависит его здоровье.

Но Власову было бы даже немного жаль, если бы этой подружкой оказалась Луша. Письма были таинственные, необыкновенные, а Луша — просто Луша.

И он решил до поры до времени ничего не говорить ни Марии Пантелеймоновне, ни Луше. С волнением, с душевной тревогой он стал ожидать новых писем. Он послушался насчет своего здоровья. Прежде он мало ел, все казалось ему невкусным, хотя в госпитале кормили отлично. А теперь стал понемногу есть. Он засыпал только под утро. А теперь с вечера постарался уснуть — и ничего, получилось. Теперь ему стало интересно, что пишут другим бойцам. Он слушал, сравнивал. Куда им! Это все были простые, обыкновенные письма — о том, какой уродился хлеб, да справились ли с уборкой, да о том, что у соседней отелилась корова.

Но вот пришло третье письмо — и он не поверил глазам! Как по книге, эта девушка-незнакомка прочитала все, что творилось в его душе. О чем он мечтал и что казалось ему потерянным навсегда, невозвратным. «Не думайте, Федя, — писала она, — что даром пройдет и забудется все, что вы испытали. Гоните прочь эту горькую мысль. Настанет время, когда вас назовут на весь мир — вот он, Федя Власов, моряк-комсомолец, который пролил свою кровь за счастье Отчизны. Все будет восхищаться тобой, как бойцом и человеком. Гордый, во весь рост, отдавая честь, ты будешь стоять на своем боевом корабле и цветными флажками передавать на берег одно слово — «Победа».

Насчет флажка было немного напутано и нельзя было, понятно, одновременно отдавать честь и сигнализировать. Но это не имело никакого значения. Все еще впереди — вот что она хотела сказать! Нужно жить, потому что все впереди. Нужно сделать все, чтобы снова стоять на боевом корабле в этот торжественный час. И нужно не отступать перед тоской, перед смертью, о которой кричат по ночам галки в саду, нужно не отступать, как он не отступал на фронте.

Точно что-то перевернулось в его душе, когда он прочитал это письмо. Но кто же написал его? И страшно, и весело было ему думать об этом. То ему мерещилась тоненькая, аккуратная девушка, большеглазая, с книгой в руках, в черном шелковом платье. То совсем другая — высокая, смелая, с косами вокруг головы, вроде той, которая играет главную роль в картине «Юность Максима».

Давно уже он забыл и думать о своей бессоннице. Он превосходно ел, и доктор, который прежде все хмурился, осматривая его, был теперь совершенно доволен.

— Черт его знает, — сказал он как-то, смеясь. — Ведь ты же умирал, Власов. В чем дело, а? Загадка природы?

И это действительно была загадка природы. Но вдруг перестали приходить эти чудные письма. Прошла неделя, другая, он все ждал. Прихрамывая, он лениво бродил по палате и все думал: что же случилось? Он перечитал старые письма и написал ответ: «Я не знаю вашего имени, отчества, дорогая незнакомка, но хотел бы узнать, чтобы лично выразить свое восхищение». Но кому же отдать ответ? Уж, конечно, не Марии Пантелеймоновне, которая все сердилась. Луше? Но вместе с письмами пропала и Луша.

Он уже все обдумал, и ему было ясно, что именно Луша и есть та подружка, через которую незнакомка посылала ему свои письма. А может быть, и не Луша. Он спросил у одной сиделки, где она, почему не приходит, и сиделка сказала, что Луша больна. Она сильно захворала воспалением легких, к ней даже ездил главный врач, и боялись, что она умрет, но опасность миновала.

Все спрашивали о Луше, не только Власов — в госпитале стало скучно без Луши, без ее топота и хохота, без ее разговора о том и о сем, от которого почему-то становилось легче на сердце.

Была уже зима. Власов поправился, и его назначили на комиссию, когда Луша явилась, побледневшая и похудевшая, но, кажется, еще более веселая, чем прежде. Ей даже было к лучшему, что она так похудела. Она подстриглась, глаза стали больше, и она как будто даже выросла, что было вполне возможно. Несколько раз она пролетала мимо Власова в своем развевающимся халате, и он все не решался отдать ей свой ответ. И вдруг решился.

Это было на площадке, куда ребята выходили курить. Он просто схватил ее за рукав и сунул свой ответ в карман ее халата.

— Что ты, Власов? — спросила она с удивлением. Он промолчал, только покраснел. Тогда она стала читать, засмеялась и тоже покраснела. Они немного постояли, оба красные, не говоря ни слова, а потом она убежала.

Все утро Власов лежал на койке и думал. Он попросил у старшины зеркало и сделал пробор, хотя волосы еще не отросли, и пробор вышел чуть заметный. Вдруг он увидел свои ноги в кальсонах и спустившихся белых чулках, и ему захотелось одеться. Он выпросил у сестры-хозяйки штаны и гимнастерку под предлогом, что отправляется в город, и вообще принарядился, как мог. Было неясно, что именно должно произойти, но он все-таки принарядился. А вдруг Луша сегодня передаст ей его ответ, и она придет, тоненькая, аккуратная, с книгой в руках, или высокая, с косами вокруг головы, вроде той, что играет главную роль в картине «Юность Максима».

К вечеру он не выдержал и пошел разыскивать Лушу. В это время она всегда бывала в процедурной. Очень тихо он открыл дверь и увидел ее — она сидела за столом и что-то писала. Она не обернулась, наверно, подумала, что кто-нибудь из персонала, — и, неслышно ступая, он сзади подошел к ней и стал читать, что она пишет.

«Забудь обо мне, милый Федя, — писала она, — считай, что это была только мечта, потому что сегодня я уезжаю. Ты никогда не увидишь меня, скажу только, что я бесконечно рада, что ты поправился и что ты, надеюсь, может быть, не забудешь ту, которая от всей души желает тебе победы и счастья».

Луша немного всхлипнула, когда написала эти слова, и он стоял и думал так быстро, как только мог, чтобы поскорее понять, что случилось.

— Так это ты, Лушенька? — спросил он негромко. Она вскочила и разорвала письмо.

Через неделю Власов пошел на комиссию, и доктора, осматривая его, снова сказали, что он является чудом и загадкой природы. Загадка была простая, но он, понятно, не стал ее объяснять. Возможно, что для подобного лечения в медицине еще не было места.

Его направили в команду выздоравливающих, а отсюда он должен был поехать в свою часть, и у него оказался свободный день, который он провел с Лушей. Они гуляли в парке, были в кино, и он рассказывал ей, что незнакомка представлялась ему похожей на ту девушку, которая играет главную роль в картине «Юность Максима». Теперь это было просто смешно, потому что он ясно видел, что никто на свете, кроме Луши, не мог написать эти чудные письма.

Неделю назад он защищал диссертацию на тему «Древнейшие сказания германского народа». Аудитория была полна, и старый Кирпичников, открывая заседание, сказал длинную изящную фразу о своих учениках, сменивших перо на винтовку и с одинаковым успехом сражающихся на фронтах войны и науки.

Аня тоже была на защите. Она сидела как на иголках, потому что скоро нужно было бежать кормить это удивительное, некрасивое, сморщенное существо, которое только-только появилось у них в комнате, а уже заставляло всех думать о нем, смотреть на него и улыбаться. Он делал ей знаки, что пора, но она кивала, смеялась и все сидела, раскрасневшаяся, счастливая.

Несколько раз ему приходила в голову досадная мысль, что, пожалуй, его так не расхваливали бы, если бы он не приехал с фронта. Но ведь работа в самом деле была, кажется, недурна — все-таки он первый установил связь готской саги об Эрманрихе с легендой о Нибелунгах. Как бы то ни было, он был единогласно избран кандидатом наук, и Кирпичников в заключительном слове сказал, что, в сущности, это докторская диссертация, не хватает только более подробного анализа скандинавских источников, в частности песен Эдды.

После защиты он растерялся от поздравлений и позвал к себе слишком много гостей. Негде было даже усадить их в маленькой комнате, полной книг и пеленок.

Все это было ровно неделю назад. Да полно, было ли это? Мертвое, изрытое снарядами поле лежало перед ним, земля, на которой был посеян и взошел хлеб, сгоревший и развевающийся по ветру вместе с порохом дымом, земля, на которой было сделано все, чтобы человек не мог существовать.

По одну сторону этого отрезка земли лежали, прячась за глинистыми буграми, немецкие солдаты, пришедшие в чужую, далекую страну по приказу своих командиров, уничтожающие, грабящие, сжигающие все на своем пути, живущие лишь сегодняшним днем, не желающие смотреть в глаза будущему, которое грозило им гибелью и позором. Их было немало, не меньше взвода.

Напротив них, по эту сторону мертвого ржаного поля, лежал только он один, кандидат филологических наук, младший лейтенант Лев Никольский.

Он был окружен и по всем правилам той войны, которую немцы вот уже более двух лет вели на континенте Европы, должен был сложить оружие и сдаться в плен победителям. Но он не считал себя побежденным.

Пулемет еще работал, а если бы и замолчал, в ход пошли бы винтовки и гранаты.

Двенадцать мертвых товарищей, еще вчера вместе с ним защищавших этот голый кусок земли с одинокой березой, лежали здесь и там вдоль траншеи. Тринадцатый был еще жив. Это был разведчик Петя Данилов, любимец всего полка, талантливый и умный юноша, писавший стихи и читавший их вслух в самые горячие минуты боя.

Теперь он лежал, раненный в грудь, и смотрел в небо, осеннее, но ясное, с редкими, освещенными снизу облаками.

Береза вздрагивала от выстрелов, и желтые листья время от времени падали на раненого. Один лист упал на лицо, но Петя не смахнул его, не пошевелился.

«Умер?» — оглянувшись и увидев это бледное спокойное лицо, на котором лежал желтый лист, подумал Никольский.

В одну из редких пауз тишины он подполз к Пете и, смахнув лист, взял Петю за руку.

— Ну, как ты, а?

— Ничего, — чуть слышно ответил Петя. — Дышать трудно. Послушай...

Он помолчал, потом стал с трудом вынимать из кармана гимнастерки бумагу.

— Тут мои стихи остались. Если уйдешь, пошли их вместе с письмом, ладно?

Накануне он долго писал это письмо, и Никольский знал, что он пишет девушке, которая часто приходила к нему, еще когда часть формировалась в Ленинграде.

— Ладно, pošлю. Пить хочешь?

Он поставил подле Пети кружку с водой и вернулся к пулемету.

Должно быть, не больше пяти минут он провел с Петей, а уж немцы, воспользовавшись тем, что пулемет замолчал, намного продвинулись к траншеям. Никольский дал очередь, другую. Они залегли.

Слева, метрах в двухстах от березы, находилось немецкое орудие. Правда, оно стреляло не по траншее, а в глубину, туда, где на горизонте были видны темные, еле дымящиеся развалины горячей деревни. Но

СИЛЬНЫХ

в любую минуту оно могло ударить и по траншее, которую защищала часть, состоящая из двенадцати убитых, одного смертельно раненного и одного живого. «Эх, подобраться бы к этому оружию!» И тропка была, вот там, где за выходами бурой взрытой земли начиналось болотце с высокой травой. Но нечего было и думать. Никольский понимал, что немцы захватят траншею, едва только замолчит пулемет.

Но когда начало темнеть, он невольно вернулся к этой мысли. Солнце заходило, и, обернувшись, он увидел, как под легким ветром клонилась трава на болотце. Теперь тропка была почти не видна.

Ему показалось, что Петя зовет его; он оглянулся и ответил шепотом: «Что?» Петя замолчал. Но прошло несколько минут, и слабый голос снова произнес что-то. Никольский прислушался, и в первый раз его сердце дрогнуло, он крепко сжал зубы, закрыл глаза, чтобы справиться с невольным волнением. Петя читал стихи. Он бредил, но голос был ясный, звонкий.

*Есть улица в нашей столице,
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневике
Лежишь на одре роковом.—*

читал он, закрыв глаза, и каждое слово доносилось отчетливо, плавно.

— Петя, Петя... — взяв его за руку, тихо сказал Никольский.

Петя открыл глаза. Глаза были туманные, и одно мгновение он смотрел на Никольского, не узнавая. Потом очнулся.

— Что? — чуть слышно спросил он.

— Петенька, голубчик... Ты меня слышишь? Пулемет нельзя оставить, а то бы я к ним с тылу зашел. К тому оружию, понимаешь? А так все равно конец. Ты не можешь?.. — Он не окончил, такой бессмысленной вдруг показалась ему эта мысль.

Петя приподнялся на локте. Он хотел что-то сказать, но промолчал и, часто трудно дыша, стал садиться. Волосы упали на лоб. Никольский откинул их и, держа его лицо в руках, говорил что-то, не слыша себя, беспорядочно и быстро.

— Петенька, — говорил он, — милый...

— Дай-ка воды, — отчетливо сказал Петя.

У него было потемневшее, страшное лицо, когда, сунув руку в кружку с водой, он начал водить по лицу, по глазам. Потом вылил воду на голову и, тяжело опершись на Никольского, пополз к пулемету.

— Есть. Иди, — сказал он, схватившись за ручки пулемета, — а я... Да иди же, — нетерпеливо повторил он, видя, что Никольский медлит, и дал очередь.

— Видишь? Все в порядке. Я еще покажу им...

Пробираясь по траншее к болотцу, Никольский услышал Петин голос между двумя пулеметными очередями:

*Не снятся ль тебе наши встречи
На улице в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи
И ласки, и ласки до слез?*

Должно быть, Петя переоценил свои силы, потому что пулемет замолчал, едва только Никольский добрался до выхода из траншеи. Пулемет замолчал, и, не теряя ни минуты, немцы пошли в атаку. Притаившись за большими комьями мокрой земли, Никольский видел, как, стреляя из автоматов, они набежали на траншею и, мешая друг другу, стали прыгать в нее.

Не остерегаясь больше, он поднялся и, сжав зубы, смотрел, как немцы кололи убитых, стреляли в них. И вот... Сердце у него замерло. Высокий худой солдат наклонился над Петей, который, уткнувшись в землю лицом, лежал у пулемета. Потом немец выпрямился. Нож блеснул — раз, другой, третий... Он колот ножом. Лицо уже было залито кровью, а немец все поднимал свой нож — высоко, неторопливо, как будто целясь. В глаза? В сердце?

Никольский вскрикнул и прикусил губу. Все стало для него другим в эту минуту. Он не спал трое суток и почти ничего не ел. Еще полчаса назад он лишь мучительным усилием воли заставлял себя стрелять, следить за своими движениями, думать.

Теперь все переменялось. Он снова был свеж и бодр. Время, тянувшееся бесконечно долго, вдруг разделилось на самые короткие секунды, и сердце билось в такт этим секундам, отчетливо и мерно.

Втянув голову в плечи, он мягко опустился в траву и бесшумно пополз, скорее угадывая, чем видя чуть приметную, пересекавшую болотце тропинку. Редкие выстрелы автоматов еще слышались в траншее — на всякий случай немцы продолжали стрелять в мертвых. Но для него во всем мире наступила одна огромная тишина, и в этой тишине оглушительно громко билось его сердце. Он подобрался к оружию сзади и некоторое время лежал, слушая, как разговаривали немцы. Он ждал, когда весь расчет соберется подле оружия. Ми-

нута, другая... Он приподнялся и бросил одну гранату, потом сразу вторую. Все, что произошло потом, было похоже на сон, и это был самый лучший и радостный сон в его жизни.

Немцы были захвачены врасплох, и первым же рядом из уже заряженного оружия он убил сразу человека двадцать. Петино лицо, бледное, с прядью белокурых волос, упавших на лоб, стояло перед ним, и не было ничего выше, благороднее во все времена, во всем мире, как убивать и убивать фашистов. Он убивал с восторгом, с радостью, с чувством полного, еще никогда не испытанного счастья.

За стихи, которые Петя читал между пулеметными очередями, за дымящиеся развалины сожженной де-

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Накануне вечером комиссар вызвал Корнева и Тумика в свою каюту и заговорил об этой батарее, дальнбойной, которая обстреливала передний край и глубину и которая всем давно надоела.

— Мы несем от нее немалые потери, — сказал он, — и, кроме того, она мешает одной задуманной операции. Нужно ее уничтожить.

Потом он спросил, что они думают о самопожертвовании, потому что иначе ее нельзя уничтожить. Он спросил не сразу, а начал с подвига двадцати восьми панфиловцев, которые отдали за Отчизну свои молодые жизни. Теперь этот вопрос стоит перед ними — Корневым и Тумиком, как лучшими разведчиками, награжденными орденами и медалями Союза.

Тумик первый сказал, что согласен. «Можно выполнить для Отчизны», — быстро сказал он. Корнев тоже согласился, и решено было высадиться на берег в девять часов утра. По ночам немцы пускали ракеты, хотя стоял декабрь и днем было так же темно, как и ночью.

Времени вдруг оказалось много, и можно было поехать и подумать, тем более, что это, наверно, уже в последний раз, а больше, пожалуй, не придется.

Тумик воевал уже полтора года и дважды был ранен. Он был в отряде Романенко, куда брали только холостых, а женатых не брали. Он участвовал в захвате знаменитой солпки «Колпак», когда восемьдесят моряков семь часов держали против двух батальонов, и боезапас кончился, и моряки стали отбиваться камнями. С азартом, с песней «Синие воротники» они выворачивали валуны и сбрасывали их на немцев. Каски в сторону, в одних бескозырках — никто не боялся смерти!

Теперь дело тоже было не в смерти. Но он сказал: «Можно выполнить для Отчизны». Вот об этом ему интересно было подумать.

Он, хотя служил на флоте четвертый год, был еще молодой, двадцать первого года рождения. О прежней жизни, когда писали ять, он знал от отца и немного из русской истории, которую проходили в школе.

Его отец был комиссаром полка Первой Конной. Он был награжден тремя орденами, и каждое лето к нему в Армавир приезжали усатые военные, седеющие, в длинных кавалерийских шинелях, подолгу сидели с ним и выпивали. Они хлопали друг друга по плечу и все говорили: «Ну как, брат, а?» — а потом отец звал Колло, и усачи молча рассматривали его и гадали, что из него выйдет.

Тумику стало даже смешно, так давно это было. Но, как вчера, он видел перед собой маленький дом, крыльцо с провалившейся ступенькой и отца в саду — коротко стриженного, седого, с худым носом и еще такого стройного, ловкого, когда он быстро шел навстречу гостям, опираясь на трость, в своей кубанке набекрень и со своими тремя орденами.

Когда началась война, он прислал Тумику письмо: «Войю и за себя, и за меня». Но, верно, и ему пришлось воевать, когда немцы подошли к Армавиру.

Значит, Отчизна. Что же это такое — Отчизна? Ему захотелось что-нибудь придумать, какие-нибудь красивые слова — прощальное письмо друзьям или что-нибудь в этом роде. Он стал даже в уме сочинять такое письмо, но бросил — слова были обычные, которые он тысячу раз читал в газетах.

Ему хотелось красиво написать, вроде песни «Синие воротники», чтобы ребята запомнили его слова и повторяли их в подобных случаях, когда нужно идти на смерть за Отчизну. Но красиво не получалось...

Да, отец! А здорово было бы еще махнуть с отцом в Батуми, а там удрать от него — в горы, в Махинджаури!

Девушка-армянка служила там на метеостанции, и он как будто случайно встречал ее каждый вечер, когда она шла записывать показания приборов. Она звала его Никохайос — Николаем по-армянски, а он ее просто Шура. Она была тонкая, черная, с черным пушком под ушами — такая положительная, серьезная. Они сидели на старой каменной кладке, где была когда-то генуэзская крепость, и целовались.

ревни, за ограбленных женщин и детей, бродящих по лесам без крова и пищи, за горе каждой семьи, за разлуку с близкими. За Ано с маленьким сыном, которых он, быть может, больше никогда не увидит...

Из газет:

«Младший лейтенант Лев Никольский на одном из участков Ленинградского фронта, будучи окружен фашистами, в течение суток один держал укрепленный рубеж. Оставив у пулемета раненого товарища, Никольский подобрался с тыла к небольшому немецкому оружию и, овладев им, прямой наводкой уничтожил до 50 немцев. Рубеж был удержан до прихода наших подкреплений».

Внизу были кипарисы, мандаринные рожи, поля табака и лаванды, а за ними, за невидимым берегом — море... Да, это стоило вспомнить! Тем более что теперь уже едва ли придется снова сидеть на этой каменной кладке и целоваться, пока не потемнеет в глазах.

Значит, Отчизна! А где еще было хорошо? На Казбеке. На Казбек он ходил со своим другом Мишей Рубиным, который учился вместе с ним в школе и в ФЗУ, и потом они вместе пошли на флот в 39-м году по добровольному комсомольскому набору. Они брали с собой коньки на Казбек и катались по ледникам — довольно рискованная, но занятая штука. Когда становилось жарко, они катались на коньках в одних трусиках. Дома есть фотографии — если цел еще дом. Потом они ночевали в гостинице «Казбек» и по ночам вели задушевные разговоры. Как будто тысячи жизней лежали впереди, и нужно было только правильно выбрать — самую лучшую, самую интересную на свете.

И они выбрали — морскую. На Рабоче-Крестьянском Военно-Морском Флоте...

Тут Тумик вспомнил всю свою жизнь, самое главное, самое интересное в жизни. Отец — это был родной дом, детство и школа, та девушка — Шура — это была любовь, а Миша Рубин — друг, который всегда говорил, что, может быть, и есть на свете любовь, но верно то, что на свете есть настоящая дружба навеки. Они были с ним всю войну — отец, та девушка и Миша и были теперь, когда он лежал на своей койке под иллюминатором, и слышно было, как волна, плеща, набегает на борт.

И вдруг все стало так ясно для него, что он даже присел на койке, обхватив руками колени.

— Недаром же я жил на земле, — сказал он себе, — потому что если все равно как жить, тогда все равно и как умереть. Но если смерть моя будет прекрасной, значит, прекрасной была и моя жизнь. Эта дружба и катание по ледникам на коньках и эти чудные ночи в Махинджаури, и гордость за отца с его тростью и тремя орденами.

— Что смерть! Нет никакой смерти, — снова сказал он себе и сам прислушался к своим словам с восторгом и волнением. — Пускай перестану я жить на земле, останется слава и будет знать весь народ, за что я отдал все, что было мне дорого и мило. И скажет обо мне отец: «Не умер он, со мной до гроба». И скажут товарищи: «Это была храбрая морская душа!»

Он знал, что нужно уснуть хоть на час, но теперь, когда стало так легко на сердце, жалко было спать, и он полежал еще немного с открытыми глазами.

Он видел, как при свете огарка Корнев пишет письмо, и ему хотелось сказать Корневу, что нет для них смерти и что для них пришла эта торжественная, последняя ночь, когда замер весь свет и только под легким ветром волна, плеща, набегает на борт. Но он ничего не сказал. У Корнева были жена и маленький сын. Он писал им, и кто знает, о чем он думал сейчас, хмурая крупные черные брови...

...С первого взгляда они поняли, что нельзя заложить тол и уйти, — батарея работала, и кругом было слишком много народу. Можно было только сделать, как сказал комиссар — подорвать ее и самим подорваться. И это было легко — неподалеку от батареи штабелями лежали снаряды.

Они стали тянуть жребий, потому что достаточно было подорваться одному, а другой мог вернуться к своим. Они условились — вернется тот, кто вытащит целую спичку. И Тумик взял в обе руки целые спички и сказал шепотом:

— Ну, Корнев, тащи.

У Корнева были жена и маленький сын. Кроме того, он, возможно, не так уж обдумал этот вопрос и для него не так уж все было ясно.

Они обнялись, поцеловались. На прощание Тумик отдал Корневу свою фотографию, где был снят с автоматом, лежа, прицеливаясь, — ребята говорили, что вышел отлично. И Корнев ушел. Он был метрах в сорока от батареи, когда раздался взрыв и пламя метнулось до самого неба, осветив пустынный край — снег и темные ущелья между скал, диких скал Отчизны.

МОЛОДЕЖНАЯ МОДА

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Ирина СЕМЕНОВА,
художник-модельер.
Рисунки автора

насыщенный цвет при долгом его воздействии раздражает и утомляет глаз, что не очень приятно для окружающих, вынужденных целый день созерцать ваше одеяние. Значит, основной цвет комплекта должен быть смягченно-контрастным, пастельным.

Особо стоит сказать о брюках. Классические с заутюженными стрелками и мягкими заплатами у талии, плотно облегающие по талии и бедрам, с карманами в рамку, листочку, подрезным боком, брюки с подрезами, вставками, спортивными с карманами, «молниями», клапанами, патами — шейте на свой вкус. Ткани для брюк используются самые разнообразные: пальтовые, шерстяные, хлопчатобумажные, шелковые — выбор зависит от времени года и назначения этого вида одежды.

Удобство и универсальность деловой одежды, несомненно, зависят от комплектного решения, то есть возможности из отдельных сочетаемых друг с другом предметов (юбки, брюк, блузы, жакета, жилета, сарафана) создать несколько вариантов комплектов. Поэтому не надо стремиться иметь много отдельных вещей, лучше подбирать вещи взаимозаменяемые, которые и при минимальном количестве позволят создавать разнообразие сочетаний.

Деловая, или повседневная, одежда составляет, пожалуй, большую часть нашего гардероба, и важно, чтобы костюм, который мы носим ежедневно, был удобным, практичным, красивым и современным.

Для сторонников классического стиля рекомендуется традиционный английский костюм: пиджак, жилет, юбка. Сделать его более нарядным и модным легко с помощью дополнений: блузы, галстука, бус. Сам крой костюма может отступать от традиционного: юбка оформляется подрезами с заложенными складками, длина пиджака варьируется от очень короткого (чуть ниже талии) до длинного (много ниже линии бедер). Юбка соответственно будет либо закрывать колени, либо опустится почти до щиколотки.

Не обязательно использовать для костюма жесткие ткани. Подойдут и фланель, сукно, букле, рыхлые и мягкие по структуре.

Возможно, кому-то понравятся платья с элементами классического стиля: с расширенным плечевым поясом, английским воротником, рельефами, застежкой спереди на пуговицы, имитирующей застежку пиджака, карманами в рамку или листочку. Для таких платьев подойдут костюмные мужские ткани в полоску, клетку.

В повседневной одежде классического стиля можно пойти и в театр, на выставку, в гости, оживив ее нарядными дополнениями. Строгость таких платьев смягчается воротником из отделочной ткани, шелковым ярким шарфом или бантом, умело подобранной бижутерией.

Спортивный стиль любим молодыми. Это объясняется тем, что блузоны, куртки, юбки, платья с обилием застежек, карманов, вставок, отделочных кантов универсальны, удобны как на работе, так и в часы досуга. Комплектное решение одежды спортивного стиля позволяет увеличить число ее вариантов. Немаловажна и цветовая гамма комплекта. Очень яркая и контрастная, наверное, непригодна для каждого дня. Яркий

ЦАРИЦЫНСКИЕ ТАЙНЫ

Алексей НИКОЛАЕВ

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Часть первая

С тайны начиналось Царицыно, и «тайна сия велика есть».

Пролог этого не предвещал. Скорее он напоминал помпезную оперу — без тайн, но с эффектами.

Первое монаршее посещение подмосковного села Черная Грязь, откупленного наместни Екатериной у князя Кантемира, обставлено было с истинно потемкинской роскошью и следствием имело переименование оно в благозвучное Царицыно. Но представим пролог — летний день 1775 года, когда императрица «наблюдательно осмотреть» пожелала новое приобретение.

На дороге в Царицыно показалась кавалькада, нынешним воображением необъемлемая. Запряженная осью неаполитанскими лошадьми, которых головы убранны были кокардами, золоченая карета императрицы терялась в роскоши окружения. Смуглые скороходы в белых тюрбанах бежали впереди — «открывали путь». Рослые кавалергарды на сильных лошадях и кирасиры двигались по бокам, покачиваясь в седлах. Кавалергарды брали статью, кирасиры — ослепительным одеянием; в белых мундирах, на вороних лошадях, они сверкали золотыми кирасами, а за ними галопировали легкие уланы, с цветными флюгерами на пиках. Крестьянам, стоявшим без шапок на всем протяжении дороги, надлежало кричать «ура». При виде счастливого народа императрица таяла, и двойной ее подбородок, обтираемый по утрам кусочками душистого льда, вздрагивал от умиления.

Доброму этому чувству способствовал неожиданный полдник — в беседке из свежего сена, убранный полевыми цветами. Князь Таврический большой был выдумщик и «матушку» знал как никто — по-крестьянски скромная трапеза завершилась таким же скромным, но тоже неожиданным дивертисментом. Сотня рослых красивых парней, взявши косы и под звуки хорошо отрепетированной песни

Ах вы нуте ж, косари,

Руки в боки подопри...

принялись укладывать ровными рядами пахучие травы. Песне вторили бабы в цветистых кумачовых сарафанах и девки в кисеиных рубашках с запонками, сгребавшие сено. Засим было угощение. Пролог кончился. Начиналось первое действие, а с ним и первая царицынская тайна.

Так велико, так трогательно было умиление императрицы, что тотчас изъявила она мечту сделаться

«скромной московской помещицей», пожелав, впрочем, сотворить из приобретенной усадьбы подмосковное Царское Село. Для сего призван был «мой архитектор».

«Мой архитектор» — член Флорентийской, Болонской, Римской академий, отказавший в услугах Людовику XV, к досаде и крайнему удивлению последнего. — Василий Иванович Баженов, за два года до этого получивший от покровительницы жестокий удар неожиданным ее приказом пресечь работы по возведению Кремлевского дворца. — Баженов и на этот раз счел за благо не искать причин для отказа. Надежда на иную судьбу нового творения давала силы, а недостатка в идеях архитектурный гений Баженова не ведал.

Но вот она, первая тайна — «мавританско-готический», как называли его в те времена, стиль.

Самый выбор стиля, не свойственного вкусам императрицы, еще не разлюбившей барокко Растрелли, но начинавшей уже отдавать симпатии классицизму Кваренги и Камерона, объяснить трудно. Возможно, идилические мечтания решительно старшей и столь же решительно не желавшей этого женщины, соединившись с необузданной фантазией склонного к причудам тогдашнего «сочувственника» ее сердца, могли дать эти буйные и невиданные в российских пределах плоды... Настаивая, впрочем, на таком объяснении мы не будем; к тому же есть на этот счет множество других версий, и самый факт «множества» свидетельствует, что первая царицынская тайна до сих пор не разгадана.

Вторая будет, пожалуй, и позористой. Объяснит она себя спустя десять лет, наполненных вдохновенными трудами зодчего и неуслышным вниманием к ним императрицы.

Сохранился сделанный Баженовым большой панорамный рисунок Царицына, где как на ладони виден весь задуманный грандиозный ансамбль, по которому и неопытный глаз угадать может все должностное явление творение. Несведущей в делах архитектурных Екатерину не назовешь, — если не считать Петра, никто из российских монархов не отдавал столько внимания и симпатий строительству, как она. В планах и чертежах разбиралась изрядно, а на письмах Баженова касательно хода царицынских работ Екатерина делала четкие и, надо признать, дельные замечания. Так что проект императрице был подтвержден, все шло согласно воле заказчицы, и неожиданный при завершении строительства, казался бы, для нее не предвиделось. Казалось бы... Но события последующие обернулись другой стороной. С ними, однако, повременим, тем более что предшествовали им иные, о которых и пришло время вспомнить.

Не так уж много потребно воображения представить себе зодчего — в пудреном парике, при свете оплывающих к утру свечей — над чистым белым листом, на котором, послушные руке, рождаются очертания будущего творения. Но такая картинка открывает нам немного, сокрыв к тому же главное — истоки. А они в эту рамку не вмещаются, потому как изначально была земля — небольшая, лесом поросшая, оврагами пересеченный холмистый уголок Подмосковья над зеркалом залпущенных и чистыми прудами разливавшихся рек, с домашними, тихими именами — Горюнька и Язвенка... И потому не лист бумаги, не карандаш в умелой руке, а природа должна была дать первую ноту архитектурной симфонии, под русским небом рождавшейся.

Союз архитектуры и ландшафта ко временам Баженова скреплен уже был традициями национальными и дивил просвещенный мир великолепными созданиями садово-паркового искусства: французы понимали его как «искусство формирования

растительности», англичане — как «преlestь открытых пространств». Европейски образованный зодчий, Баженов это знал и по достоинству мог оценить. Но ведаема была ему и традиция русская, давняя, восходящая к старинным монастырским комплексам, где изначальным и главным зерном архитектурно-художественного образа почиталась вода — реки, озера, пруды... А уж Царицынским прудам — с насыпными их и природными островами — равных в Подмоскowie, пожалуй, и не было.

Так и случилось: стали Царицынские пруды истоком задуманного и возводившегося на их берегах творения. Фантазии такого архитектора, как Баженов, было где развернуться.

Царицынский архитектурный ансамбль представляется одной из самых, быть может, вольных композиций в русском зодчестве. Отдельные, живописно разбросанные по парку и над прудами строения, где только некоторые соединены в группу переходами и галереями, — прием, конечно, тщательно продуманный. В этой «разбросанности», в не подчиненной геометрии логике есть секрет, который открывается не сразу.

Входя в Царицыно, вы идете мимо павильонов, закрывающих собою главный дворец. Идете не торопясь, потому что в последовательной и медленной смене впечатлений — от тихой мелодии почти интимных павильонов до мощных архитектурных звучаний Большого дворца, кульминации всего ансамбля — и живет замысел зодчего. Баженов вводит нас в Царицыно как бы по законам драматургически развивающегося действия.

Нельзя, однако, сказать, что блистательно выполненный этот прием был исключительно открытием Баженова. Мастер глубоко русского склада и, быть может, как никто из современников знавший и чувствовавший национальную традицию, Баженов и здесь исходил из опыта строителей древнерусских монастырских комплексов, неброская, внешне неэффектная композиция и планировка которых как бы дала ему идею Царицына. Ей он следовал, ее утверждал и, по всему судя, чувствовал себя в этой стихии свободным.

Но вот стиль, строго заказанный «мавританско-готический» стиль? Могла ли эта «заказанность» сковать Баженова или ограничить его фантазию? Вопрос риторический хотя бы уже потому, что речь идет об архитекторе гениальном, а гению свойственно многое, за исключением одного — подражания.

Для Баженова эта «готика» была первым звуком, с которого начал он «импровизировать» свою тему, свою музыку. По сути дела, он создавал новый, романтический — и что, пожалуй, более важно — русский стиль. Удивительное чувство такта позволило Баженову соединить «стрельчатость» и «прямыню» готики с мотивами древнерусской архитектуры — ее мягким, пластичным узорочьем. Заметим и то, что, как и древние русские мастера, пользовался Баженов самым простым материалом — кирпичом и белым камнем. Колер красно-бурого кирпича и мячковского белого камня, с неповторимыми его и постоянно меняющимися оттенками, оказался на редкость нарядным. Изрядная мрачность готики приобрела черты романтической сказки.

«Редкостную и отменную красоту» явило собой Царицыно, по отзывам современников. Но те же современники задали нам загадку, не оставив хотя бы намек на верный ответ...

Минуло десять лет, наполненных, как было сказано, трудами зодчего и вниманием императрицы к царицынскому строительству. Весной 1785 года почти все было закончено: возведены Хлебный дом, кавалерские корпуса, Фигурный мост, Фигурные ворота, Оперный дом, а сте-

ны самого дворца выведены под кровлю. Ждали высочайшего посещения.

Мы опускаем описание второго посещения Царицына его хозяйкою, скажем только, что было оно столь же помпезно. Нас интересуют «царицынские тайны» — о них и пойдет речь, но должен предупредить: не имея точного исторического материала, основываясь мы будем более на легендах и преданиях, которые и породили до сего дня существующие версии.

— Каков дворец, Григорий Александрович (!) (?) — обращаясь к Потемкину, река будто бы Екатерина. Но вопросительным или восклицательным знаком заключила она свою реплику — мы не знаем. А будь сегодня известна маленькая эта деталь — всего лишь интонация, — она могла бы многое прояснить в событиях, затем последовавших. К тому же и ответ Потемкина толковать можно тоже по-разному.

— Дворец-то, матушка, пригож, да на гроб похож, — тотчас будто бы ввернул светлейший.

Будто бы или на самом деле было так, но мог ли рифмованный каламбур скорого на словцо фаворита перепугать императрицу до той крайней степени гнева, что тотчас приказала она — факт, несслышанный в летописях архитектуры! — сровнять дворец с землей? Убедит ли вас такая версия? Не знаю.

Необъяснимые приступы гнева монархине этой были не свойственны. Качеством сии отличался, как известно, наследник — великий князь Павел Петрович, ко двору которого, кстати сказать, был близок Баженов. И вот это последнее обстоятельство рождает другую версию. Но достоверна ли и она?

О том, что наследник связан с масонами, а любимый ее зодчий симпатизирует этому не поощряемому правительством движению, не знает Екатерина не могла — известного рода служба работала исправно. Таинственные же масонские знаки, которые якобы императрица «учуяла» в декоре дворца, тоже не могли стать причиной варварского сумасбродства. Знаки — если таковые и были — можно убрать, не трогая всего дворца. Да и нельзя, наконец, представить себе Екатерину тем ребенком, который ломает игрушку только потому, что об нее ушибся.

Была и еще попытка объяснить происшедшее: якобы узнала императрица о готовящемся на нее в Царицыне покушении... На эту версию ответить можно классическим вопросом: «Но зачем же ступля ломать?»

Тайн, как видите, историческому романисту на выбор. Но так ли, иначе было дело, приговор последовал, и ни о каком «обжаловании» речи, конечно, быть не могло. На месте баженовского возводил новый дворец приказано Казакову.

И вот представьте себе положение сотоварища и отчасти ученика Баженова, когда приступает он к работам. По части идей, архитектурных новаций и мастерства был Казаков среди современников фигурой, как мы знаем, из первых, так что угодить императрице труда особого для него не составляло. Но Казаков решается на поступок отчаянный. Он не только возводит строение, которое органически входит в ансамбль, созданный опытным его предшественником, но и самый план дворца общей своей композицией как бы повторяет постройку Баженова.

Думается, в столь рискованном поступке зодчего, кроме чувства профессионального такта и порядочности, разглядеть можно и нечто большее — не протест ли это монаршему капризу?..

Еще одна тайна? Может быть, и еще одна, а если так, то и она не последняя. Некий рок, с первых же дней как бы витавший над Царицыном, не оставляет его и в последующие годы.

Казакову тоже не удалось завершить работ — неожиданно императрица охладела к Царицыну.

Почему? Ответить на этот вопрос решительно, опять-таки не имея точных исторических сведений, мы тоже не рискуем, а помогут ли тут догадки из области индивидуальной, так сказать, психологии высочайшей особы, не знаю. Екатерина довольно легко и столь же часто меняла свои привязанности, но касалось это персон, ее окружающих. Что же до архитектуры, до которой тоже была она большая охотница, тут ее вкусы отличались постоянством. За исключением... Царицына!

А рок — таинственный этот царицынский рок! — не оставляет его и с кончиной первой, но, говоря строго, так и не состоявшейся хозяйки. Все дальнейшие попытки достроить Царицыно и сделать его подмосковной царской резиденцией так и остались безуспешными. Короче, дело обостряло так.

Романтический — в начале царствования, конечно! — Александр I намеревался устроить себе в царицынских пределах охотничий домик. Сие тоже не состоялось и тоже по причинам, историей умалчиваемым. Достройка дворца для вдовы выше-названного дальше намерения также не пошла. Когда же отличавшийся решительностью Николай I пожелал, по примеру бабки своей, «наблюдательно осмотреть» Царицыно на предмет собственного в нем поселения, то нашел, что дворец «недостаточен внутренним расположением», и тотчас повелел приспособить его под... Но, думаю, нет надобности в интригующем многоточии — вы догадаетесь (времена-то стояли николаевские): под казарму, конечно, — любил и жаловал архитектуру в таком предназначении император безмерно. Но возведение и этого российского правителя также осталось без последствий.

Николаевским временам вышел срок, однако и это немаловажное для России событие не изменило судьбы Царицына в лучшую сторону. Скорее наоборот. В шестидесятых годах дворцовое ведомство пыталось продать дворец на кирпич. Да вот покупатель не сыскалось, и похоже на то, не из-за суммы в восемьдесят две тысячи рублей (тут бы и скинуть можно), а потому, что уж больно крепка оказалась кладка.

Крепка-то она крепка, а время (да и времена, конечно) делало свое дело. Словом, к началу нашего века пришло Царицыно в запустение — по причинам, как мы выяснили, невыясненным. Но невольный этот каламбур, которым вынуждены мы закончить первую часть нашего повествования, не должен настраивать читателя на веселый лад, тем более что

Часть вторая

не будет веселее, список неразгаданных тайн продолжится, хотя речь пойдет сначала о временах нам близких, а потом и о днях нынешних.

Но если прежние «царицынские тайны» за давностью лет и по причине отсутствия на этом свете людей, которые ответить на наши вопросы уже не могут, мы вынуждены сдать в архив, то что делать с вопросами к нашим современникам?..

И тут-то следует, пожалуй, самое примечательное! А состоит оно в том, что эти наши современники оказываются, в сущности, безымянны. Ответчиков, что называется, персональных ответчиков, не отыскать. Потому что людьми, подписывавшими (или, наоборот, не подписывавшими), управляла стихия времени, выражавшаяся, как правило, в так называемых «звонках сверху». Практика эта сегодня решительно осуждена. Думаю, именно в ней причины наших недавних лет несчастий и потерь по части отечественного культурного наследия.

Но, как принято выражаться в научных сочинениях, — к истории вопроса. И хотя сочинения в нашей теме, понятно, не может быть места, но чем иным показаться могут сегодня такие, например, факты?

В 1936 году был разработан проект использования Царицына в качестве загородного ресторана и гостиницы, с солярием на кровлях царицынских дворцов. Реставрация и использование Царицына дважды являлись темой дипломных проектов студентов Архитектурного (!) института: в 1944 году — для загородной дипломатической виллы, а в 1948-м — для дома отдыха.

Пусть читатель сам оценивает эти факты: наша задача — излагать их дальше. А дальше у автора дрогнула рука, ибо писать он вынужден буквально следующее: в те же годы явилась идея приспособить Царицыно под завод шампанских вин... Дальше логика развития событий требовала бы сказать, что другая идея — создания, например, банно-прачечного треста в царицынских кущах — запоздала со своим рождением!..

Почему всего этого не произошло? Парадокс, имевший место в те времена, я бы назвал потрясающим: Царицыно от уготованной ему участи спасло то, что просто не нашлось средств для его реставрации применительно к грандиозным идеям использования!..

Но передо мной, читатель, — времена меняются. Со временем вместе переменяла курс и судьба Царицына. Задачи его использования, если можно так выразиться, обогородились: уникальный ансамбль был отдан на откуп Академии художеств.

Ну, кажется, по адресу — уж кто-то, а художники в обиду его не дадут. Итак, средства нашлись; они вложены в разработку нового проекта реставрации, которая и началась применительно к переселению сюда Суриковского института. Прикидывали уже сроки банкета по случаю новоселья, и вдруг... Да, да! Это «вдруг» уже более двух веков сопровождает судьбу многострадального Царицына. Словом, в 1982 году работы были неожиданно прекращены.

Убедительных концов причине такого решения в многотомном собрании реставрационной царицынской документации я не нашел. Но люди с хорошей памятью припомнили, что причины были. Выяснилось, например, что граверам нужны травильные мастерские, а это та самая «химия», которая сохранению архитектуры способствовать, понятно, не может. Стало также известно, что скульпторам необходимы литейные мастерские, последствия работы которых, что тоже вполне понятно, погубят уникальный парк. Причины, как видите, серьезные. Остается задать только один вопрос: разве не знали всего этого до того, как вложить средства, разработать проект реставрации и полным ходом начать работы?!

Короче: Царицыно возвращено Министерству культуры. Но возвращено, как оказалось, в состоянии, значительно худшем, чем принято. Поэтому, думаю, излишне говорить о качестве реставрационных работ. Кстати же, большая эта тема не то чтобы далеко увела бы нас от Царицына, но по причине прежде всего своего объема в наши планы (во всяком случае, сегодня) не входит. Хотя применительно к Царицыно и это повествование было бы печальным...

Но стороной обойти такой факт, что после всех передрыг на сегодняшний день у Царицына около тридцати так называемых пользователей, мы не можем. Заменяя же нескладное это слово привычным «хозяева», сделать картину менее мрачной тоже не удастся — при таком их количестве хозяина попросту быть не может.

Царицынский комплекс — а это, считая с парком и прудами, без ма-

лого триста гектаров... хотел было сказать: «заповедной земли», но не знаю, кому предъявить счет за все, что на ней творится. Так и протеся под перо поговорки вроде тех, что у семи нянек дитя без глазу или Иван кивает на Петра... Но поговорками Царицыно не поможешь — его продолжают губить. Вот факты.

Трасса метрополитена проложена под парком. В ходе работ метростроители замораживали грунт, а чтобы понять, как скажется это на деревьях, не обязательно быть специалистом-биологом. Тоннель прошел под зеркалом Царицынских прудов. Нужно ли и тут специальное образование, чтобы сообразить, чем грозит это уникальной водной системе?.. По кромке тех же прудов и над их заливами прокладываются автомобильные дороги, а я думаю, каждому известно, что колеса автомобилей вращают пока еще не электричество...

Будь же у Царицына хозяин, а не тридцать пользователей, метротрасса вполне могла бы пройти в стороне, а для автомобильных дорог съскалось бы иное место. Но оставим технический прогресс, который продолжает вторгаться в Царицыно не лучшими своими проявлениями. Поговорим о другом.

Бесхозность довела до того, что Царицыно облюбовали... скалолазы. Конечно, любой здравомыслящий человек подумает тут прежде всего о кощунстве. А мы, нарушив в данном случае профессиональную солидарность, скажем, что совсем еще недавно органы печати преподносили это как нечто, о чем говорить можно с умилением. И говорили, опуская, впрочем, такие незначительные подробности, как те, например, что смелые покорители царицынских вершин весьма успешно вколачивают железные крючья в камень двухсотлетней кладки, а для удобства упражнения сбивают двухъярусные парапеты Оперного дома. Говорят, правда, официально скалолазов «отшили», но набеги — сам тому свидетель! — продолжаются.

Что же, спросит читатель, совсем уж так никто и не охраняет Царицыно? Нет, почему же, охраняют. Например, на большом фанерном щите крупными буквами повествуется о том, что купаться и ловить рыбу в прудах категорически запрещается. Не думаю, однако, что современные рыбаки все-таки соблазняются преданиями о том, что некогда здесь вылавливали щук времен Годунова, а в 1886 году был пойман осетр двух аршин и одиннадцати вершков, с золотой серьгой, пущенный в пруд при Екатерине. Но если даже это и соответствует правде, то не та, рыбаки, нынче в Царицынских прудах водичка! Что же до купальщиков, вред от них, если таковой и последует, ничто в сравнении со всем сказанным выше.

Точку ставить, конечно, рано. Но представьте, что, закончив на этом горестное наше повествование, рассказали бы мы номер журнала по многочисленным адресам заинтересованных, так сказать, министерств и ведомств. Не гадая на кофейной гуще, с уверенностью можно предположить: незамедлительно получили бы мы поток радостных, оптимистических и сердце успокаивающих ответов такого примерно содержания: все, о чем говорилось в статье, имело место и т. д., но... Далее следовало бы: в настоящее время Царицыно находится под эгидой генерального пользователя (сохраняя, впрочем, и три десятка прежних. — А. Н.) в лице Музея декоративно-прикладного искусства народов СССР; разработан новый проект и начаты реставрационные работы (которые по счету?! — А. Н.) для размещения экспозиции; реставрация намечено завершить в 1992 году.

Самое интересное, что все как буд-

то бы верно, исключая, быть может, срок окончания работ, за который никто поручиться не может. Но дело не в этом, дело в самом музее. О нем и поговорим.

Сама идея помещения его в Царицыне не может вызвать ни сочувствия, ни оптимизма по многим причинам. Назовем первую — весьма сомнительную, вообще говоря, возможность существования такого рода музея. В высшем ранге, на который он претендует, Музей декоративно-прикладного искусства народов СССР должен, понятно, обладать только первоклассными экспонатами. Такие по праву находятся в республиканских музеях. Кто отдаст их в новый и у кого поднимется рука их взять? Но если бы даже это и произошло, как бы выглядели среднеазиатские, украинские, прибалтийские, другие национальные коллекции в русском интерьере XVIII века? Для этого пришлось бы его уродовать стендами-выгородками, приспособив под разностильную экспозицию. Причина веская. Но существует и другая.

Музей — если таковой и состоит — просто не освоит всей территории Царицына. Ему нужны два-три, ну от силы четыре строения ансамбля, а их двадцать четыре. Кому, под чью защиту пойдут остальные двадцать? А великолепные, требующие немедленного спасения пруды? Уникальный парк, молящийся о незамедлительном врачевании?.. Музей, впрочем, на них и не претендует. Более того, он намерен отсечь от себя надежным забором пруды и парк, то есть, по сути дела, расчлнить единый царицынский комплекс! Думаю, сравнение этому нужно искать где-то в анатомии, имея при этом в виду, что расчленяется живой организм...

Но машина уже завертелась: средства отпущены, реставрация идет применительно к нуждам именно этого музея. Удивительно ли, что в газетах появляются публикации с недвусмысленными заголовками, подобно такому, как «Миллионы на ветер»? Но, думаю, все-таки не о миллионах сейчас нужно вести речь; деньги — дело хотя и немаловажное, но наживное. Пока не поздно, подумать нужно о главном — о предназначении Царицына. Подсчитать же, сколько средств потрачено за эти годы только на решение вопроса о судьбе Царицына, я не берусь, справедливо, надеюсь, полагая, что задача эта и ЭВМ не под силу. Но знаю наверное, что сумма, ассигнованная государством на нынешнюю реставрацию, определяется цифрой со следующими за ней семью нулями...

Деньги только начали тратить, и сумма, насколько мне известно, все еще сохраняет свою восьмизначность. Не настало ли время, когда нужно подумать о судьбе Царицына с точки зрения здравого смысла?.. В самом деле, ведь за два столетия все попытки приспособить уникальный ансамбль подо что бы то ни было успехом не увенчались. Но откуда пошла и идти продолжает крайняя эта утилитарность в подходе к его назначению? Почему Царицыно нужно подо что-то «приспосабливать» и что-то в него «втискивать»? Существует же, к примеру, Колизей, и никому не приходит в голову приспособить его под музей итальянского народного искусства. И отчего же, законсервировав, не оставить и Царицыно в руинированном состоянии?..

Сознаюсь, однако, читателю: не полагаю себя достаточно компетентным, автор «опробовал» этот вопрос, задавая его специалистам — архитекторам, реставраторам, искусствоведам. Пример оказался уязвимым, и вот с какой точки зрения. Это, конечно, хорошо бы, отвечали многие специалисты, но нереально. Колизей, мол, в центре города, на виду, а чтобы содержать наше Царицыно в руинированном состоянии, нужен

целый полк сторожей. Не согласиться с этим нельзя. Как, впрочем, и с тем, что на деньги, затраченные (и продолжаемые тратиться) на разработку проектов и реставрацию, взять можно на полное довольствие дивизию, если не армию сторожей. Но если все же считать приведенный пример чем-то из области архитектурных мечтаний, попробуем отыскать предложения, которые представляются нам реальными и пока еще своевременными.

Говорят, архитектурный памятник подобен старинным часам, которые для сохранности необходимо заводить. Как и часам, нужна ему «рабочая функция». Но Царицыно и в этом ряду, считают специалисты, оказалось на особом положении: его нельзя рассматривать с точки зрения только архитектурной. Вся судьба и коллизии, завязавшиеся вокруг Царицына с самого начала, говорят о том, что осмысливать его нужно в гораздо более широком плане — как культурное явление своего века, быть может, даже в известном смысле как его отражение. Эта логика и приводит нас к мысли о сегодняшнем предназначении Царицына.

Восемнадцатое столетие — целый пласт русской культуры, не скажу малоизвестной, но по весомости своего значения все-таки недостаточной еще растолкованной. Думаю, происходит это от распыленности его реалий.

У нас нет музея культуры XVIII века. Есть бесценные экспонаты — в Оружейной палате, в Эрмитаже, в Историческом музее, но так или иначе мы пользуемся разрозненными фрагментами той эпохи. Я не уточняю, что в поименованных музеях — а список их легко можно продолжить — существуют запасники, о баснословных богатствах которых знают только специалисты. Все это просится, давно просится быть, простите уж мне такое выражение, «сфокусированным» в одном и специально предназначенном месте. Нужно ли искать помещение такому музею или строить его в центре Москвы? Оно есть. Это — Царицыно, которое облик, образ и всей судьбой своей созвучно времени и для музея этого времени предназначено.

В самом деле, много ли мы знаем о самом творце Царицына — фигуре загадочной, понять которую крайне трудно, быть может, даже и невозможно без соседства с ним тоже во многом таинственных его современников — Новикова, Болотова, Волкова, Радищева. А ведь существуют и в различных местах хранятся прижизненные издания, интереснейшие документы, даже копии с которых, собранные вместе, умно и тактично экспонированные, могут рассказать многое, доселе неизвестное о времени и его людях. Быть может, все это способно будет приподнять и флер таинственности над судьбой самого Царицына?.. А русская музыка XVIII века? Не в Оперном ли доме Царицына ей звучать? И не на современной же сцене попытаться воскресить театральные действия той эпохи, с особой их эстетикой? И наконец, Царицынский парк, водные его системы — разве не говорит все это о вкусах, мыслях и обо всей атмосфере загадочного еще столетия?..

Если же среди читателей последних строк найдутся скептики, скажу: это отнюдь не бесплодные мечтания, — все, о чем сказано выше, естественно войдет в Царицыно, не нарушив ни архитектуры его, ни самого духа памятника, ибо Царицыно само по себе уже музей, который осталось дополнить реалиями времени. Но при этом речь, конечно, идет не просто о музее культуры русского восемнадцатого века, но о музейном комплексе — едином и неделимом.

Не знаю вот только, когда наступит время дописать к давней и многострадальной истории Царицына необходимый и достойный его эпилог.

О СЧАСТЬЕ, О ВЛЮБЛЕННЫХ, О ВЕСНЕ

Новелла МАТВЕЕВА

Городская весна

Ты же и дымка, и тучи — тех же дождей перемотка.
Липа и вяз расцветают вслед за ольхой околотка.
Сколько серижек цветущих! Связками, райскою паклей...
Каждая связка отдельной цельной застегнута каплей.

В желтом пуху узнаванья, и золоте неузнаванья,
Каплей как ценной застёжкой, схвачена у основания.
А на морщинистой, старой, серой коре тополевой
Панчкой, пучком засияли выскочки зелени новой!

Что ж, если дождь — вхолостую? Надо снести его храбро.
Да! — как стекляшку простую, если внутри у ней амбра,
Если внутри его — зелень, дождь я и тот принимаю
Даль обгоняющим взглядом, радуясь маю.

Короток, жаль, что недолог май! — произность не посмеешь...
Под зеленеющей полог даже ступить не успеешь...
И прихотлив, и причудлив неба изменчивый норос,
Светлая зелень темнеет даже от пристальных взоров.

Короток май и недолог. Точно досуг между делом.
Пусть же из беглых обмолвок сложится песенка в целом!
Мысли цветущему шуму вверив, иди, не спеша ты...
Дни отпечатывают думу, точкой гравюру — самшиты.

Вот пронесутся недели, зимние бури нагрянут,
Птицы вверху над тобой петь и летать перестанут.
Дай устояться решению. Листьев зеленых касайся.
Отдыхом и утешеньем на зиму впрок запасайся.

Геннадий ЧАЛОВ

Весеннее настроение

Вся жизнь, быть может,
Рождена весной.
Равнины русские проснулись,
Ручьи поют березе под луной
В лесу, на перекрестках улиц
А жди, пока в листьях
не услышат звеня,
Всё ждать от ветра ласки май
И соловьи лишь петь да петь,
В ветвях украдкой вздыхая,
Где б ни вылетать, куда б не улетать,
Хоть с соловьями не летаться,
А все ж березы надо вспоминать,
К ним по-соловьи
надо возвращаться.

Анатолий ТРЕТЬЯКОВ

Весна в России.
Даже в будни,
Как в праздник,
Рожи в соловьях.
И прорастают травы буйно
Сквозь каски ржавые в полях.
И много-много наших близких
Ложит под красною звездою.
Цветы над каждым обелиском,
Почти над каждой высотой.
Все эти войны мировые —
Раздел полей, раздел морей, —
Они как раны ножевые
На теле Родины моей.
Россия! Будь со мной бессонно,
Чтоб в днях моих, в моих ночах
Твои ладони, как погоня,
Ложали на моих плечах.

Владимир ХОХЛОВ

Оставила песню река
лесам и разбуженным травам,
туманом ушла в облака,
ключами забила в дубравах.

Коль тучи с любой стороны,
прислушайся к голосу крови!
Мы нашей землей спасены
в отеческом деле и слове.

Не нам ли апрель-молодец
под вольную песню природы
из плотных земельных колец
выводит грунтовые воды?!

Березовый ветер

Сомкнулись небесные воды
над грустной туманной звездой,
а мама идет через годы
к колодцу за вешней водой.

Березовый ветер томится
в своей беспокойной тоске.
Рассвет второпях копошится
в зыбучем болотном песке.

И тянут иссохшие руки
друг дружке осины и ивы,
ромашки с глазами старухи
бегут в просяные разливы.

Грустят заболоченным небом
зари молодые ручьи,
повеяло утренним светом
и хлебом из нашей печи.

Любовь ВОРОПАЕВА

Март бредит весной и зимой.
Итог несусветного бреда —
То слякоти нежной победа,
То воздуха вкус неземной.
Март бредит весной и зимой,
Как будто не месяц он вовсе
И солнце в дырявой авоське
Меж небом несет и землей.
Март бредит весной и зимой,
Роняет торжественный лепет...
Еще разрушает — уж лепит
Распльвчатый образ иной.
Он словно младенец, к груди
Припавший впервые,
Рожденьем обязанны боли,
Не знающий, что впереди...

Размолвка

Со знаком минус,
как пчела без жала,
Из паутины слов твоих и рук
Прочь убежала я... И все бежала,
И все сгущались сумерки вокруг.
Но все, что в прошлом
было прочно, слитно,
Надвинулось вдруг, фарами слепя, —
И я остановилась... Очевидно,
Случайно натолкнувшись на себя.

Из кожи лезла вон,
чтоб выглядеть красивой,
Из кожи лезла вон,
чтоб выглядеть счастливой.
И сетовала: мол, по чьей такой указке
Жизнь преподносит зло
и все сгущает краски?!

Растила я в себе
уменьше быть беспечной
И горделиво плыть
по жизни быстротечной...
Я видела людей, себя им показала...
Ничто и никому я все ж не доказала.
А нынче говорят: красивая какая!
А нынче говорят: счастливая какая!
А я тебя люблю и людям удивляюсь:
Ведь выглядеть красивой
я вовсе не стараюсь!

Ревную тебя к пожелтевшему снимку,
Где ты молодой и счастливый,
в обнимку
С другой, молодой и счастливой,
И самой, конечно, красивой.
Ну да, все понятно:
мы встретились позже,
И с кем-то в обнимку
снялась я тоже...
С другим, молодым и счастливым,
И самым, конечно, красивым...
Тогда отчего я так дико ревную
И так ненавижу на снимке другую,
Которая все эти годы
Твои разделяла невзгоды?!
Быть может, за то,
что когда-нибудь позже
В обнимку с тобой
мы снимемся тоже,
А снимок потом пожелтеет,
И кто-то меня ненавидеть посмеет?!

Александр ТАБАТАДЗЕ

Роден: «Вечная весна»

А глыба мрамора была мертва,
Но день настал — и холод потеряла.
Свершилась ее давняя мечта,
Другой мечты она не замышляла.
Рождалось постепенно, тяжело
Свечение изгиба и овала.
Подобье жизни в камне ожило,
Но для любви подобья жизни мало.
Сердцам в ожившем камне
все тесней.
О, как они стучат неосторожно!
Рассказывать легенду вечно можно.
О счастье, о влюбленных, о весне.

Мечты на седьмом небе

К иллюминатору склонилась,
Мечты над миром вознеслись...
Седьмого неба даль искрилась
Во взгляде,
устремленном вниз.
Надежды нет на свете выше —
Скорей любимого обнять,
И нежный голос счастья слышать,
И локоны перебирать.

Горит закат,
но солнцу нечем
Затмить рожденную луну.
Как хорошо лететь навстречу
Судьбе,
зовущей в вышину.

Хоть далеко земля родная
И наступает ночь смелей,
Она и в облаках земная —
Так любят только на земле.

Тишина

Что тишины милей,
представшей зимним лесом?
Но без свободы ей
в моем молчанье тесно.
Душа себе верна,
когда и одинока.
Но в детях пусть она
не замолчит до срока.
Молчание поймет
влюбленных в лунном свете.
Но если сердце врет,
вы тишине не верьте.
Цветенья вольных трав
любовь имеет свойство.
Но если ты не прав,
молчанье — вероломство.
Слова любви всегда
негромкими бывают,
Но тихая вражда
и зависть — убивают.

Перевела с грузинского
Ирина ЛОБАНОВА.

Сурен МУРАДЯН

Когда меня постигнет
в жизни горе
Или в минуты счастья
и любви,
Иду к тебе я,
край родимый, Лори,
Спешу в объятья нежные твои.
Хочу увидеть вновь,
как льется Дебед,
Как с тишиной ведет
твой вечный спор,
Хочу услышать птиц
веселый щебет,
И голос ветра,
и молчанье гор.
Зажгу очаг под отчим кровом
в Лори.
Пускай в ночи горит он,
как звезда,
И пусть тоска, глубокая,
как море,
Рассеется, исчезнет навсегда.

Перевела с армянского
Лорина ДЫМОВА.

Валентина СЛЯДНЕВА

Ну где оно, свидание,
Короткое свидание
И плен твоих очей?
Ты стал воспоминанием.
Моим воспоминанием,
А я — не знаю чем!

Ни в чем я не уверена,
Тебя забыть намерена,
Но что поделать тут?
Печаль гнездится птицею,
В душе гнездится птицею...
Как птицу ту зовут?!

Весна, конечно, ни при чем тут!
(Хоть отчасти она права...)
Перебираю,
словно четки,
Твои улыбки и слова.

Летучие и зоревые...
Глаза, которых нет синей!
Твои ладони роковые,
Где словно гвозди —
знаки дней.

И ощущаю твои губы,
Которым на моих алеть...
Как в нашей жизни,
часто грубой,
Все это может уцелеть?!

Жиенбай ИЗБАСКАНОВ

Когда весна преображает степи,
сильней тоска по отчему порогу.
Цветут сады во всем великолепье,
и взгляд опять впивается в дорогу.
А соловьи вокруг не умолкают!..
Недолго ждать —
не за горами лето.

И в памяти лицо твое мелькает,
не раз оно в стихах моих воспето.
Я о тебе задумываюсь часто
под щебет птиц,
под шорох листопада.
Вот здесь я понял,
что такое счастье,
вот здесь я потерял
покой когда-то...

И снова осень...
Время распротиться
с мечтаниями юности беспечной.
Где ты, моя весна?..
Ужели снится
мне этот шепот,
трепетный и вечный?..
Уж не прошла ли жизнь
на самом деле,
пока бродили мы в потемках улиц
и друг на друга издали глядели,
и, не сказав ни слова,
разминулись?..

Перевел с каракалпакского
Виктор КОРКИЯ.

Валерий ГУРИНОВИЧ

Восемнадцать, без месяца, лет,
приазовский совхоз
«Черноморка»
и звезды ослепительный след,
и на сердце
то сладко, то горько.
Вот еще отгорела звезда...
Но уже горизонт голубеет,
начинается время труда,
от которого
руки грубеют.
А ведь мама пророчит меня
в музыканты,
а не в землекопы.
Но, токкаты и фуги кляня,
рою землю тяжелую,
чтобы
не сейчас, а спустя много лет
в мое сердце вошли, как заноза,
и звезды
поэтический след,
и земли
полновесная проза.

Горных снегов белизна,
медленно птицы круженье...
Молодость. Холод. Весна.
Небо —

реки продолженье.
Вот что запомнилось мне
сизой

обманчивой ранью.
Там, в глубине-вышине —
только б хватило дыханья! —
я бы как птица кружил.
Словно форель ножевая,
падал бы

с синих вершин,
доли иной

не желая!
Или в чащобе глухой
под невысокой звездю
мерил

звериной тропой
время свое золотое.
Лишь бы со мной навсегда,
до окончания жизни —
Родины
лес и вода,
небо и травы

Отчизны!

Николай ДРУЖИНИНСКИЙ

Белозерская весна

Пыль, песчаная пыль. Ветер с древнего озера.
Над шершавой волной трясогузка дрожит.
В Белозерске весна, но с утра подморозило.
На купальницах иней свинцовый лежит.

В Белозерске весна затяжная, несмелая.
До цветенья черемух еще далеко.
О бетонный причал бьется озеро Белое,
Колотиться ему о бетон нелегко.

Далеко, далеко наша память уносится...
Из монгольских степей — солнца черного блеск...
Воронье по Руси очумелое носится.
Пали все города. Но не пал Белозерск!

Эй, степняк! Ты померяйся силой с дружинешкой.
Ты попробуй взойти на обветренный вал:
Белозерский мужик тебя встретит дубинушкой.
А булатным мечом он сразит наповал.

Белозер коренаст. И лицо задубелое:
землепашец, рыбак.

Бьет он с правой руки!
А в сосновый причал плещет озеро Белое.
По заливу сплывают судаков косяки...

Помнит озеро годы лихие, остудные.
Да, не пал Белозерск. Он стоит, как всегда.
Есть места на Руси для врагов недоступные.
Есть места на Руси... Их не старят года.

Пусть будет тихая ночь,
Мягкий весенний дождь.
Спит на кровати дочь
Маленькая моя...
Пусть будет мирным дом
Ночью и шумным днем.
Думаю об одном:
Далеко семья.
Ночь — я опять один.
День — я среди людей.
Пусть подрастает сын
Светловолосый мой...
Жизнь, как у всех, уйдет
Шумно, как ледоход.
Что же я сохранил,
Что унесу с собой?
Может быть, эту ночь,
Мягкий весенний дождь?
Раннюю сердца дрожь
Да расставаний боль?
Да, я запомню ночь!
Да, я запомню дождь!
Да, я запомню дочь
Маленькую мою!
Буду я не один,
Вырастет сильным сын.
Будет он не один!
Буду я знать, что жил
С верой в любовь твою.

Александр НЕВСКИЙ

ВСЕЙ ЖИЗНИ КАЯТЬСЯ НЕ ХВАТИТ

Фото Сергея Ветрова

А утром 6 сентября с. г. Лидия К. вместе со своими однокурсниками в составе студенческого сельскохозяйственного отряда уехала в подшефный совхоз.

Адвокат Валентина Логинова отложила в сторону обвинительное заключение.

— Не может быть, просто в голове не укладывается! — Я был ошеломлен. — После того, что произошло, она поехала на картошку?!

— В этот же день, — продолжала Логинова, — за Лидой приехали товарищи из института и милиция.

— Прямо на глазах однокурсников ее взяли под арест?

— Нет. Только допросили и отправили в больницу, где она провела три недели. — Адвокат вздохнула. — Вот такой случай. — Она взглянула на часы и стала собираться. — Вы уж меня извините, пора в детсад бежать за ребятами. А то они страшно обижаются, когда я опаздываю.

Мы вместе вышли из юридической консультации. Она побежала к метро, а я не спеша пошел по Ленинскому проспекту; хотелось еще раз поразмыслить над только что услышанной историей. Тут было о чем подумать, никак не хотелось верить, что такое могло случиться. Однако вот случилось. И не с кем-то, а с нормальной, здоровой студенткой Лидией К. — едва ли не отличницей, профгором курса. Через неделю — судебный процесс.

— Да вы что, не верите нам? — Тамара изобразила обиду на лице. — Я повторяю: мы ничего не знали.

— И ни о чем не догадывались? — Как вам сказать?.. — замялась Марина. — В последние дни она как-то странно себя вела, и потом...

— Лидка вообще очень скрытный человек, из нее никогда ничего не выудишь. — перебила подругу Тамара. — Обычно мы друг другу все рассказываем, а она... Даже когда с Игорем встречалась, мы об их отношениях ничего не знали.

Мы сидели в комнате институтского общежития, где три с половиной года прожила Лидка: Тамара и Марина считались ее подругами. Так по крайней мере они сами говорили.

— Да если б мы знали, то постарались бы ее как-то успокоить, что-нибудь предпринять...

— Вот именно! — подхватила Марина. — Я Лидку не могу понять, хоть убей. За все время ничего никому не сказать! Может, боялась, что проболтаемся? Но мы ведь нормальные люди, наконец, мы — женщины...

— Ее погубило деревенское воспитание. Там у них в деревне, наверное, до сих пор ворота дегтем мажут! — усмехнулась Тамара.

Она еще могла улыбаться, вот что меня удивило. А Марина, наоборот, делала страдальческие глаза, говорила взволнованно:

— Вы только не подумайте, что мы такие бессердечные. Я, например, до сих пор не могу прийти в себя. А в первые дни вообще с ума сходила. Мы с Лидкой немного внешне похожи, так на меня уже в институте стали коситься, за нее принимают, что ли. А мне-то какво?

Я чувствовал, что Марине больше всего жалко себя...

Впервые я увидел этих девушек в коридоре суда с двумя большими сумками и только сейчас понял, что они пришли снаряжать свою подругу в тюрьму... В тот день они не выглядели взволнованными. Сейчас же, когда все позади, успокоились вовсе. Чувствуется, им очень неприятно вспоминать о происшедшем. Мне казалось, они все-таки жалели Лиду. И вдруг...

— Давайте откровенно. Лидка должна радоваться, что так легко отделалась! — сказала Тамара. — Будь я на месте судей, приговор был бы другой.

— Зря ты так, Тома! — вздохнула Марина. — Она же не виновата, что ей такой подонко попался. Если б Лидка встретила порядочного парня...

Тамара усмехнулась:

— Да при чем здесь он? Он что,

обещал на ней жениться, клятву дал, расписку кровью написал? Парень как парень. Кстати, он тоже пострадал из-за нашей Лидки...

Игоря я встретил у проходной завода, куда он устроился сразу после отчисления из института. Высокий, темноволосый парень, симпатичный.

— Ну что вам от меня надо? — скривив губы, спросил Игорь. — Вам мало, что меня из института из-за этой дуры выперли? Может быть, меня тоже нужно было вместе с ней отдать под суд, а?

Мне нужно было задать Игорю единственный вопрос, но он сам на него ответил:

— Да, я какое-то время — месяца два — встречался с ней. Ну и что? Потом понял, что это не тот человек. Провинциальная барышня с большими странностями. Деревенские родичи ее в страхе воспитывали, еле убежала от них в столицу. По-моему, ей было все равно, в каком институте учиться, лишь бы дома не оставалась. Она ничем особенно не интересовалась. Короче, скоро мне стало с ней скучно. Так и расстались, без всяких сцен. Я просто перестал к ней заходить.

— Значит, Лидка не сказала, что ждет от тебя ребенка?

— Не было у нас такого разговора. Я еще в нашу первую встречу предупредил ее, что для семьи и прочего мы не созрели. Откуда мне было знать, что у нее на уме?

— Неужели за все это время ты ни разу не подошел к ней, не поинтересовался ее настроением, самочувствием, наконец?

У Игоря лицо вытянулось.

— А зачем? Расстались — и все. У нее своя жизнь, у меня — своя. Вы какую-то чушь говорите. Я вот только одно не пойму: кому понадобилось делать из меня козла отпущения? При чем здесь я? Ну, сами посудите. Если бы не я, встречалась бы она с другим парнем; свято место пусто не бывает. Лидка прекрасно знала, что жениться я на ней не собираюсь. Никакой особенной любви у нас не было и в помине —

обычные отношения. У нас на курсе многие встречаются, и ничего... — Он вздохнул. — Мне одному, дураку, так не повезло.

Говорить мне с ним уже не хотелось, да и не о чем.

Больше всего в этой истории он жалел самого себя. Поэтому даже в суд не пришел. Испугался? Я чувствовал, что Игорь и сейчас чего-то боится. Хотя чего ему бояться, этому вечному мальчику с застывшим вопросом в глазах: «А я-то здесь при чем?»

«Милый, милый мой человек! Живу без тебя уже целый месяц и сама себе удивляюсь, как я могла столько времени прожить без моего любимого. Очень соскучилась. Очень. И все-таки на сердце хорошо: у меня есть ты! Знаешь, до сих пор не пойму, что ты во мне нашел. Я ведь очень заурядная, обычная «деревня». А ты такой умный и красивый, самый лучший на свете мужчина! Что мне сделать, чтобы ты меня не разлюбил, Игорек? Скажи. Я постараюсь, я все для тебя сделаю.»

Ты обижаешься, что я очень замкнутая, что «себе на уме». Это не так. Просто мне трудно общаться с людьми, которые заняты только собой, а на других они не обращают внимания. Я знаю, что в группе даже хорошие девчонки считают, что я со странностями. А в чем мои странности? Разве я виновата, что не люблю все эти шумные компании, что не бегаю на дискотеки и не могу одеваться по «последнему крику»? Они себе это могут позволить, им родители помогают. А я не могу даже лишнюю пятерку попросить у своих стариков, мне стыдно. Но если ты хочешь, чтобы я была «на уровне», то я пойду работать, устроюсь почтальоном или еще где-нибудь.

Ты меня упрекал, что я неконтактная. Ну и что? Мне нравится шить, вязать, готовить. Я просто очень домашний человек, понимаешь? На людях я немножко теряюсь и выгляжу, наверное, глуповато. Но я постараюсь, чтобы ты меня не стеснялся, постараюсь быть контактнее и веселее. Для этого даже согла-

силась стать проффоргом, хотя это не для моего характера.

Прошу тебя — береги себя, мой любимый. Осторожнее будь на стройке. Знай, что я очень тебя люблю и жду. Целую каждую твою клеточку, мой единственный. Твоя и только твоя Л.

...Я тебе связала свитер. Надеюсь, что он тебе понравится».

Декану факультета, где училась Лида, нет еще и сорока. Приятное лицо, ранняя седина в висках. В глазах осторожность.

— Без куратора группы я с вами разговаривать не буду, — отрезал он. — Да и вообще об этой истории писать не стоит.

— Почему? — спросил я.
— А вы сами не понимаете? Это же аномальная ситуация! В ней должны разбираться не студенты, а юристы и врачи.

— Но ведь Лида — ваша студентка, почти четыре года проучилась у вас в институте.

— Ну и что? Теперь она не студентка. Ее отчислили за неуспеваемость.

В этот момент в кабинет зашли куратор группы Марина Ивановна и комсорг курса. Усевшись на стулья, женщины вопросительно посмотрели на декана. Владимир Павлович представил корреспондента.

— Этого нам еще не хватало! — тяжело вздохнула Марина Ивановна. — Да вы что, товарищи, с ума сошли? По институту и так ходят всякие нездоровые слухи, а тут еще пресса пожаловалась...

— Вот и я об этом же! Не надо ничего писать. Есть же, наконец, ситуации, которых нельзя касаться, — живо поддержал декан. — Кстати, вы знаете, что процесс по делу К. был закрытым?

— Знаю.
— Вот и для нас это закрытая тема, понимаете?

— Владимир Павлович прав, — добавила комсорг. — Мы специально не стали обсуждать К. на комсомольском собрании, даже на бюро не вызывали.

— Значит, она пошла под суд комсомолкой? — спросил я.

— А что нам было делать? — пожал плечами Наташа. — Конечно, нужно было ее исключить, как положено. Но мы побоялись огласки и...

— ...исключили из института, — закончил я фразу.

— Не исключили, а отчислили за неуспеваемость, — поправила меня куратор.

— А Игоря тоже отчислили за неуспеваемость?

— Да, и его тоже, он завалил сессию.

Теперь все понятно. В институте решили замать ЧП простым способом — взяли и отчислили. Вроде как ничего и не произошло. Ах, если бы так просто можно было решать все вопросы!.. Но руководители факультета и комсомольские активисты просчитались: сплетни и слухи вокруг «запретной» темы стали разрастаться. Несколько месяцев подряд в вузе только и говорили, что о ЧП в общежитии. И чего только не говорили!

— Я не буду спать на кровати детоубийцы! Мне страшно! — заявила девушка, которую перевели в комнату, где жила Лида.

— Ее нужно было расстрелять! — сказал однокурсник Игоря. — Слишком у нас законы гуманные!

— Правильно! Это же дикость, варварство! Тут даже слов не подберешь, — поддержал его другой студент. — Мать, поднявшая руку на собственного ребенка, не имеет права жить!

Парни кричали и возмущались больше и громче девушек, но и те не оставались в стороне.

— Я как-то у нее спросила: ты что это начала полнить? Лидка улыбается: разве уже заметно? Я тогда как-то не придавала значения этим словам.

— Но, согласитесь, Игорь тоже подонки будь здоров! — проговорила Марина, соседка Лиды по комнате.

— Ерунда! Он здесь ни при чем! Она сама должна была думать, — последовала реплика однокурсника. — Просто ему не нужно было с ней связываться.

— Нет, таких, как Лидка, надо расстреливать!

— Почему же она все-таки молчала?..

«...Игорь, ты очень умный человек, скажи: почему мы все-таки чужие? Почему нам нет никакого дела друг до друга? Вроде бы живем вместе, учимся вместе, а все равно чужие... Если у меня случится беда, то и за помощью обратиться не к кому. Кто я для них? «Деревня», «Староверка». А мама, наоборот, ругается, что Москва меня испортила и я стала слишком современной. Один ты знаешь, какая я на самом деле, и это для меня главное. Когда же ты наконец приедешь из своего стройотряда и я увижу тебя не во сне, а наяву?»

— Лида была очень уж «себе на уме», изображала из себя тихоню, — это уже не мне, а адвокату Логинову рассказывала Тамара. — Ничем никогда не поделится, все молчком, молчком.

— Но вы же были в ту ночь в комнате вместе с ней. Вы же, наконец, женщины, должны были увидеть, в каком она состоянии. — Адвокат едва скрывала раздражение. — Подруга вот-вот родит, а вы...

— Я же говорю: мы ничего ТАКОГО не заметили. В тот вечер пришли поздно из диско-бара, сразу легли спать. Лида тихонько стонала. Мы подумали, что у нее расстройство желудка, живот болит. Решили не тревожить.

— Товарищ адвокат, любая на месте Лидки в этот момент все бы рассказала подругам. Наконец, просто бы попросила вызвать «Скорую», — включилась в разговор Марина. — Все мы люди... А она вон что учудила! В конце двадцатого века пошла в душевую рожать! Ужас! Меня до сих пор дрожь бьет...

— Да, девушки, не хотела бы я быть вашей подругой или соседкой, — покачивая головой, молвила адвокат. — Не человечески все это...

До начала судебного процесса оставалось три часа. Логинова волновалась, ей предстояло защищать Лиду. Ей, матери двух детей, защищать женщину, убившую своего новорожденного ребенка.

Судья объявил перерыв. Лида встала со скамьи подсудимых, набросила на плечи шубу и вышла из зала. Я увидел ее лицо — безучастное, отрешенное. Навстречу ей поднялись пожилые мужчины и женщина, ее московские родственники.

— Ну как, Лидочка?

— Она ничего не ответила.

— Здесь рядом столовая, зайдем пообедаем? — предложили ей бывшие соседки по комнате, вызванные в суд в качестве свидетелей.

— Не хочется, лучше просто пройду.

Я думал, она не станет со мной разговаривать, но ошибся. Лида согласилась ответить на мои вопросы.

— Нет, мама не приехала. А зачем? Это не нужно, только лишние слезы... Она меня на прошлой неделе навещала. Все плакала, говорила: «Что же ты наделала, дочка? Я бы, может, и покричала, но все равно бы тебя приняла с ребенком». Это она сейчас так говорит, а летом предупредила: дескать, если что случится, считай, что нет у тебя родителей, нет дома.

— А какие у тебя были отношения с московскими родственниками?

— Я к ним последние четыре месяца не заходила, боялась, что догадаются, маме расскажут... — Она вздохнула. — Да сейчас-то мне уже все равно: я в тюрьму собралась. Вот только интересно, сколько мне дадут. Может быть, вышую меру, а? Ну и пусть! Я заслужила.

Сначала меня удивили Лидин тон, та легкость, с какой она пошла на открытый разговор с незнакомым человеком, а потом понял: за все это время ей просто не с кем было поговорить, даже покаяться некому было! Я почувствовал, какая страшная опустошенность царит в ее душе, как она была сейчас чудовищно одинока. Она шла рядом, говорила — буднично бредила...

— Он сказал, что я ему не нужна, а тем более ребенок... И все для меня кончилось, понимаете? Потом я уже не жила. Все в каком-то кошмаре... Почувствовала, что в этой жизни я никому не нужна, совсем не нужна. Поэтому и своего будущего ребенка я еще тогда возненавидела... А когда он появился и закричал — мальчик, будущий мужчина, я не знаю, что на меня нашло...

После разговора с Лидой у меня на душе осталось странное чувство. С одной стороны, было жаль эту молодую несчастную женщину, а с другой... Здравый смысл отказывался понять ее поступок. Может быть, она была невменяема в тот момент? Нет, психиатрическая экспертиза показала обратное, хотя врачи и признали, что К. была в состоянии тяжелой депрессии. Пусть в депрессии, усугубившейся одиночеством, пусть отец будущего ребенка отказался от нее, но поднять руку на младенца!.. Нет, не могу понять.

В подавленном состоянии я вернулся в суд. Там за закрытыми дверями началась вторая часть процесса, скоро прозвучит приговор...

Я видел бледные, опущенные лица родственников Лиды. Мне показалось, что они прячут глаза не только от людей, находившихся в коридоре, но и друг от друга. А бывшие однокурсницы Лиды — Тамара и Марина — в это время курили у лестничного пролета, поглядывая на часы.

— Витька сегодня взял билеты на концерт. Наверное, не успею, — забеспокоилась Тамара. — Он обидится, ему ведь не объяснишь...

— Прекрати! — одернула ее подруга, заметив, что я стою рядом. — Как ты сейчас можешь об этом!..

Вот такие «сердобольные» приятельницы! Свидетели. Догадываюсь, что своей версии «ничего не знали, ничего не замечали» они придерживались упорно. А может, так оно и было? Может, они специально «ничего не замечали»? Зачем им лишние тревоги, переживания? Пусть сама выкручивается.

А ведь если бы хоть один человек, один-единственный, оказался рядом с Лидой в то время — не кроватями рядом, не стульями в аудитории, а сердцем, способным на сопереживание и участие, — может, и не произошло бы непоправимого. Нет, не нашлось такого. Соседки были, однокурсницы, куратор, которая считает себя «добрейшей женщиной», были, а вот друга рядом не оказалось.

Я не оправдываю дикий поступок К., просто хочется понять, как вокруг Лиды появилась эта непробиваемая стена отчужденности и равнодушия. Откуда в этих милых на вид двадцатилетних студентках столько черствости и душевной слепоты? Адвокат Логинова права: вряд ли кому-нибудь в трудную минуту хотелось бы оказаться рядом с ними. Понимают ли они это сами?

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...» Когда из судебного зала донеслись эти слова, все, кто стоял рядом со мной в коридоре, насторожились. Спустя некоторое время дверь открылась, вышли члены суда, за ними государственный обвинитель и адвокат. А где же Лида? Она продолжала, закрыв лицо руками, сидеть за барьером на скамье подсудимых.

— Лидка, вставай! Ну ты чего, подруга? — подлетели к ней однокурсницы. — Поздравляем! Пять лет условно — это же ерунда! Главное, что в колонию не попала.

Значит, они ее поздравляют... Обрадовались... Родственница взяла Лиду за плечи.

— Лидушка, пойдем домой. Надо поблагодарить адвоката, в ножки ей поклониться. Если б не Валентина Петровна, то еще неизвестно...

— Отстаньте от меня, прошу вас! Умоляю! Отстаньте! Уйдите! — вдруг сорвалась на крик Лида. — Я в тюрьму хочу, я... Я жить не хочу!

— Ну что ты такое говоришь. Лидка? Ведь все обошлось

Что же обошлось, что? Я смотрел на Лиду и думал: как же она с таким грузом, с такой ношей на душе будет жить дальше? Что для нее этот суд и приговор, когда она всю оставшуюся жизнь будет судить себя беспощадно и приговаривать к постоянным страданиям?

Теперь-то я понял, почему Логинова поспешила уйти из зала суда сразу после окончания процесса. Я догнал ее уже на улице.

— Сложный был процесс, да и само дело, как вы понимаете, очень уж непростое, редчайшее, — устало произнесла она. — Обвинитель потребовал пять лет строгого режима. Слишком сурово? Учитывая обстоятельность и личностно-подсудимой, я как юрист была против такого наказания. Тем более психиатрическая экспертиза проводилась с опозданием и доподлинно никому не известно, в каком состоянии тогда была К. И потом вы же сами поняли, в каком душевном вакууме все эти месяцы она жила. Обман Игоря, полное равнодушие подруг, невнимание родственников, страх перед матерью, грозящей отлучить ее от дома...

— Валентина Петровна, вы это говорите как адвокат...

— Да. И только как адвокат. Потому что случившееся с К. не поддается обычному человеческому пониманию. Хотите услышать мнение женщины? Матери-одиночки, имеющей двух детей?

— Я, кажется, представляю, что вы скажете...

— Нет, мужчины не представляют, что такое обмануться в любимом человеке и оказаться одной с младенцем на руках. Счастливые отцы стоят у роддома с цветами, радостные и взволнованные соседки по палате снимают больничные халаты и надевают праздничные платья. А за тобой и прити никому. Никто не выкрикивает твое имя под окном, не размахивает букетом. Ты просишь медсестру вызвать по телефону такси и одна, запеленав ребенка, возвращаешься в пустую комнату. Надо радоваться, а ты почему-то плачешь. Но вот ребенок подал голос, и мгновенно переменилось настроение, ты расцвела, ты счастлива... И вдруг начинаешь сознавать, что и на самом деле счастлива — вот твое счастье, твое чудо кричит, пуская пузыри... Ради этого все можно забыть: обманы, измены, переживания, боль. Ты не одна в этом мире, с тобой твой ребенок! И пусть потом кто-то показывает на тебя пальцем, пусть к тебе приклеивают обидное прозвище «мать-одиночка». Глупые люди, думаешь ты, да какая же одиночка, если рядом ребенок, если ты чувствуешь себя матерью... — Неожиданно Валентина Петровна замолчала.

Мы подошли к метро. Поращаться.

— Скажу откровенно, как женщина я просто ненавижу свою подзащитную. Нет ей оправдания и не может быть. Впрочем, она сама себя обрекла на вечные муки, хотя кто знает, кто знает... Ведь собственный приговор куда страшнее судебного. Его не отменишь, не подашь жалобу в вышестоящую инстанцию. Оправдания тут не бывает. Всей жизни каяться не хватит!

Логинова взглянула на часы и снова, как и в первую нашу встречу, заторопилась.

— Вы уж извините, сегодня я должна прийти в сад пораньше: дети к Восьмому марта концерт подготовили, чтобы нас, своих мам, порадовать. Мои чебурашки меня обещали чем-то удивить...

— Скажу откровенно, как женщина я просто ненавижу свою подзащитную. Нет ей оправдания и не может быть. Впрочем, она сама себя обрекла на вечные муки, хотя кто знает, кто знает... Ведь собственный приговор куда страшнее судебного. Его не отменишь, не подашь жалобу в вышестоящую инстанцию. Оправдания тут не бывает. Всей жизни каяться не хватит!

Логинова взглянула на часы и снова, как и в первую нашу встречу, заторопилась.

— Вы уж извините, сегодня я должна прийти в сад пораньше: дети к Восьмому марта концерт подготовили, чтобы нас, своих мам, порадовать. Мои чебурашки меня обещали чем-то удивить...

— Скажу откровенно, как женщина я просто ненавижу свою подзащитную. Нет ей оправдания и не может быть. Впрочем, она сама себя обрекла на вечные муки, хотя кто знает, кто знает... Ведь собственный приговор куда страшнее судебного. Его не отменишь, не подашь жалобу в вышестоящую инстанцию. Оправдания тут не бывает. Всей жизни каяться не хватит!

Логинова взглянула на часы и снова, как и в первую нашу встречу, заторопилась.

— Вы уж извините, сегодня я должна прийти в сад пораньше: дети к Восьмому марта концерт подготовили, чтобы нас, своих мам, порадовать. Мои чебурашки меня обещали чем-то удивить...

ОТ РЕДАКЦИИ. Судебная история, с которой вы познакомились, уважаемые читатели, конечно, нетипична. Но так ли уж нетипично состояние, в котором оказалась Лидия? И разве не встречаемся мы в жизни с тем же людским равнодушием и отчужденностью, с какими столкнулась в трудный момент жизни девушка? «Мне хотелось кричать от одиночества, а я молчала» — это ее слова. Так есть ли оно, лекарство от одиночества, и где взять его рецепт? Подскажите, уважаемые читатели, если знаете. Ждем ваших писем.

НА ПРИЗ «СМЕНЫ»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ТУРНИР СБОРНЫХ КОМАНД ПО ФУТБОЛУ

Десять команд семи стран оспаривали ранней весной призы журнала «Смена», изготовленные умельцами Дятьковского хрустального завода. На зеленых весенних полях Баку и Сумгаита мы увидели лучших юных футболистов Чехословакии и Болгарии, Швеции и Польши, Венгрии и ГДР. Нашу страну представляли сразу четыре команды — две сборные страны, одна из которых была составлена из ребят годом младше остальных участников турнира, коллективы Грузии и Азербайджана.

В финале турнира сошлись две сборные СССР. Более старшие по возрасту выглядели предпочтительнее — разница в год на этом этапе, конечно же, весьма и весьма ощутима. Старшие диктовали весь ход игры, что в общем-то и ожидалось. Победила в турнире и завоевала приз журнала «Смена» сборная СССР-1, на втором месте — сборная СССР-2, третий приз — у сборной Чехословакии.

— Очень нужный турнир организовал ваш журнал — делится впечатлениями выдающийся в прошлом болгарский футболист Иван Колев. — Во всех отношениях — и записка футбольного сезона, и радость встреч ребят из разных стран, а для нас, ветеранов, такие иг-

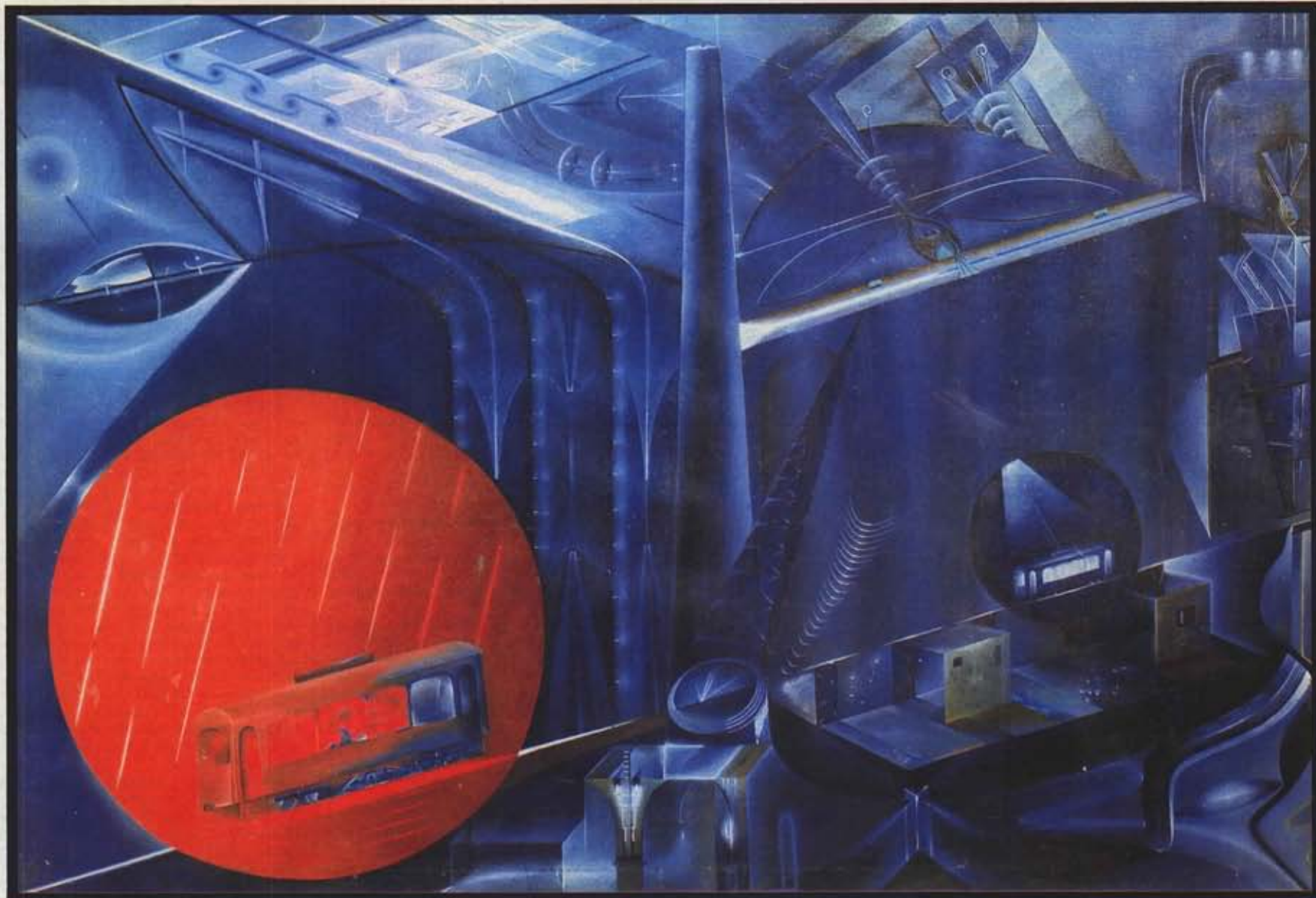
ры — словно свидание со своей юностью. Когда-то я забивал голы Яшину, теперь мечтаю воспитать кого-нибудь, кто бы почаще огорчал ваших вратарей. Пока, правда, среди болгарских мальчишек не видно великих по задаткам игроков, но благодаря заботам организаторов они провели две прекрасные недели в Баку, ознакомились с древним городом, подружились со своими сверстниками из многих стран, а что на свете может быть прекраснее дружбы?

— Мы очень рады, что именно нашему городу выпала честь первым принять участников турнира на приз «Смена» — сказал председатель Федерации футбола Азербайджана Тофик Фаттуллаев. — Старались сделать все возможное, чтобы нашим гостям запомнились не только спортивные состязания. Футболистам была предложена обширная культурная программа — большинство юных спортсменов из-за рубежа впервые побывали в Советском Союзе. Они пытливо и заинтересованно знакомились с нашей республикой, ее традициями, обычаями, культурой. По их единодушному мнению, турнир удался. И мы надеемся, что, покидая столицу Азербайджана, гости в своем сердце сохранят тепло наших сердец.

Фото Евгения Стяжко

Завод. 1922 год.

Климент РЕДЬКО
Страницы рукописи

ЗРАЧКИ СОЛНЦА

Автопортрет. 1934 год.

Все мои познания, составляющие главный стимул к жизни, оказались провинциальными в сравнении с общей культурой Москвы. Следовало сделать исключение лишь некоторым несомненным авторитетам, поразившим мое воображение еще в начале первого знакомства с историей искусства. Меня очень занимали флорентийский и римский периоды творчества Леонардо да Винчи. Восхищение великим мастером возникло у меня в ранние годы, еще свежо было ощущение крови на моих пальцах от невинного голубя, которого мы с одним товарищем секретно оперировали во имя славы Леонардо да Винчи — анатома в медицине и анатома в форме искусства. Этот эпизод, его влияние на долгие годы зародили мысли о необходимости подвигов и жертв во имя осуществления прекрасного идеала в творчестве.

Тициан так же величественно возносился над уровнем всего, что составляло самую почетную великую ценность достижений человечества в поколениях и веках. Хотя я тогда еще не видел оригиналов этого художника, но его

слава сильнейшего живописца гипнотизировала свежую впечатлительность начинающего ученика. Эпоха итальянского Ренессанса считалась поистине Ренессансом, в котором это искусство среди всех искусств, предшествовавших ему, поднялось на самые недостижимые вершины совершенства. Его принципы были бессмертны, и поэтому я запомнил всю плеяду больших мастеров, созданных его временем.

Все остальные изучения, помимо воспитательных основ культуры XV и XVI столетий, были второстепенны. Может быть, и вернее было бы сказать, что за тот небольшой срок, который я пробыл под руководством моего любимого учителя Чижского, дальше продвинуться не мог — в силу обстоятельств, прервавших наши занятия. Этим кругом строго ограничивается моя благодарная память к нему. От него первого я усвоил дух Ренессанса и, впоследствии имея возможность проверить и углубить эти знания, соприкасаясь с оригиналами, открыл в себе чувства, возникшие вначале благодаря вмешательству его серьезной и очень одаренной педагогической натуры.

Крестьянин с коровами. (Фрагмент.) 1937 год.

Все же как бы принципы искусства Рафаэля, Джорджоне, Караваджо, Тинторетто и других ни были всеобъемлющи, от раннего Ренессанса до барокко — это было искусство, принадлежащее истории. На искусстве флорентийцев и венецианцев можно было учиться как вообще на всяком оригинальном искусстве, но каждый познающий его подвержен самому активному плодотворному влиянию и требованию — течению толчка своего времени. В этом заключается истинное, связанное со всем и свободное от всего искусство.

Когда я впервые приехал в Москву, то уже был полон дерзаний, возникших в Киеве. Со всех многочисленных сторон на меня налетали новые идеи и реальные произведения. Формально я приехал учиться — поступать в высшую художественную школу. Но эта цель оказалась в порядке внешнем, уступая целесообразности кипевших внутренних сил под впечатлением всей роскоши и процветания интеллектуальных творческих сил древней столицы. Мой гордый и неопытный дух вступал в полосу испытаний, из которых пока что удалась сама по себе одна мечта. Она горела так же ярко, как горит утренняя звезда перед восходом солнца, прежде чем ее свет будет помрачен палящими обстоятельствами величин совсем другого свойства и порядка. Началась жестокая борьба. Во всех интересовавших факторах общественной жизни и среди всех течений современного искусства мне нужно было определиться — взять направление.

В Москве в то время находилось до пяти обществ художников, искусство которых более или менее могло считаться современным и, конечно, русским. Но в какой степени оно было русским, насколько выражало чисто национальные идеи и качественные совершенства мастерства? Известно, что в развитии его силы и определении ценностей оно было подзавистным веянием, приходящим из Западной Европы. И главным образом самодовлеющим был Париж, как Солнечная система, в которой искусство вертелось, отражая революционные идеи международного города. Эти фразы относятся к одним лишь чистым западникам, воспринявшим французское искусство. В данном месте я воздерживаюсь от более раннего хронологического анализа — связи русского искусства с французским. Пропущу и барбизонцев — исследование их влияния отвлекло бы меня в сторону. Я лишь в некоторой доле был участником использования импрессионизма. И хотя импрессионизм зародился до моего появления на свет, но своего апогея достиг при моей жизни, и, на его закате пользуясь им, как академизмом, я рассматривал себя новатором по той причине, что это происходило со мной в необыкновенных условиях и поэтому надо было действительно обладать решимостью. Ведь обыватель провинции, как бы ни был образован, крайне недоверчив ко всему, нарушающему границы его знаний, приобретенных с книжной полки. Импрессионизм переворачивал установившиеся восприятия механизированного зрителя в его отсталых вкусах — ограниченной осведомленности и понимании.

В Москве, как и во всех городах тогдашней России, импрессионистов было много. Даже старики академики, особенно те, кто был даровит более других, старались сообразоваться с новаторским течением, разрушавшим выжившие формы. Свет и цвет — основа импрессионизма. С молодым упорством приверженцев они заняли место на полотнах и в быту. В России чистый импрессионизм не мог подняться до классических ценностей уже потому, что его родина была Франция, там развивалась его героическая борьба, там он сложился и закончился, а здесь отбросил лишь тень. Его значение было подражательным, несомненно на то, что через него прошли живописцы большого темперамента. Эта живопись не отвечала более самым волнующим вопросам неустойчивого движения общественной мысли.

В Париже пробивал себе дорогу кубизм, а в Италии — футуризм. Кому же в России подхватить эти течения, как не революционно настроенной молодежи?! Только на нее могли положиться и быть признанными доктрины, направленные к героическим поискам. Писатель и оратор Маринетти шумел в прессе. Футуризм через искусство собирался перестроить мир на новых началах. Итальянские молодые живописцы так же, как писатели и поэты, представлявшие это течение, создавали язык и формы динамизма. Современная скорость, осязаемая в материальных формах — в лабораториях, на заводах, на улицах, — должна получить новый пластический стиль.

Наряду с футуризмом в интеллектуальную работу все глубже проникал кубизм. Пользуясь кубистическими способами, новаторы не церемонились тем, что еще вчера было на первом месте. Умственным напряжением сил весь комплекс чувственности возбуждаемой природы вступал в формальный анализ. Становилось занимательным создавать из элементов природы геометрическую схему форм, разложив трехмерную форму в пластический, живописный организм, в котором вместо традиционного образа блистала бы абстракция.

Идеология кубизма и футуризма скандализовала публику. И даже часть общества, располосенная и поддерживающая признаки нового, оказалась упрямой, консервативной перед этим нашествием. Новое искусство принялось чистить, разрушать и понемногу создавать, выравнивая результаты своей творческой логики. Но сначала маленькой горстью людей, которым суждено стать вождями и победителями в будущем.

Насаждая крайние течения Запада где и как только было можно, в русской культуре созревало свое слово. Если стать на такую точку зрения, дух искусства сглаживает все национальные границы ввиду его интернационального закона, к которому коллективно пока что приспособиться трудно. Данное течение явилось результатом состояния цивилизации, одинаково приятной одной и другой сторонам. Следовательно, оно составляет общее поле, на котором во имя одной цели борются различные стороны. И русские художники вложили в это течение пафос, создавая размеры и оформление охвата. Они постарались придать ему структуру, выполняющую роль глубокого сдвига воспитательно-конструктивного.

Коллекционеры — люди большого практического понимания и смелого вкуса — Щукин и Морозов отыскивали такие произведения, в которых поражал несомненный талант, и приобретали их. Благодаря современному пониманию их авторитет, основанный на имущественном превосходстве, заставлял считаться с их деятельностью. Западное искусство, и в частности ряд имен, представлявших его, получили возможность сбывать свои работы в руки, обеспечивающие им хорошую рекламу, развивающуюся дальше в желательном направлении. Для появления новых оригинальных картин это был опасный период препятствий, которые были преодолены совместно с художниками дружественной критикой и влиятельными любителями.

Я внимательно следил, легко впитывал идеологию новых течений и горячо присоединялся к тем, кто брал на себя тяжесть борьбы. Но так же решительно действовать, как и они, мне не представился повод. От активной новаторской деятельности меня отклонила недостаточная усвоенность Москвы, затем ложное представление о высшей художественной школе, куда в целях получения образования нужно было поступить. И главное, может быть, невозможность достать средства, чтобы быть свободным в занятиях и творчестве. Последнее обстоятельство отвлекало от постоянного контакта.

В первое время моего пребывания в Москве я мог немного позволить себе занятия музейным изучением. Одна

Третьяковская галерея, казалось, могла составить и заменить мне всю Москву. Моя любознательность к знаменитой картинной галерее была пламенной интриговала мое воображение снимками своих картин, я горячо надеялся увидеть наконец это богатство своими ненасытными глазами. Третьяковская галерея! При одном ее имени, казалось, весь мир дрожит от радости восхищения.

Хотя футуризм и кубизм возбудили восторг и воинственную наступательность ударов их кистей я признавал прекрасными, весь интерес, накопленный к ней, во мне еще не разрядился. Ведь, войдя в ее стены, мне надлежало вернуться к таившимся чувствам и дать им исход, воспринимая ряд картин, более не интересующих мой теперешний критически настроенный разум. Ввиду этого мне по возможности надлежало быть искренним. Надлежало опасаться собственного заблуждения для установления объективности. Следовательно, нужно было избрать способ, может быть, историка, временно отбрасывая в сторону всю страстность к волнующим меня идеям искусства немужейного характера. С ними совсем не следовало входить в это собрание или, знакомясь, оставаться осторожным, благоразумным. И я старался отбросить всякое легкомыслие, могущее незаметно вкратце в оценку авторитетов.

Робко я переступил порог Третьяковской галереи. Медленно пошел по залам, захваченный все новым материалом, не виданным мною даже по снимкам. Проверял старые впечатления, сложившиеся от репродукций, фотографий с этих картин. Новые впечатления с незамедляющей силой находили на меня. Никогда еще я не видел такого множества картин! И те мои излюбленные старые знакомые выглядели здесь сами по себе и в связи с обстановкой совершенно другими, выросшими в моем непосредственном представлении. И чем дальше — казалось, залы подламывались от разнообразной сущности, заключенной в картинах.

Поднимаясь по лестнице, я неожиданно встретил одного новоприсобренного товарища. Он сказал мне:

— Сейчас в галерее находится Суриков!

— Как! — воскликнул я. — Наш знаменитый Суриков?

Товарищ схватил меня за руку, и мы понеслись в соседнюю залу. Суриков был тогда уже в годах — вероятно, ему было уже за шестьдесят лет. Внимательно всмотревшись в него, я с первого раза почувствовал исходившую от него внутреннюю силу и человечность всей его натуры. Как художник он говорил авторитетно, с душой и очень умным, проникновенным взглядом. Он находился в окружении нескольких лиц, внимательно вслушивающихся в его высказывания. Смотрели картины Верещагина: «Перед атакой» и «Перевязочный пункт». Как я заметил, Суриков, легко возбуждавшийся перед картинами, нравящимися ему, на этот раз был совершенно спокоен. Холодно и равнодушно он нехотя посмотрел на произведение, затем повернулся к ним спиной и, глядя на своих спутников, произнес:

— Эти картины поучительны, но искусство здесь и не ночевало.

Причем слова: «Искусство здесь и не ночевало» — вышли энергично, с оттенком брезгливости. Такое отношение Сурикова меня не удивило, а бросило ценный штрих на его индивидуальность за произнесенную фразу. Перед картинами Ге он стоял молча и прошел, ничего не сказав. Зато до какой степени он ожил перед полотнами Иванова.

— Это Иванов! Написавший в Италии в течение стольких лет «Явление Христа народу».

Суриков превозносил этого мастера, а мы, поддаваясь влиянию раздражившегося в нем внутреннего огня, зачарованно слушали и смотрели на обнаженные тела — эскизы к знаменитой картине. Суриков качал головой, как мудрец, познавший жизнь и отличающий цену преходящим и неизменным вещам. Но вот

среди цикла полотен, написанных Ивановым в Италии, у окна с ровным светом висит пейзаж.

— Видите, маленькая веточка. — Суриков прильнул к ней лицом и, прежде чем закончить начатую фразу, сам долго не мог налюбоваться письмом руки Иванова. В созерцании произведения он становится точно в то самое место и заряжается силой тех чувств, которые были испытаны когда-то великим Ивановым.

— Да, — продолжает Суриков, — какая веточка! Одна маленькая висит в воздухе на фоне чистого голубого неба, внизу под ней пространство зеленых равнин с холмистыми и сверкающими точками далеких жилищ. Видите, чего еще ей недостает? В ней есть все. В эти листочки, жилки веточек, в свет и тень, в ее нежный и чистый цвет вложен весь мир. Это так просто и так совершенно. Нельзя наглядеться, до чего же много в нее вложено чистого искусства.

Последняя его фраза сосредоточена была на том, что превыше всего для художника: «Создание искусства от чистого искусства».

Суриков направился к выходу. Знает, все наиболее интересное для него он видел до моего прихода. Жаль, что не пришлось увидеть его в зале, составленной из суриковских картин. Какими глазами он смотрел бы на свое детище «Боярыня Морозова»? Опустил бы перед великой картиной глаза или неудовлетворенный пламень вспыхнул бы в его могучей натуре, и ему показалось бы, что он еще недостаточно вложил огня, страсти в центральную героиню картины и в эти раздвинутые по сторонам русско-азиатские типы? Суриков могучее мастерство, пропитанное соками дуба и палящими цветами, снежным блеском серой и серебристой гаммы тонов, тонкой и голубой атмосферой севера. Суриков во Франции стал бы в ряду первоклассных мастеров: по правую сторону от него был бы Курбе, по левую — Сезанн.

Счастье, получаемое от глубокого наслаждения через созерцание большого произведения, еще полнее, когда при этом можно хоть один раз видеть и его творца. Видеть Сурикова у его произведений мне не удалось, но я был доволен уже тем, что видел, как он воспринимал Иванова. Я был очевидцем, когда Суриков воздавал должное тому, кем гордится русская история искусства. Дрожая от восторга перед живописью Иванова, Суриков сам как зритель и живописец открыл до такого уровня жизненно быющие в нем ключи, которые позволили и ему стать выше других в истории. Встреча Сурикова и его восприятие полотен Иванова захватили меня как самое большое происшествие в моей жизни. Запечатленные, они оба продолжали следовать со мной по остальным залам Третьяковской галереи.

С подобающим уважением я рассматривал тонкие, благородные черты и самого Третьякова — собирателя галереи. Портрет, написанный Репиным, несомненно, передавал сходство человека, сыгравшего самую выдающуюся роль в мире изобразительного искусства.

Для меня как начинающего художника Третьяковская галерея представляла необыкновенный интерес. Подумать только — хранилище русского мастерства! Над ним билось несколько поколений художественных сил. И в каких условиях это все было создано, кто может себе представить? Еще не имея опыта, чтобы понять, знать, чего все это стоит — какого напряжения, сколько душевных сил тратится на каждую из этих картин, я подходил к каждой из них и смотрел, как написано. С какой искренностью, с какими пережитыми испытаниями, перешедшими через огненный пыл, положен каждый мазок. Я внимательно смотрел, видел большие и маленькие картины, где с первого взгляда обнаруживалась особая, настойчивая, вдохновенная личность мастера. Другое большинство полотен было написано очень старательно, от

них вяло холодно. Сухие картины, со- держащие культуру ремесла, но без культуры индивидуальной.

Я обошел всю галерею. От многих картин испытал удовольствие. Впечатление от виденного повышало чувства к самой природе. Всмотриваясь в работу, как в достигнутое общее художественное выражение, так и в техническое ее совершенство, мысленно я ставил себя на место исполнителя произведения. Мне хотелось охватить и уяснить себе всю разнообразность впечатления. В хранилищах истории достаточно собрано произведений искусства — из него, как из источника жизни, можно черпать содержание и формы. Изъять из веков произведение и направить его на действие лучше. Оно вновь оплодотворит разум, сумевший войти с ним в соприкосновение и взять возможное и необходимое. Так поступали ложные классики, но к предкам искусства взоры направляли и те, кто был способен, опираясь на них, сделаться выявителем и стили своего времени.

«Мудрено сделаться художником», — думал я, стараясь из последних сил всмотреться и запомнить побольше. Но, любящая также и рисунками, исполненными на бумаге, во мне прорывался критицизм. Может быть, от крайнего воодушевления. От поражающей свежести впечатления запутался рассудок, сквозь который выступала интуиция — стихийный порыв переживания. Я поддался охватившему меня волнению.

С этим состоянием и возвращался к выходу из галереи, не предполагая, как вне ее стен в моем кругозоре постепенно многое должно измениться. И несомненно, мои ближайшие практические цели не изменятся, а получат новый натиск и другое освещение. Что и говорить, заряд, полученный от соприкосновения с произведениями в Третьяковской галерее, еще резче и повелительнее хлопотал во мне. Оставалось только применить его в действительности.

Ясно было, в чем вопрос, оставалось действовать и ждать, переносить очень терпеливо всякие отклонения на этом прямом и честном пути.

У выхода в предпоследней зале находились рисунки Врубеля и предсмертный портрет Серова, набросанный углем с Орловой. Перед первым и вторым некоторое время преклонялась русская школьная молодежь. Я тоже отдал им дань увлечения, в особенности Врубелю, когда увидел его роспись в Кирилловской церкви в Киеве. И еще Левитан, меланхоличный певец русского пейзажа, с вышеупомянутыми двумя мастерами являлся заключительным аккордом одного периодического состояния культуры национального искусства. Затем еще рядом одна и последняя зала Третьяковской галереи у самого выхода. Здесь собраны картины современных иностранных мастеров. Между ними находился Гоген. Еще до посещения этой галереи я много слышал и читал о нем критические статьи. Имя и творчество французского мастера были окружены соблазнительным ореолом далекого острова Таити. Его экзотические сюжеты интриговали этнографически и поражали живописно-декоративной пышностью. Из-под его кисти как будто в глаза брызгали яркие цвета девственной природы, для которой он отрекся от Парижа. Коричневые, красные, желтые и зеленые цвета с первого впечатления путали логику чувства красоты. Но когда смущение от полученного впечатления укладывалось, то на видимом горизонте появлялось что-то новое. За кажущейся примитивной массой определялась сущность, простота, легкость и простор.

Через несколько минут я покинул здание с фасадом в русском стиле. Проходя по набережной реки Москвы у стен самого Кремля, я все еще не мог освободиться от навязчивых мыслей. Ведь сейчас виденные мной ценности — установившиеся, они составляют значение музейное. И все же, надо признать, их писали люди, давно ушедшие с лица земли. Может статься, в друзьях еще жива память о них, но все равно

они подлежат отходу на задний план. Великий Иванов, восхищавший Сурикова, — устарел? А Рембрандт тоже? Конечно, несмотря на наличие великого мастерства, — да, они устарели. Потому что они не выражают того соединения свойств, присущих числам нашего времени и материалу. Как бы ни были человечны в неотъемлемом, постоянном и единичном.

По идеологии футуризма и кубизма, мне казалось, им нет особенного места там, где слышен шум мотора или канонады артиллерии. Революционер искусства должен все знать, быть абсолютно свободным для создания форм, соответствующих скорости его времени. При этом оглядываться назад на музейные авторитеты незачем. Разве недостаточно в черепной коробке действует универсальный аппарат — мозг? Разве по энергии нашей воли мы не можем переделывать не только искусство, но и развить совершенно новый вкус и логику

законов эстетики во всех отраслях быта? Действующие динамические принципы нашей культуры — вот элементы наших картин. А самая совершеннейшая модель — это гениально организованный город. Обязанность и задача искусства: суметь показать характер связи между природой человека и развитием материальных форм. Для настоящего и будущего в цивилизации XX века наступила эра полного отрицания. В природе отказа возникла смелость заполнить мир внутренним и реальным пространственно-объемными размерами и самым высшим напряжением. Действующая скорость — вот основа для глазомера. Глазомер схватывает пропорции и претворяет в динамически построенную картину. Она должна быть написана технически и в цвете, передающем новое представление о вещах. Она должна сама отсвечивать атмосферой, породившей массу, тяжесть, полет, сдвиг и взрыв.

Перед лицом художественных идей начала XX века мои впечатления о Третьяковской галерее поблекли. Воображение томилось от порыва, увлекавшего меня в крайность. Мне казалось, там, в чистом пространстве, где нет почитаемых развалин прошлого, я мог бы дышать воздухом свободы. А чтобы выйти победителем, разве этому не залог — молодость? Не залог — коллективный дух молодых, сильных, талантливых людей, влекущих нас всех вместе в самые центральные места, движущие современность? О, в том потоке моего увлечения отвлеченным воображением Третьяковская галерея не могла ответить мне на самые острые, волнующие мысли! Казалось, там все стояло — хранилось, как в музее. Покрывалось пылью, забывается, было в стороне от битвы в крови времени...

Публикация
Татьяны РЕДЬКО.

Киево-Печерская лавра. 1914 год.

Вместо послесловия

Страницы документальной автобиографической повести «Зрочки Солнца. Искусство и Красное Знамя» художника Климента Николаевича Редько охватывают период двадцатых годов нашего столетия. Двадцатые годы — период, когда строится пролетарское государство, складываются новые взаимоотношения людей, идет поиск форм управления. И форм пролетарского искусства.

В своем стремлении создать новое, истинно революционное, не похожее ни на какое другое искусство для народа многие художники прихотили к крайнему убеждению: оно, мол, не может опираться на прошлые достижения.

Поскольку менялось содержание искусства, искали и новую форму, которая с наибольшей силой выразила бы дух времени. Воинственные призывы к разрушению традиций провозглашали в тот период даже такие крупные мастера, как Владимир Маяковский. Именно ему принадле-

жит крылатая фраза: «Сбросим классиков с корабля современности», подхваченная как знамя представителями различных направлений — футуризма, абстракционизма, кубизма.

Появление различных школ, направлений, течений было неизбежным, ведь впереди стояла одна цель — построение нового мира. Однако от заблуждения, что, строя новое, непременно нужно разрушать старое, не всем и не сразу удавалось избавиться. Именно этим объясняется субъективность — в духе времени — оценок, которые мы встречаем у Редько. Современный читатель не может согласиться с отношением художника, например, к Третьяковской галерее. Но любопытно, что и у него, тогда совсем молодого человека, это отношение уже неоднозначное. Сам дух повести, ощущения художника двадцатых годов, художника, чье искусство еще не вполне изучено историками и искусствоведами, представляют несомненную ценность.

Климент Николаевич Редько родился в 1897 году. Будучи сиротой, он в 1910 году поступил в иконописную мастерскую Киево-Печерской лавры, где учился живописи четыре года. Первым его учителем был А. Е. Чижский. В 1914 году Редько приезжает в Петроград и поступает в школу поощрения художеств, где продолжает занятия живописью под руководством двух замечательных, тогда еще очень молодых художников — Рериха и Рылова. В 1918 году Редько возвращается на Украину, где работает в жанре военно-агитационного плаката. А. В. Луначарский, оценив талант молодого художника, направляет его в Москву на учебу во ВХУТЕМАС. По окончании учебы его командировали во Францию, где в Париже он неоднократно выставляется. В 1935 году он возвращается в Москву. В годы войны Редько пишет цикл картин «Герои Отечественной войны», за который получил правительственную награду. Пробыл Редько недолго, до 1956 года. Работы его хранятся в различных музеях мира.

НЕ СТРЕЛЯТЬ!

Сергей ИВАНОВ

Неизвестно почему ей припомнилась давняя поездка в Петухи — деревню.

Был декабрь. Они приехали с отцом на санях — погода стояла нехолодная. Вошли в избу к дяде Леше, тоже леснику, отцову вроде подчиненному... Было надымлено, и как-то пахло нехорошо. На столе стояли пустая водочная бутылка, миска недохлебанных щей. Сам дядя Леша лежал на кровати. И отец — такой энергичный тогда — сразу распахнул дверь: «Угарно тут! Окно раствори!» Люба попробовала открыть окно...

А! Вот оно! Окно не открывалось! Люба вынула внутреннюю раму. А во второй нет ни шпингалетов, ни форточки. И сама она была прибита прямо к стенам и подоконнику...

Прибита! Так и у этого Ковалева может быть... Маленькие деревенские окошки...

Она прошлась по комнате... Почувствовала ложность и «киношность» этого движения. Действительно: неужели мы себя и вести уже не умеем иначе, чем телевизионные герои?!

И вдруг забыла додумать эту мысль. Вспомнила совсем другое... Если так можно выразиться, она «вспомнила мальчишку, который мог бы залезть» к этому Ковалеву.

Она видела его недавно. Тоже, может быть, дней десять назад. На станции. Он пьяный был! И Люба, конечно, сразу его заметила: такой щупловатый, проныривый какой-то. А по глазам все же лет двенадцать, не меньше.

Люба к нему на лавочку подседа — она в штатском была, и парнишка этот глядел на нее почти свысока. Достал пачку «Столичных», закурил... Это бывает у некоторых подростков с комплексами — курить на глазах у взрослых. И он, стало быть, курил. Еще неумело. Но пачки две-три уже на тренировку испортил... Из полиэтиленовой сумки торчала головка коньячной бутылки и просвечивали шоколадные конфеты.

— Угостить? — спросил мальчишка, когда заметил, что Люба смотрит ему в сумку. — Могу угостить. Только не знаю, чем.

— Ты откуда это все взял?

— Тебе какое дело?.. Украл!

— Я из милиции, так что давай-ка не болтать.

Он сразу бросил сигарету и хотел встать. Но Люба удержала его, взявшись за сумку. Мальчишка не вырывался, он сразу сел, завороченно глядя на Любу... Может, метод оценки не абсолютно точен, а все же совсем невинный так смотреть не будет. Правда, это уж теперь Любе в голову пришло. А тогда не приходило! Тогда она слушала историю про мопед, который он «толкнул» за сорок рублей...

— А коньяк зачем?

— Отцу...

В принципе может быть... Конечно, той бы продавщице голову снять! Да разве всем продавщицам, которые ребятам спиртное отпускают, голову снимешь!

— Смотри, парень! Ты у нас уже фигурировал в делах... Хочешь поближе познакомиться? Я могу устроить!

Это был всего лишь прием. Люба его, конечно, не знала, этого парнишку. Ответил он неожиданно:

— А я и хочу познакомиться. Только не так!

— Правильно, что не так... А как же?

— Думаю, может, еще пойду по милицейской линии... — Помолчал немного и добавил: — В смысле следствия проводить!

Люба взяла Сережин блокнот... Что-то здесь имелось из этой области... А, вот!

Бочкин его назвал «проньера»... Дальше он сказал: «Кошка, которая ходит сама по себе...» Зовут Солдат-Юдин. Подслушивает, подсматривает. Торговец тайнами.

Подсматривать и следствие вести — у ребят это часто сливается. «Проньера»... Мог и в окошко «пронирнуть»... А деньги за мопед — это же очень легко проверить... Если, конечно, на станции и у Бочкина — это один и тот же мальчишка.

Вот так, голубка. Не надо было пижонить, а надо было нормально узнать фамилию. Хотя он вполне свободно мог бы и наврать...

Рисунки Виталины Федоровой

Есть люди, которые знают, чего хотят. А есть, которые об этом представления не имеют... так называемые «чехлы»!

Алена Леонова вроде бы знала, чего она хочет. Но когда внимательней приглядывалась к себе, то замечала, что просто плывет куда-то. Из седьмого класса в восьмой, из восьмого — подсуетилась! — в девятый. А на кой это все?... Теперь и девятый отучилась. Но опять же каковы ваши основные движущие цели? Куда и зачем вы двигаетесь?

А то вдруг находило на нее несусветное веселье: мол, пошли они куда подальше, эти пудовые размышления... Школу окончу, замуж выскочу... И опять ей нравилось жить как живется. И нравилась та, что серьезным и чуть надменным взглядом смотрела на нее из зеркальных глубин.

Крамского «Незнакомка» теперь почти забытая картина, а Алена однажды увидела репродукцию: «Ух ты!» И взяла этот взгляд себе. Только в более современном исполнении.

Итак, она останавливалась перед зеркалом. Требовательно (но с любовью) смотрела на себя. Благо дача пуста все дневные часы. Тогда рождалось что-нибудь новенькое. Например, влюбить Славку... Влюбить? Запросто! Легко, точно, аккуратно, одним ударом. Дальше — проверить его. Как? Устроить драку... Тут появляется Демин. Задача — держать на привязи. Но и на дистанции! Полная удача.

Только зачем ей все это?... Может, родители по-человечески жить не научили?

Родители у Алены — так называемые «престижные люди». А поэтому что они должны читать? Обязательно «Иностранную литературу». Курить? «Мальборо». Отношения какие должны быть дома? Есть и для этого «джентльменский наборчик»: отношения должны быть красивые, с юмором, спортивные, молодые! Старыми быть неприлично — это какой-то там дико умный профессор психиатрии из Пенсильванского университета сказал.

На завтрак, естественно, кофе, тост, лепесток финского сервелата. Если съесть по лепестку, то в холодильнике можно иметь любой дефицит.

К кому-то приходит в гости обижаться, а к кому-то на коктейль, бутылка водки, банка вишневого компота, один лимон, сто граммов варенья, двести граммов сахара, два литра воды... Привет! Все довольны, все общаются. Хочешь — сиди на диване, хочешь — сиди на ковре.

Алене многие завидовали в классе — такие родители! Но она-то знала, что родители ничем, кроме себя, кроме своего «престижа», не интересуются...

Говорят Алене: «Расти самостоятельной!» Ну, понятно, она думала, чтобы поменьше на меня сил тратить и внимания обращать.

А все же ей такая жизнь в их семье нравилась: пусть и холодновато, а зато свободно, современно...

Да, нравилась, пока не приехал к ним... сибирский дядюшка.

— Егор Иванович Леонов-то здесь живет? — Он был в нормальном мешковатом костюме, небритый с дороги, в руке чемодан.

Само собой, отца Аленыного отродясь Егором не звали. В худшем случае Георгием. Но в основном использовались разные иностранные модификации.

Была суббота. Отец вместе с телевизионными дивами делал аэробику. Он был соответственно в шортиках с разрезами, в майке с англо-американской надписью, удостоверяющей, что «перед вами чемпион». А там и мамуля подплыла — тоже в соответствующем наряде. «Их гибкие юные тела...» и так далее.

Потом сели завтракать. По случаю гостя, кроме сервелата, была выдана красная икра на подогретом хлебе. Но пока на полустаринной спиртовке закипал кофеиник, гость нечаянно съел все сервелатные лепесточки... Про красную икру он догадывался, что нельзя, а сервелат смахнул — никто слова сказать не успел!

Но поскольку он был старший брат и вообще гость, заграничная колбаса мгновенно возобновилась. Однако и новая порция оказалась смехотворно мала по сравнению с дядюшкиными аппетитами. И все же самое интересное оказалось впереди.

За разговором он достал из чемодана бутылку, на которой синими буквами было написано: «Спирт питьевой». Они шаркнули с отцом больше половины этой бутылки, и отец стал таким веселым, что... В общем, Алена и не подозревала о существовании в его душе подобных эмоций. А дядя, который как будто бы и не пил ничего, улыбался и говорил:

— Вот так-то лучше, Егорушка!

Потом он сказал, что соснул бы после самолета. Ополоснул и залег спать.

— Дз, тебе бы тоже лучше отдохнуть, — сказала мама... В соответствии с новомодной шутливостью они называли друг друга только первыми буквами имени: Дз — значит Джордж — и Ти — Тина — собственно, Тамара Михайловна.

Дядя встал четко к обеду. Выпил чашку сырного супу с гречками, съел полторы нормы битков «-ля Сэлнджер», премного поблагодарил... Алену все это уже начинало не на шутку веселить... Тут ничего плохого не было: ведь у них приветствовались хохмочки, подсмеивания и всевозможные розыгрыши.

Дядя, словно заметив в Алене единомышленницу, попросил ее «показать окрестности», магазины то есть... Однако оказалось, его интересовал не универсам, а универсам!

Они вернулись с полной сумкой еды, и дядя объявил, что хочет приготовить ужин...

— Вы хотите угостить нас сибирским кушаньем? — спросила Ти.

— Во-во-во! — подмигнул Алене. — Картошку чистить умеешь?

«Сибирским кушаньем» оказался гуляш, тушенный в сметане, и жареная картошка.

— А не тяжело на ночь? — осторожно осведомилась Ти. Отец помалкивал.

— А мы это дело облегчим! — сказал дядя, ставя на стол бутылку коньяку... Его вроде можно было бы посчитать за пьяницу. Но он таковым абсолютно не был.

Он сам и раскладывал... наваливал! Мать сказала: — Алене столько нельзя! Не надо...

Он ответил:

— Душа — мера! — подмигнул Алене. — Проголодались? Так и ешь!

Беседа за столом двигалась оживленно. Мать с отцом это умели прекрасно.

Наконец дядя, опустошив свою тарелку и глядя на то, как мать с отцом едят, сдерживая аппетит, сказал:

— Ненатурально это все. Зря!

— Что ненатурально? — удивилась мать.

— Дай-ка мне кусок колбасы твоей!

И, ко всеобщему изумлению, бросил листик заграничного сервелата на сковороду.

— А мы сгоняем еще по рюмочке... вон, за Аленку... пока суд да дело... — Потом он снял сковороду с огня. — Ну и где колбаса?

На сковороде было что-то желтоватое и пенистое. Мать и отец переглянулись.

— Но... это все в заказе по линии «Внешпосылторга»! — сказала мама.

Дядя кивнул ей, что, мол, понимаю вас и одобряю. А потом, повернувшись к отцу, сказал:

— Зря вы так живете, Егор!

— Да почему? — Отец улыбнулся. — Кому как нравится. Сам же говоришь: душа — мера!

— Разве вам нравится?

— Ну знаешь, Коля, «нравится», «не нравится» — категории во многом относительные. Держать стиль... конечно, это нелегко!

— Не понимаю я! — Дядя покачал головой.

— Если не понимаете — сказала мать, — ведь это еще не значит, что оно плохое!

— Да растолкуйте Христа ради, к чему она, заграничность ваша?

— «Заграничность»? Это еще можно поспорить. — Отец улыбнулся. — Теперь пол-России так живет!

Вернее всего, дядя не нашелся что ответить. Он встал, вылил из сковородки то, что осталось после его эксперимента, в уборную. С заметной притворностью всплеснул руками:

— Эх! Надо было подождать. Может, оно бы опять в колбасу превратилось...

В этот момент Алена неприлично и громко — и предательски по отношению к родителям — расхохоталась.

Затем она, не расставаясь, провела с дядей два дня. Школу прогуливала! Он сам на это смотрел, так сказать, философски:

— Гость приехал — чего ж поделаешь!

Через два дня Алена уяснила, что и дядя — это не то. Не подходит ей как заместитель родительской жизни. Слишком соблюдает свою простоту, Алена все хотела с ним завести разговор про Собакевича, который дяде годился бы разве в младшие подчиненные.

Но так ничего и не сказала, а только объявила ему вдруг, что прогуливать больше не имеет возможности. И дядя уехал.

Но Алена уж не смогла жить родительской игрушечной жизнью. Вернее, опять волнами: то вроде интеллигентный способ существования, а то вдруг: «Да ненатурально это все!» (естественно, в более суровых терминах).

Дз усмехнется на ее рык:

— Ну вот, думали, едем в Монте-Карло, а попали в Мытищи!

— А потому что билеты надо брать не за двадцать копеек! — усмехнется в ответ Алена.

Наконец и ей вроде нашлось «занятие по душе». Она стала ненавидеть этих — у которых всегда было то, чего у других не было.

«Имельцы» четко держались своей компанией. Только раньше незаметно было. А в восьмом-девятом такой даже парочка появилась, чтобы «им» определять «своих»: «У Машки Селезневой будешь?»

Алена, если говорить честно, тоже попыталась к ним присоседиться. А ее в подчищали... Да и не к Селезневой, а к другим королевам, второго и третьего сорта.

А потому что ты чем еще можешь быть полезна? У тебя билеты в ЦДРИ водятся? Или ты можешь пойти ни с того ни с сего купить для разговора три бутылки сухого? Или у тебя тетя работает в гостинице «Россия», где иностранцы забывают разные фирменные

пакеты, брелоки в виде машинок, клевые зажигалки или уж хотя бы жвачку? Или ты ходишь вся в «березовской» фирме, что с тобой приятно побыть где-нибудь в людном месте?

У тебя же этого ничего нет, Алена. А твоё остроумие, оно вообще-то на фиг не нужно.

Это все она сама поняла... так, примерно с третьего захода.

Окончательно она отпала как ценная личность, когда решила их убить своим знанием истины, когда пыталась объяснить им про «натуральное» и «ненатуральное». Принялась толковать про опыт с поджариванием иностранной сервелатной колбасы. Ее выслушали... Не из любопытства, не из приличия, а так, дескать: пока баба треплется, можно подремать. Или что-то в этом роде.

Потом на нее подняли глаза:

— А зачем ее жарить, детка? Этот кайф нежареным хавают.

Вот так. Их устраивала «ненатуральность». И этой колбасы, и их собственных отношений... Раньше любили такое выражение употребить: мол, с тобой я в разведку не пойду, а с тобой пойду... «Имельцы» никого так проверять не собирались. Их устраивали ихние «полихлорвиниловые» дружба и любовь. Они, кстати, вообще в разведку не собирались!

А сказать, почему они учились в этой простой, нематематической, неанглийской, небиологической школе? Потому что в тех «колледжах» пахать надо. А в простой школе — живи, как веселее... А время придет — устроят!

Теперь, правда, после школы всех в армию берут. Но это для них тоже вещь оказалась преодолимая! Еще когда Алена ходила к ним на поклон, при ней говорили о каком-то Витечке: он как раз «загребел в солдаты». Ему родственники скинулись — дали в дорогу семьсот рублей. А он их там то ли потерял, то ли проиграл... Написал, конечно, что украли! «Ну и чего?» — кто-то там смеется. «Ну и ничего. Приказал, чтобы свежих прислали».

И Алена им решила мстить!

Справедливость — это ясно! — была на ее стороне. Если б даже ее кто-нибудь поймал, когда, например, она шапку ту норковую забрасывала в кузов грузовика, она бы ответила: «Я что, себе ее беру? Я ее выбросила!» И Алену поняли бы: все-таки не в Америке живем, где за эту поганую частную собственность засадят — не пикнешь... Так она считала. Так она и действовала.

Но с появлением револьвера Алена чувствовала, что начинается «пербор»: она превышает то, что ей могли бы простить... Эту «благую мысль» подал ей Демин. Да, смелый Демин! Сообщил, что с пистолетом надо завязывать, что уже продумал, как его уничтожить... Продумал он!

— Значит, испугался, смельчак? — спокойно поинтересовалась Алена.

— Да, испугался. А ты думала, я испугаюсь сказать, что я испугался.

Хорошо. Выходит, пусть «маши селезневые» продолжают халопничать?.. Извините!

Тем более Солдат-Юдин принес в принципе очень спокойную информацию: Хмырь этот, который выследил Славку, сидел круглый день за маленьким столиком под яблоней и что-то строчил... Тут Юдин с особой гордостью вынул обрывок страницы, на котором корявым и в то же время понятным почерком было написано: «...связи с этим задача их изучения состоит не в том, чтобы ограничиться распределением соответствующих синтаксических явлений по классификационным схемам, а в том, чтобы путем анализа данных...»

Текст показался Алене удивительно каким-то нестрашным, заумным, доходящим. Было вообще непонятно, кого может интересовать подобная чушь. Вдобавок Солдат сказал, что тот перед маленькой дочерью пляшет, что его жена пилит, как будто он какой-нибудь алкаш.

— Ну, видал ты, Демин, чтобы такие приносили вред?

— Я много чего видал! — ответил Демин. — Зачем нам этот пистоль? У меня лично и кулаки отлично работают.

— У тебя голова «неотлично» работает! — Она подождала, посмеет ли Демин что-нибудь произнести. Не посмеет. — Ну так вот. Сообщи своему другу Славку, что я вас жду завтра утром, к десяти. С пистолетом. — И она захлопнула калитку.

Теперь, вспоминая это все, она лежала в постели и слушала, как за стеной родители «ловят» какого-то занудного философа сквозь шум и треск радиопомех... Это делалось тоже не просто так. Родители объясняли какому-то там гостю: «Мы теперь стали любить звук мессы. Понимаете? Не смысл произносятся, а самый звук. И потом орган... Замечательно! По «Голосу Ватикана». Сейчас они ее именно и ловили, эту мессу. Надо же такой дурью заниматься! А ведь полгода назад Алена тоже могла бы...»

Прав, сто и тысячу раз прав дядя. Надо заниматься натуральными делами. Месь, справедливость — вот что натурально!

И власть. Этого тоже хотела Алена. Вернее, не тоже, а именно этого!

То есть как, извините? Значит, пусть общество выдры Селезневой остается?

Да. Пусть остается. Но только для того, чтобы однажды к ним явилась неизвестная мстительница в маске, взвела курок... Как говорится, «винтовка рождает власть!» И тогда паролем станет фраза: «К Леоновой Алене идешь?»

А потом маску можно снять. И тогда они поймут, на ком джинсы действительно сидят как влитые и у кого действительно выразительные глаза.

Но сперва она, конечно, поиздевается хорошо. Она им отомстит. Она их «пощиплет» немножко. Ничего, не убудет... Девочек, естественно. Мальчишки не должны ее потом ненавидеть. Мальчишки должны ею восхищаться. Нельзя унижать их силу и смелость...

Лежала Алена, мечтала. В окне сияла высокая, уже почти белая луна... А всего в нескольких километрах от нее капитан милиции Люба Марына тоже смотрела на луну, висевшую в окне. Люба думала о том, какой бы телепатией передать тем ребятам, у которых оружие, что благородные разбойники, если судить по результатам, те же самые разбойники: рано или поздно грим неминуемо сходит!

Проснулась Люба какая-то особенно боевая. И если бы ей сейчас потребовалось сквозь стену пройти, она бы немедленно прошла. Отдернула занавеску... Господи! Как же быстро все изменилось в природе! За чистым закатным и звездным вечером, за лунной ночью пришло утро с дождем — непроглядным и таким осенним, что сразу сердце зануло и заболело.

Под окном мотала грядка клубники. Лакированные листья ее вздрагивали. Казалось, клубника никак не может устроиться на этом холодном дожде.

И сразу она вспомнила Николая Егорыча: какой он вчера был насупленный, как все ежился чего-то. Кругом солнце, жара, а рана его уже ныла. Он пошутил однажды: «Та пуля меня экстрасенсом сделала...»

Люба надела резиновые сапоги, надела военный плащ-накидку. Эх, проклятая, собачья ты, работа сыщика! Однако пошла. Через первые две лужи переступила, словно не хотелось грязнить сапоги. А в третью шагнула, уже не думая больше о таких мелочах, смирившись. Лужи были коричневые, глиняные. Дорога, скользкая, уезжала из-под ног... И опять Любе вспомнился Зубов, изречение его: «Тяжела ты, шапка Мономаха, а что поделаешь — носить-то надо!»

Она поднялась на крыльцо действительно довольно-таки деревенского домика, увидела на двери медную табличку — вещь, конечно, редкую для сельской местности. На табличке значилось: «Ковалев Игорь Адольфович, музыкант». Надо же!

Люба Марына не знала, что житель этого дома, гражданин лет пятидесяти пяти, уже долгое и долгое время являлся певцом хора. Причем недурного хора, одного из более или менее центральных, каких, впрочем, немало у нас в столице, а тем более в стране.

Игорь Адольфович очень уважал большую прочность своего хора и большую прочность своего положения в хоре. Он происходил из простой семьи, и на самом деле его отчество было не Адольфович, а Ардадьонович. Но когда-то, лет тридцать за годом тому назад, оно казалось Игорю... Адольфовичу излишне простоватым. И когда представилась возможность, он это отчество заменил. Никаких родственников у него не осталось, никто и ни в чем уличить его не мог, и Адольфович стало единственной правдой его существования.

Лишь от одного он никак не мог отделаться ощущения — от чувства радости, которое его преследовало по утрам: что все работают, а он поет. Прочувствовав это в очередной раз, он действительно начинал обычно напевать что-то своим приятным баритоном.

Люба, взойдя на крыльцо, сняла болоньевую косынку, которая, конечно, только называется непромокаемой... Да, подумала, прическа же у меня сейчас... «Я упала с самосвала, тормозила головой...» Хозяин распахнул перед Любой дверь, заинтересованный симпатичной, хотя и несколько растрепанной девушкой. Да и кто же, подумал он с усмешкой, в пятьдесят пять не интересуется симпатичными девушками?... Люба поняла: Ковалев понятия не имел, кто она такая, — и представилась.

По тому напряжению, с которым Ковалев приветливо улыбнулся, стало ясно: дело нечисто, Люба пришла сюда не напрасно... к сожалению. И тогда, ничего не объясняя, Люба шагнула к окошку и с одного взгляда увидела, что рама не открывается, что она именно прибита! А вдруг лезли не в это окно?

Она прямо повернулась к Ковалеву, который еще продолжал мужественно сохранять остатки галантности. И, глянув на него, Люба поняла, что да, в это окно. Именно в это. Значит, мальчишка. Значит, она на верном пути. «Взяла след!»

— Так почему же вы все-таки не заявили?
— Да собственно... видите ли, голубушка. — Он развел руками таким совершенно мхатовским жестом, чтобы она не забывала, с кем все-таки имеет дело (мы, люди искусства, с нами, что ни говори, связываться особенно не стоит!).

— Не совсем поняла вас. — И она почувствовала с неудовольствием, что отчасти поддавалась на это тайное предупреждение.

Ковалев сразу принялся развивать инициативу:

— Ну, видите ли, мне, солисту, как-то нелепо заявлять о двух банках клубничного варенья и старой джинсовой куртке...

— Вы ведь знаете, почему я пришла сюда. Эти люди совершили преступление. Понимаете вы меру своей ответственности?

Ковалев ответил ей жалким, затравленным взглядом.

— Где вы хранили оружие?

— В платяном шкафу...

И закрыл лицо руками — только лысина продолжала сверкать.

«Солдат-Юдин»... Выяснилось, что в Скалбе живет две семьи Юдиных. В родственных отношениях не состоят.

Из «представителей молодежи» в одной семье жила Вера Юдина... четырех лет от роду. В другой Николай Юдин, прошлой осенью призванный на Тихоокеанский военно-морской флот. Все остальные Юдины ни по возрасту, ни по комплекции в пролезальщики через узкое окошко не годились. Плохо!

Но, кстати, абсолютно еще не факт, что Юдин, человек, залезший к Ковалеву, и парнишка, которого она тогда встретила на станции («Мопед продал за сорок рублей»), — все они одно и то же лицо.

Два дня она безуспешно копала, где могла. На третий к ним вдруг пришел молодой и весьма subtilный гражданин, который представился Турицевым Олегом Александровичем. Это был тот самый врач, что осматривал руку... Так Люба узнала имя и фамилию мальчишки с револьвером: Соловьев Слава.

— Когда же он был у вас, этот юноша? — спросил Николай Егорыч.

— Да, наверное, с неделю...

Оказалось, он занимался частным расследованием... Горе! Зачем только люди читают детективные романы?!

Однако, как ни странно, детективный доктор сделал все довольно толково. Родители Соловьева уехали на юг, координат при этом не оставив. Все-таки Турицев сумел узнать от соседей, что мальчишка сейчас где-то на Скалбе. Приехал, ткнулся в три-четыре дома, понял полную тщетность своего дальнейшего «расследования», обратился наконец в милицию.

— Слава тебе господи! — Зубов мотнул головой... По причине худой погоды у него и настроение, и самочувствие были никудышными. — Но как же все-таки неделю-то, а?..

— Так ведь... Доктор растерянно улыбнулся, что еще более усугубило его субтильность. — Дня три... знаете... сомневался. Ну что, действительно: у парня ушиб, а я...

— Сильный?

— Вначале думал: перелом... Дальше мне дежурство выпало, дальше подменять пришлось... Как на грех, ни часа свободного. — Он замолчал, размышляя. И затем заключил: — Я ведь не милиция!

— Вот именно! — сердито сказал Николай Егорыч. Но тотчас сменил тон: — В сущности... вы все делали-то правильно. А уж за то, что к нам приехали... Вы нам, товарищ Турицев, очень помогли!

Но так было угодно распорядиться судьбе, что подарки сегодня сыпались на них, как на зайцев из прохуdivшегося новогоднего мешка... Дверь решительно отворилась, вошел Сережа Камушкин, а за ним тенью вполз некто... И посмотрев на него, Люба подумала, испугавшись: «Да неужели?!» Однако не могла поверить себе.

— Вот, товарищ майор. — В голосе Сережи были перемешаны радость и величайшее презрение. — Перед нами пострадавший!

Да, «так уж было угодно распорядиться судьбе». Именно сегодня, именно в этот час Александр Степанович Глебов решил идти в милицию... В детстве — впрочем, как и сейчас, — он не был излишне смелым человеком. И все же он отлично помнил те несколько случаев, за которыми могла бы последовать колония или тюрьма, — он не очень разбирался в правовых этих тонкостях... Но каждый раз что-то выручало его из беды. Вернее, кто-то!

А теперь, он подумал, настала моя очередь спасти этих ребят. Вытолкнуть их в жизнь... Но как он это может сделать? Прийти: «А ну-ка, давай поговорим!» И знал, что никогда не сумеет так прийти и так сказать. Он не умеет совершать поступки. Давненько их не совершал... Только вот человека ударил по руке трубой... Значит, что же я могу сделать, подумал Глебов, едь для меня тут выход?

И решил идти в милицию.

Но все получилось не торжественно, не трагично и не задушевно, как ему виделось... Сперва Сережа Камушкин ошпарил его презрительным взглядом. Потом этот майор...

— Что же вы так долго шли-то, милый вы мой?! — спросил Николай Егорыч, давая голосом понять, что выражение «милый мой» имеет здесь лишь переносное значение.

— А вы почему к дантисту вовремя не ходите? — спросил Глебов, испытывая от своей дерзости прилив мальчишеской энергии. Дальше, он надеялся, разговор пойдет шутливый по форме и доверительный по содержанию.

Однако майор не дал ему такой возможности. — Дантист — это зубной, что ли? — спросил он довольно неприветливо. — Так я хожу к нему своевременно. А вы почему не ходите?

— Боюсь! — ответил Глебов.

Уже два дня Демин и Славка прятались от Алены. Что делать?

Она решила сама идти к этим двум трусливым улиткам... Но к кому конкретно? К Славке? Нет. К Славке не надо. Пусть он и грамма не почувет, что Алена в нем заинтересована... Хрен тебе, Славик!

План Алены был простой и жесткий. Пригнать обоих хмырей к себе на дачу — она была жилая. Горел какой-то допотопный агрегат. Из глубин интеллекта Алена выскрбала слово: «керосинка» — вот как это называется! Использовалась для поджаривания мамонтов. Теперь же на ней стоял алюминиевый чайник, похожий на джентльмена, попавшего под хороший ливень, — чайник был мятый и с опущенным носиком.

Алена сделала еще несколько шагов, заглянула внутрь и увидела... Демина. Он сидел на раскладушке, застенной одеялом того типа, которые Алена в своем детстве звала «кусачими». К тому же одеяло было зеленое с бордовыми полосами, то есть окончательно дикое.

Сам Демин, сидя на всем этом вышперечисленном, ел ложкой частичка в томатном соусе и заедал белым хлебом, откусывая от булки-сайки всякий раз весьма немалые куски. Алене видеть это было удивительно и неприятно, а опытный человек сейчас же догадался бы, что Демин специально налегает на хлеб, экономя более дорогостоящий чаек.

Иногда откладывал сайку, брал граненый стакан с бледным чаем, отпивал глоток и откусывал кусочек сахара — килограммовая пачка «рафинада быстрорастворимого» лежала тут же...

Прошло мгновение, Демин почувствовал, что на него смотрят. А вернее, почувствовал, что света стало меньше: ведь Алена стояла в дверях. И поднял голову... Спрятаться и вообще что-то улучшить в наступившем моменте было уже невозможно. И он сказал, все же нелепо отвечая на ее незадачный вопрос:

— Я здесь живу... временно... На лето...

И увидел, что на стенке, на вбитом, может быть, еще дедовской рукой ржавом гвозде висят его зимнее (а по-настоящему демисезонное) пальто и шапка. И Алена увидела это.

— А почему? — Она испытала потребность назвать его по имени. И поняла, что не знает, как его зовут... Демина!

— Дома... тесно...
«Для сына тесно!.. И за столом ему тоже тесно?..»
Но тут же «взяла себя в руки», подумала: «Мое какое дело? Меня о чем-нибудь просят? Значит, меня не касается».

Они переглянулись. И опять поняла Алена, что никогда не решится спросить его: мол, не нужна ли тебе моя помощь? Не решится! «Мы же не на тимуровском сборе!» И Демин это понял, снова взял свою сайку, стал рубать, даже еще зубастее и устремленней. Ел «назло».

Надо было поддерживать его игру. Алена выждала какое-то время, сказала своим обычным надменным голосом:

— Насытишься, сходи к этому хмырю. Я собираюсь сделать сообщение для печати... Жду вас у себя на террасе.

Алена ушла, а Демин по инерции — без всякого, стало быть, аппетита и безо всякой пользы — доел банку с частичком... Еще в далеком детстве бабка учила (не его, конечно, а мать, но пригодилось в результате ему!), что нельзя в железе оставлять томатную рыбу. Обязательно в стеклянную баночку и в холодильник.

А у него ни «баночки», ни тем более холодильника... Доел, свирнул банку в крапивные заросли, которые вместе с полуразвалившимся забором отделяли их от соседей... Припомнил все происшедшее. Да, ничего не скажешь, паскудно ел! Кормление диких зверей! Не слабо Алене было полюбоваться, как он сопит и чавкает... Сидит в какой-то грязи, жрет какую-то дрянь! А ведь все могло быть другое. Абсолютно! Вообще не из этого кино. Он просто поленился. Лег в нору, как последний хомяк: дождь, мразь — не пойду сегодня вкалывать.

А между тем последние эти дни Демин сочинял, как бы ему снова законтачить с Аленой. И придумал, наконец: сегодня на обратном пути с работы он зайдет в магазин, купит конфеты шоколадные в коробке. А потом: у тебя, дескать, стаканчика чайку не найдется? Ну, а там уж... Насчет «там уж» Демин представлял себе не особенно ясно и втайне надеялся, что такое отличное чаепитие само как-нибудь вывезет...

Теперь он шел к Славке не то чтобы со злобой, а с огромной обидой на весь этот мир, в котором ему так не фартит.

Они столкнулись в соловьевской калитке.
— Ты чего здесь рыщешь? — спросил Демин, явно, что называется, «нарываясь». Хотя ему следовало доставить Славку в целости и сохранности.

Славка будто вообще не слышал его слов:
— Слушай, э! Ты знаешь, где у меня пистоль хранится?

— Знаю! — Демин рванул у Славки рубаху из-за пояса, так что одна-то уж пуговица обязательно отлетела к чертовой матери... Пистоль, однако, там не было.

— А когда не здесь? — снова закричал Славка. — Если дома, то где?
— Чего «где»?

— Где лежит он у меня?... Русские слова разучился понимать? Или уши не моешь?

Он схватил Демину за руку и потащил в дом... Демину сейчас бы врезать ему ребром ладони между плечом и шеей, чтобы Славка полежал минут несколько на мокрой траве — подумал. Но Демин почему-то шел по этой мокрой траве, его буквально тащили, тянули как непослушного детсадовца.

Так они оказались в Славкиной комнате.
— Ну, иди. А я на тебя посмотрю! — А в голосе какие-то странные лающие ноты...

— Да зачем?
— Надо, надо! Ищи!

Демин, подчиняясь этим странным крикам, сделал движение куда-то там залезть... в письменный стол, что ли. И остановился. Было неловко — искать чужое в чужой комнате. Злость опять стала наливать в Демину — от сердца к голове... Славка, смотревший на него не отрываясь, вдруг сказал:

— Не. Ты не знал ничего... Это же видно! Он у меня за диваном лежал! А теперь нету...

Демин оттолкнул Славку (хотя в этом, признаться, не было особой нужды), схватился за спинку дивана. Что-то скрипнуло, трянуло...

— Да что я, идиот?! — сказал Славка безнадежно и сейчас же полез в открывшийся угол. Дать бы ему хорошего пинка, растряхаю несчастному... Нет, слишком тревога копошилась и жгла в душе — что не до драки, не до окрика.

— Ну, ты вспомни. Может, ты его куда-нибудь?..

Славка даже не стал отвечать, сидел в углу, привалившись к бревенчатой стене. Постучали — Демин сразу вспомнил про Алену. Надо бы просто крикнуть, что, мол, заруливай. Но было не до веселенького этого крика... Снова постучали...

— Да не закрыто!

Послышались шаги... Не Алены. Несколько пар ног ступали вразнобой, шаркали.

— Можно? — В комнату вошла молодая женщина. И за ней трое мужчин каких-то... «Доктор!» — сразу узнал Славка. А Глебова слишком легко узнал Демин. Третьим мужчиной был капитан Камушкин.

Прошло уже достаточно времени, чтобы Демину до-

есть все свои припасы, чтобы Славке десять раз поругаться с бабкой, чтобы им потом лечь на брюхо и проползти до ее дома по-пластунски... И то бы они должны были уже стоять перед ней. Однако не стояли, болваны! Ладно. Пришлось идти самой.

Копя гнев, поднялась на крыльцо. Не стучалась, толкнула дверь... Никто не встретил ее и здесь. Через большую темноватую комнату прошла на кухню, откуда был вход к Славке... вдруг ей навстречу вышла абсолютно незнакомая фигура... «Что за тѣханша?» — подумала Алена. И сразу с тревогой!

— Ты к кому? — спросила эта женщина.
— К Славке, — ответила как можно более милым и наивным голосом.

Тут в раскрытых дверях Алена увидела того мужика, который следил за Славкой. Сразу все поняла!

— Вот и еще одно действующее лицо!
Алена ничего не успела сказать — просто язык слегка примерз от страха. А Демин среагировал лучше всякой пантеры:

— Она ничего не знает!
Алена уже успела несколько встряхнуться от налипшей на нее трусости. И далее вела себя довольно мудро и нагло — правдоподобно для данной ситуации.

— Чегой-то я не знаю? — спросила он своим обычным несколько высокомерным голосом. — Может быть, как раз знаю! Вы их не слушайте! — сказала она женщине, в которой определила начальника ситуации.

— У нас был пистоль, — Демин кивнул на Славку. — А теперь его украли.

— Чего?! — очень естественно воскликнула Алена. А потом, конечно, сообразила: да свистят они. Лежит револьверчик, где ему приказано...

— Вы только учтите: если преступник что-то совершит вашим оружием...

— Да я не знаю, где он, — тихо сказал Славка.
— Не знаем мы! — тут же продолжал Демин. — Мы его думали сами вам нести.

— Так ли это?
— Чего теперь говорить-то? — Демин пожал плечами. — Можете не верить!

Алена пристально смотрела на Демину: врет... а вдруг не врет?
Женщина перехватила ее взгляд. Но, конечно, поняла его по-своему.

— Иди, девочка. Тут тебе нечего делать...
Решила просто, что Алена любопытная дура.

— Да пожалуйста! — сказала Алена с равнодушием, за которым скрывалась якобы досада.

— Имя свое только назови и фамилию.
— А зачем это?
— Затем, что я работаю в милиции!

— Леонова Алена!
— Елена, что ли, по паспорту?
— У меня еще нет паспорта! — И вышла подчеркнуто надутая... На дорожке весь пар вышел из нее разом. Она едва могла волочить ноги от слабости и счастья. Вывернулась!

Вихрем, каким-то сумасшедшим вальсом, в котором все ноты проносятся одновременно, одним роем пронеслось воспоминание о том, как она замечательно там вела себя... Тут же захотелось спрятаться, затырится в какую-нибудь дыру, чтобы темно и никого не слышно, чтобы знать: сколько бы ни искали, в жизни не найдут! Как близко, оказывается, в душе нашей стоят страх и радость...

У Славкиной калитки она успела уже взять себя в руки. Вышла на улицу... И сразу увидела милицейский «газон». Он стоял около бревен. Совершенно невероятно было, как это Алена не заметила его. Сколько же человеку надо злости иметь, чтобы так ослепнуть!

Она заставила себя пойти к бревнышкам, сесть. Тем более солнце вылезло. От бревен, от мокрых заборов стал подниматься пар. И девочка, лениво сидящая под, может быть, последним каникулярным солнышком, выглядела вполне естественно.

А то, что она сидела около «раковой шейки», то, во-первых, преступный мир ее несколько не касается, а, во-вторых, она же любопытная. Понимаете, просто любопытная!

Ждать ей пришлось недолго. Из калитки вышла вся милицейская компания, а за нею Демин и Славка. Прошли мимо Алены, уже как бы не замечая ее. Лишь Демин сделал полуповорот головой и подмигнул. Но не весело эдак, что, мол, все о'кей, девочка! А по-серьезному: спокойно, не бойся!

Алена замерла: не выдал ли кто?.. Не выдали! Стали грузиться в машину. И вдруг тот, который выслеживал Славку, сказал:

— Знаете, если я не нужен, я лучше домой... Да мы здесь и не поместимся...

— Завтра тогда зайдите, товарищ Глебов, — сказала женщина спокойно, но как-то неприветливо. — Да и велосипед ваш...

— Велосипедик мы приберем, — сказал один из мужчин, весь квадратный, как холодильник, на который сумели напялить штаны и пиджак. Он сидел за рулем, положив тяжелые руки на баранку.

Машина тронулась, а тот, кого называли Глебовым, смотрел ей вслед, пока она не свернула за угол... Алена чувствовала: сейчас что-то произойдет, какой-то разговор. И боялась его. И желала!

Она уже изготовилась задержать его, если он вдруг вознамерится слинять, а не сесть к ней на бревнышки. И даже придумала соответствующее, точное слово... Нет, не понадобилось. Глебов сам подошел и сел рядом.

Здесь у нее тоже был заготовлен хороший ход... То есть что значит «заготовлен»? Все рождалось по наитию, за секунду! Она достала пачку сигарет:

— Закуривайте! — И выждав, чтобы он успел глотнуть воздуха: — Да ладно уж вам!

Она посмотрела на него, отмечая про себя, какой он немного вялый, и немного странный, и немного растерянный. В прошлый раз Алена очень легко втолковала ему именно то, что ей было надо. Теперь она как бы отыскала в памяти тот свой голос... главное, голос правильный найти, а слова подберутся. Это как у современных рок-групп: слова — полная дурь, а зато музыка по делу! Слова, их вообще никто обычно не слушает. «Лав» да «кисс», а больше там ничего и нету...

Минут через пятнадцать Глебов осознал себя размахивающим сигаретой — уже второй, взятой из пачки этой девочки, — и рассказывающим боевиковый случай, как два парня напали на него однажды ночью. Она смотрела ему в глаза, качала головой... А все же Глебов казалась, что его словно бы незаметно допрашивают... Ерунда, он подумал, ерунда какая!

Алена в это время думала про Демину и Славку. И радовалась, что страшная история все дальше отодвигалась от нее. А ведь на самом деле я затеяла! Настояла!

«Пажи» по идее должны были ее заложить в первые же полсекунды. Теперь такие мальчики — о-хо-хо! Вон у этих, из Маши Селезневой компании, был случай... Так эта девочка первая и погорела! Как ее звали-то? Рита, что ли, не то Римма?... Фамилия точно Ильина...

Глебов к тому времени уже весь выговорился. Надо было опять его немного подкрутить. Тем более ее интересовал один вопрос:

— У них все-таки нашли это оружие?.. У них пистолет был или автомат? — И сразу почувствовала: эх пережала!

— У них был револьвер, — с запинкой продолжал Глебов. — Но утверждать, что он пропал.

— Врут, небось! — Алена пожалла плечами. — Кто же револьвер отдаст... Вы бы отдали?!

Несколько растерянно Глебов прикинул себя обладателем тайного оружия:

— Не знаю, честное слово! — Он улыбнулся. — А вы бы отдали?
— Я?! Нет!

— Видите ли, Алена... Наверно, они тоже по-вашему думали. Но дело в том, что, когда мы пришли, у них в комнате был, знаете ли, такой абсолютно непроизвольный кавардак: диван отодвинут — там, они утверждают, и хранили этот... револьвер. И... милиция, конечно, может по-своему думать, но было видно, что они действительно искали! Я уверен, это все не подготовлено...

Он еще что-то там говорил, но больше уже не интересовал Алену. Она думала теперь только про Славку и Демину. Неужели правда, что пистоль испарился? Неужели действительно они такие кретины?

Впрочем, это легко выяснится, как только она их увидит. А если не увидит? Если их сразу засалят? Вооруженный грабеж! Ей сделалось страшно... И все равно я должна докрутить эту историю. Лучше знать, чем не знать! Найти концы этого револьвера и после так его затырить. Или как-то себя обезопасить...

А этих хмырей научить, что якобы бросили в болото. Трясины подходящей кругом навалом... Ищите! «Вон туда куда-то бросили...»

Стоп! А может, сказать, что это она сама его бросила? Случайно увидела у двух глупых дураков. И решила. И даже очень здорово получится: ведь она их к себе вызывала — Демин может подтвердить...

Да, но тут есть один нюанс: прежде надо узнать, где пистоль по правде, иначе...

Так-с... Рублей десять у нее наскребется. Можно сходить к Юдину-Солдату... Хотя... эх, плохо! В прошлый раз, когда она послала Юдина следить за этим Глебовым и Юдин как собака — то рысью, то галопом... Алене очень смешно было смотреть потом в его чуть не плачущие глаза: «Да ни копыта ты не получишь... А вот так. С моей стороны это была шутка, а с твоей стороны — товарищеская помощь! Все, гуляй... Что-то ты сказал? Демин, ну-ка займись!»

В основном ей, конечно, было денег жалко отдавать этому прохвосту. Он действительно ведь был прохвост: сколько все от него натерпелось!

— Ну, ладно, еще попросишь! — сказал он, когда его Демин легонечко оттолкнул метров на пять.

— Гуляй-ай! — усмехнулась Алена. — Разве ты не слышал команды?

Теперь ей надо было идти к Юдину. Потому что этот хоть что-нибудь да знает!

И сама остановилась испуганно: как? Он про пистоль знает!

А откуда вообще пистоль у Славки? «Старый товарищ», «вор в законе»... это, конечно, паровоз свистит на поворотах. Так откуда? В земле откопал? На речке выловил?..

Это невероятно, как же просто, оказывается, было догадаться! Но раньше ей это... есть и достаточно, будешь много знать, будешь плохо спать!

Теперь она просекла истину абсолютно и ясно: Юдин! А уж откуда он достал?..

И, сунув в нагрудный кармашек девять рублей с копейками, она — а что поделаешь? — поплелась к Солдату... Навстречу ей по улице с узелком и палочкой двигалась Славкина бабка. По особо чистой одежде и аккуратно повязанному белому платку Алена поняла, что бабка была в церкви — это за ней водилось.

— Здравствуйте... — и невольно оглянулась ей вслед: была бы ты дома, много бы интересного про внучка узнала!

Тут сообразила она, что если б Славкина бабушка действительно была дома, то уж она непременно сказала бы, что Алена из их компании. И как раз начальница. И, наверное, знает про пистоль!

Стало быть, еще одно везение. Но на этот раз временное. Потому что бабку так или иначе потрясут. Тем более надо действовать! И она вошла в калитку Юдиных.

Остановилась, прислушалась — и ушами, и, так сказать, душой: не сидит ли гражданин Солдат где-нибудь здесь в кусте. Вроде не сидел... На всякий случай убрала напряженность и лишнюю заинтересованность с лица, скромно постучалась.

— Можно?... Здравствуйте... — Тут она сообразила, что не только не знает, как родителей зовут, но и как самого Солдата-Юдина золотое имячко.

— Здравствуйте, Аленушка... Или уж тебе надо «здравствуйте» говорить? — сказала Солдатовая мама. Глаза у нее были ярко-синие и внимательные.

— Ой, ну что вы! — еще скромнее сказала Алена. — Что вы! — Она ждала: может, как-нибудь выяснится имя солдатское. Улыбнулась с такой просительной интонацией. И ей повезло.

— Ты, наверное, к Вале?

Секунду Алена соображала, нет ли у них какой-нибудь дочки... Да нет, не было у них больше никого! — Да, я к Вале...

Юдинский отец, который до этого, сидя в углу, дымил беломориной, поднял голову от «Советского спорта», глянул на Алену и усмехнулся:

— Что-то наш сын всем необходим стал в последнее время!

— А, понимаете, мы готовим спектакль... Ну, как бы закрытие летнего сезона. И нам не хватает мужских ампула... — Ее аж испарина прошибла от такого быстрого и витиеватого вранья.

Мама улыбнулась своим милым, заранее извиняющимся лицом:

— Ясно... А он, понимаешь ли, в поход ушел на три дня. Вчера вот об эту пору зашли с Алешей Старостиным, взяли удочки...

Старостин... Лешка... Это же «Адыютант его превосходительства Виталия Ивановича Свинцова» — Хомяк-Мышь-Крыса-Суслик и все другие «грызущие» прозвища... Который со Славкой хотел драться, а Демин ему... Странная какая-то история! С чего бы это Крысе приглашать Солдата-Юдина в поход?

— И он еще не возвращался?

— Так ведь на три дня же... — сказала мама, и в голосе ее послышалось тихое беспокойство.

— С рюкзаками? — Эх, зря она! Мама и так уже... — А Старостин Алеша сказал: в школе дадут... Только покушать взяли... Что-то случилось?

— Да я просто, говорю, зашла, по спектаклю... И вы не волнуйтесь... Это же теперь модно — походы, экскурсии...

И уже из-за неплотно закрытой двери услышала:

— Ты чего-нибудь понял, Вася?

— К Старостиным добеги, и понимать ничего не надо!

Так. Стало быть, Юдин, Крыса и... Свинцов. Не у Свинцова ли сам пистоль?.. Да, на «Виталия Ивановича» стоит посмотреть! Жутко, мол, интересуюсь, в какой это «поход» вы отправили Солдата-Юдина... И припугнуть! Ты что, милый друг, в Италии находишься? Детей воровать!

Она, конечно, не представляла себе ничего сверхпредосудительного. Свинцов пижон, но не более того. Умеет командовать своей кодлой, умеет болтать про сильную личность...

— После того, как я пришел к власти, на улице Тургенева никому не набили морду... без моего приказа!

Но пистоль ему пригодился бы для антуражу. Н-да! Нелегко будет Алене. Но теперь это дело принципа!

Итак, Алена пошла к Свинцову Виталию Ивановичу, чтобы найти Солдата-Юдина. Однако его там не было. Он сидел под замком в старой баньке. Было сыро, тихо, пахло висевшими здесь когда-то березовыми вениками и дымом, который улетал в трубу лет пятнадцать назад, и еще чем-то банным, чему Юдин названия не знал, потому что он никогда в таких вот домашних собственных баньках не парился, а ходил с отцом в «Общественные бани пос. Скалба».

Повинуясь инстинкту, он подошел к окошку, чтобы произвести наблюдения. Однако окошко было слишком мало, настоящая амбразура — только руку высунуть,

а уж голову — и не мечтай! И смотрела эта дырка на лес — глухой, еловый, совершенно безлюдный.

По причине своей большой печали Солдат-Юдин не замечал, какие великолепные елки его охраняли — почти каждая была достойна оказаться под Новый год во Дворце спорта в Лужниках или даже в Колонном зале. Но, по счастью, местонахождение этих деревьев оставалось тайной подмосковных лесов.

История Солдата-Юдина была типичной историей представителя нашего автомобильно-телевизионного времени...

В классе, наверное, первом или во втором к ним приходил детский писатель, рассказывал про разные радости, про зверей, про птиц, про бабочек, которые умеют перелетать через океан. А потом спросил, любят ли они сами животных. Все дружно крикнули: «Да!» И писатель стал спрашивать, какое кто животное хочет завести.

Наконец, очередь дошла до Юдина, и он сказал: — Я никакое животное не хочу завести. Я мопед хочу завести!

У взрослых, которые присутствовали на встрече с писателем, ответ этот вызвал смех. И сам писатель тоже улыбнулся. Но подумал про себя: что же такое вырастет из этого мальчишки?.. А Солдат-Юдин уже был к тому времени довольно известным наблюдальщиком за людьми...

Мало что прогрессирует так стремительно, как всемирная мопедная мысль. Одна конструкция сменяет другую, и все совершенней, все стремительней на вид, все... труднее удержаться от их покупки! Только дороговизна и удерживала.

Однако, доучившись до шестого класса, Юдин сообразил, что не обязательно покупать новый мопед, можно и побегавший. А такие продаются много дешевле... И вот он узнал у одного мальчишки из класса, что в Москве есть некто, готовый продать мопед за сорок рублей.

Эта цифра так и запеклась у Юдина на душе, словно тауро на крупе лошади... Сорок рублей. Он стал разрабатывать разные планы... Да и не планы вовсе, а так, досушие мечты — про работу в Скалбинском садоводстве, про невероятное количество пустых бутылок, которое якобы можно было собрать на стадионе в Лужниках, про... Но Юдин же был не такой дурак и слишком хорошо понимал: сорок рублей с небес не достанешь.

Вдруг он услышал... Славка уговаривал Алену. А Юдин последнее время любил подслушивать именно за ними. Славка звал Алену в Москву, повеселиться, тем более у него там квартира пустая, можно поаморальничать и тому подобное. Но Алена, сразу было понятно, плевала на него. Наконец, это стало понятно и Славке. Тогда он сказал про «сорокошник», и Юдин вздрогнул.

Назавтра, вставши рано утром, когда бабушка Соловьева еще спала, а Славка уже спал, Солдат-Юдин подошел к распахнутому окну Славкиной комнаты и стал внимательно ее осматривать — метр за метром, вещь за вещью. Он еще будто бы сам не знал, что ему предстоит сделать, не называл для себя это определенным словом. Он только стоял и смотрел: где «оно» может лежать.

К счастью... А может, как раз и к несчастью, потому что не было бы всей этой истории, и не сидеть бы ему сейчас в «одиночной баньке»... в общем, к счастью-несчастью, Юдину стало как-то не по себе от этого мысленного ощупывания Славкиных вещей. Два-три дня Юдин слонялся без дела, в том смысле, что не добывал заветные «сорок дубов». И вообще как будто бы впал в спячку — перестал следить за Славкой, за Аленой, за Деминим, а принялся за фотографирование гнезда неведомой птицы, живущей в кусте сирени... Он, между прочим, и в отношении птиц был так же наблюдателен, как в отношении людей. Из него, наверное, мог бы получиться великий естествоиспытатель. Однако он гробил свой талант на всякую чепуху.

Именно с этой мыслью Солдат-Юдин и отправился однажды поутру в лес. И... вдруг увидел Ковалева Игоря Адольфовича (по паспорту).

Ковалев стал напротив ни в чем не повинной сосны и всадил ей в грудь шесть пуль, а потом ушел... Солдат-Юдин выбрался из своей засады и долго осматривал эту сосенку, а потом бросился вслед за «тем мужиком», легко нагнал его, потому что Ковалев был с похмелья.

Действуя вдохновенно, а это значит — коварно и дерзко, Юдин проник на суверенную ковалевскую территорию и без всяких сверхусилий подсмотрел, как тот сунул пистолет в ящик комода, надел костюм и уехал. А Юдин пролез в маленькое окошко, взял револьвер и благополучно исчез.

Дальше мы знаем, как в руки Солдата-Юдина попали волшебные сорок рублей, и, собственно, в тот же день он помчал за мопедом... Это была и не Москва еще и уже не пригород. Здесь стояли белобетонные огромные, но рядом оставались жить голубятни, сараюхи... Парень лет пятнадцать открыл одну из таких сараюх, там стоял мопед... Юдин глазам своим не поверил: да неужели эта чудо-вещь могла стоить всего сорок?

— Шестьдесят — машина твоя! — Парень крутанул педаль, мопед завелся идеально! Мотор работал тихо

и аккуратно, что говорило об его неизношенности и мощи. — Ну что, берешь?.. После обеда за ним другие придут!

— Ты же говорил, за сорок... мне Валерка Урин...

— За сорок ушел. Долго ты собирался... Чего ж ты купец такой? — Парень загнал мопед в сарай. — Я ему товар показываю... В другой раз вообще не приходи! — Тут он вдруг улыбнулся странной улыбкой: — Ладно. Подкопшишь — приезжай. Я всегда здесь. А нету меня — обожди!

И ушел, оставив Юдина одного на разрытом пустыре, где всю растительность снесли и угробили, а новой посадить не догадались...

Если б он был нормальным человеком, он бы просто взял да поехал домой. Нет тебе! С досады, с непонятной какой-то злости на неизвестно кого Солдат-Юдин потащился на ВДНХ — просто так, чтобы успокоиться. И буквально оглянуться не успел, как денежки стали таять и растворяться. Он чего-то ел, чего-то покупал, врал какому-то парню, что его брат в главной мафии у люберов, а потом пришлось его кормить люля-кебабом и покупать сигареты... Короче, на Скалбе он оказался вечером с бурчащим животом и с пятнадцатью рублями сорока восемью копейками денег... Тулица несчастный!

Делать нечего, он подумал, делать нечего. Надо снова добывать пистоль. И на следующее утро опять стоял у окна комнаты, в которой спал Славка... Метр за метром, вещь за вещью...

Прошлый раз, забравшись к тому человеку, Юдин... ну хотя бы в какой-то степени мог считать, что наказывает его — чтобы деревья не калечил, гад такой! Теперь он просто должен был стать жуликом.

Был сыщик, стал жулик! Так говорил себе Солдат-Юдин. А сам в это время сидел за сараем и ждал, когда бабушка разбудит Славку и позовет его завтракать. Скуля и чертыхаясь спросонья, тот пойдет к столу и при этом запрет дверь в свою комнату, окно, однако, оставит открытым... Потому что Славка боялся только своей бабушки или матери с отцом — что они обнаружат револьвер и вообще тайный ход в подzemелье его новой кошмарной жизни...

Когда Славка хрустнул ключом в замке, Солдат-Юдин метнулся к окну, в два счета форсировал его... Пять мест было намечено им, где мог лежать револьвер. За диваном, когда он глубоко засунул руку, Юдин нащупал тряпку. И сквозь нее тут же почувствовал грозную тяжесть оружия.

Не думая больше, сыщик он еще или уже простой ворюга, Юдин забежал к себе в дом, быстро огляделся... Письменный стол и рядом... лежал казанской сиротой, даже скорее валялся, пропылившийся за три месяца его школьный портфель. Туда Юдин и сунул револьвер. Место, заметим, тоже не очень надежное...

И затем, не раздумывая, уверяя себя, что времени просто в обрез, потому что и тот мопедик может «уйти», он прямо отправился к Свинцову. У него мысль была такая, у Солдата-Юдина: получить со Свинцова пятьдесят пять. Плюс оставшиеся пятнадцать — сумма готова. Да еще и кое-что останется на шило, на мыло.

У тургенецев было заведено так: прежде чем идти к Свинцову, надо сначала переговорить с Крысой.

Если бы все делалось по-людски, Солдат-Юдин не пошел бы против порядка. Но ведь Крыса сразу начнет выпендриваться:

— К шефу? Ну, конечно! Сейчас тебя прямо и к шефу!

Поэтому Солдат-Юдин решил плевать на их субординацию.

Обычно Свинцов принимал в небольшом, но симпатичном домике на заднем дворе, который назывался мастерской. Ты обязательно заставлял его в какой-нибудь значительной позе: за столом над ему одному ведомыми тайными бумагами, или около гантелей полупудовых, или он стоял перед зеркалом и целился сам в себя тяжелым железным крюком с мушкой на конце — как бы подобием пистолета. Такое упражнение якобы укрепляет руку и тренирует глаз. Называется: «Не спеши и прицелься» — придумал какой-то там американский чемпион мира по стрельбе... Якобы можно вообще никогда не стрелять, а потом взять боевое оружие и сразу лупить без промаха!

Но сегодня Солдат-Юдин застал великого атамана врасплох. Свинцов сидел на полу над каким-то ящиком с железками, руки у него были черны от старого застывшего масла, такая же чернота на носу. И одет был Свинцов не в обычные свои вельветовые штаны с белой лампасиной, а в растянутые «тренировки» с волдырями на коленях и обвислым задом.

— Здорово, Свинец! — мужественно произнес Юдин. — Я тебе не Свинец, а Виталий Иванович! — Свинцов поднялся, совершенно автоматически принимая одну из своих значительных поз. Но тут же сообразил, что попытки его смехотворны. — Ты что? Не знаешь, как являться надо? Пойди доложись Крысе, он тебе назначит время... на послезавтра. Да не забудь хорошо умыться, я тебе буду морду бить!

— Тебе пистоль нужен?
Свинцов посмотрел на него каким-то странным, замученным взглядом.

— Сядь-ка на минутку, Юдин! — Он просто всеми силами хотел скрыть, как ему надо поговорить про пистоль... И чего люди так рвутся к этим пистолем?

Могу с него рублей двести получить. Запросто! Да пошел бы он. Не буду я халосничать!

— Если тебе пистоль нужен, я могу достать.

— Когда?

— Хоть сегодня! — Он сделал паузу. — За шестьдесят рублей.

А Свинцов не в силах был хотя бы немного поломаться, сказать, что это слишком дорого, как реагируют теперь все нормальные люди. Он только пристально смотрел на Юдина и не мог промывать ни звука — так ему нужен был этот пистоль! Наконец Свинцов собрался с духом:

— Крысу мне сюда! С велосипедом!

Но поскольку некому было выполнить его приказ, он сам и метнулся его выполнять. Затормозил у двери: — Ты здесь пока посиди, Валюх... — и подмигнул очень так по-дружески.

Ликование Юдина враз окаменело, превратившись в страх. Если такой человек, как Свинцов, вдруг вспомнил его имя... Да еще улыбается дружески... У Солдата-Юдина было минут пять на размышление: сбежать, остаться?.. Неужели ему так мопед нужен? Потом ведь придется матери объяснять, откуда взял...

Но сильнее мопедовой страсти в нем горел сыщичий азарт: чего это вдруг Свинцов так засуетился? Опять ему сделалось страшно, опять он дернулся слинять. И сидел неподвижно, глядя в открытую дверь, в которую ему надо было бы бежать скорей. А он ждал, когда же там наконец появится Свинцов... Чтобы все разузнать!

Так последний шанс был упущен. В дверь энергично вошел Свинцов, за ним — Крыса.

— Значит, так, орлы! Вот вам мое задание! — бодро и, как всегда, жестко сказал Свинцов. — Немедленно к нему домой. — Он указал на Юдина. — Говорите, что у вас поход на три-четыре дня. И пулей ко мне! Дальше только Юдину: — Ты мне нужен. Я тебя хочу задействовать в одной важной для нас обеих операции. Дело очень престижное!..

— Чего?

— Ну, важное, говорю, дело! Обязательно захвати о чем говорили... И удочки...

— Удочки?.. — растерялся Юдин.

— Удочки! Удочки! — усмекаясь, подтвердил Свинцов. — Это будет твой лучший поход в мире.

Все странно перевернулось в душе Солдата-Юдина. Он не верил Свинцову: вдруг ни с того ни с сего «операция, необходим...». И хотел верить. Хотел быть для Свинцова важным человеком. Хотел медленно идти по школьному коридору, о чем-то с ним разговаривать. Он совершенно не представлял, о чем мог бы разговаривать со Свинцовым. Но хотелось очень! Главное, на глазах у изумленной толпы. Свинцов чего-то рассказывает, а Солдат-Юдин слушает и кивает.

Как это все называется в наши дни? Да очень просто это называется — кстати, как и в прошлые времена. — отсутствием принципиальности. И Алена этим же страдала. Всеми силами она презирала машиностроительную компанию, а сама рвалась туда. И совсем не для того, чтобы разоблачать их с позиций наиболее передовой части нашей молодежи...

Причем Юдин даже не очень и верил, что когда-нибудь действительно придется по школьному коридору, держа руку на плече у Свинцова Виталия Ивановича. И чувствовал: его именно этим и покупают! А все же покусался зачем-то...

Наверное, много в нашем геномном коде есть родственного с геномным кодом того кролика, который восторженно прыгает в пасть к удаву. Нам бы этого Змея Горыныча по зубам, а мы ему: «Здрассте! Спасибо вам большое! Конечно! Обязательно!»

Свинцов ждал их в обычном своем шикарном облике. Рядом сиял его знаменитый мопед.

— Так, Юдин? Взять?.. Молоток!.. Удочки сюда, — и поставил их у двери мастерской.

Опять подозрение царянуло Юдина.

— Ты, Крыса, пока выведи машину. — Он легонько шлепнул мопед по кожаному сиденью. — Да все обнюхай, обслушай! — повернулся к Юдину:

— Пойдем! — Вошли в пустую мастерскую. — Давай показывай! — Взят револьвер, секунду рассматривал, угадывая все его тайные собачки и механизмы. Солдат-Юдин протянул руку что-то там показать...

— Да не лапай ты! — И быстро сам во всем разобрался, словно знал этот револьвер тысячу лет. Сунул его себе за пояс.

— Чего ты испугался-то? Со мной едешь!

Они вышли на улицу. Крыса держал под уздцы уже раскопчегаренный мопед — черный, блестящий... Не оттого ли Солдат-Юдин мечтал о мопеде?.. И не он один...

— Приедешь туда же. — сказал Крысе Свинцов. — Инструкция будет на столе. Все, привет! — И Юдину: — Падай на хвост.

Юдин сел сзади и сразу почувствовал, как легко мопед несет их обоих — вниз, к речке. И дальше — через мостик, в горку. И дальше — в лес, по лесной дороге... И ведь почти такой ждал Солдата-Юдина в том сарае, на пустыре.

— А ты деньги когда отдашь?

— За ними едем! — крикнул Свинцов, не оборачиваясь...

Где они сейчас пробираются, Юдин не знал. Эх, а не тот ли это самый вариант, про который говорится: «Несет меня лиса за дальние леса...» Тропки действительно становились все глуше... Конечно, не совсем уж дикие, но такие... редкохоженые... А еще реде — езженные: какой-то вроде тележный след тянулся, но старый, глухой... Земля под ним ослыла.

А! Солдат-Юдин наконец понял, куда они едут. Эта дорога ведет на хутор заброшенный. Он как-то здесь оказался за грибами с покойным дедом, который, между прочим, и был настоящим Юдин — единственный в их семье. А мама фамилию сменила на отцову, стала Сомова. Он ведь и сам тоже был Сомов. А только по кличке Юдин — очень деда любил...

Скоро мопед действительно выкатил на скошенный лужок перед тремя домиками. Свинцов открыл довольно тяжелую дверь — это оказалась старая банька.

— Иди сюда, Юдин, — и закрыл дверь.

Стало довольно мрачно. Только из описанного несколько страниц назад окна-бойницы шел некоторый свет.

— Будешь здесь сидеть! — сказал Свинцов, и голос его даже не очень изменился, не стал каким-то там особенно суровым или особенно жестоким. — Начнешь орать, велю бить по зубам. Будешь сидеть тихо, через три дня отпущу. Понял?

Юдин ничего не мог понять. Он растерялся.

— Будешь орать?

Юдин молчал, ничего не соображая.

— Ну, крикни разок... Да крикни-крикни, не бойся!

— А-а! — закричал Солдат-Юдин, и в голосе его оказалось страха значительно больше, чем он ожидал.

Но Свинцов не дал ему поразмыслить над этим. Он быстро выхватил из-за пояса пистоль и ткнул дулом Юдину прямо поддых. Крик в Солдате-Юдине сразу прекратился, он почувствовал боль, застрявшую где-то в желудке икоту, невозможность вздохнуть, как будто в баньку накалили безвоздушное пространство... если только так можно выразиться.

Солдат-Юдин согнулся, сел на лавку. А Свинцов стоял над ним и ждал. Наконец, Юдин вздохнул, вернее, всхлинул. И сразу слезы потекли у него из глаз.

— Плачешь? — сказал Свинцов. — Правильно! Сейчас будешь отвечать на мои вопросы. Не отводишь — заплачешь сильнее. Первое. Где ты взял этот револьвер?.. Ты же бандюга, понял? Я же тебя здесь вообще имею право сгноить! Ты знаешь, что положено за хранение оружия?! — И вдруг рявкнул: — Где взял?!

Отчего-то Солдат-Юдин не стал говорить про Славку, про сорок рублей. Может быть, ему стыдно было признаться, что он своровал у своего же соседа... А может, боялся кары Свинцова: мол, почему сразу не понес мне, а сперва какому-то Славке?

Солдат-Юдин закончил свое полуправдивое повествование, и наступила тишина.

Свинцов стоял, размышляя. Юдин теперь был при нем — так себе, информация к размышлению. Казалось, Свинцова заинтересовал рассказ. Но как поступить, он все же до конца не знал.

— Зачем ты его вообще воровал?

Опять у Юдина готов был правдивый мопедный ответ. И как-то так он еще верноподданнически намекнул, что вот, мол, хочется гонять по дорогам, как Виталий Иванович.

— Ну, что ж, молодец, умный парень... — Свинцов прищурился. — Это знаешь, сколько стоит?.. — Он потряс пистолем около юдинской физиономии. — Да ты когда из колонии выйдешь, сразу пойдешь на пенсию! — И вдруг совершенно изменил тон: — Что же ты мне без патронов подсовываешь? Чего я им буду делать? Гвозди заколачивать?

Неожиданно Юдина осенило со страху:

— Да сюда же от мелкашки небось подойдут. В школе у нас в тире...

Свинцов быстро отщелкнул собачку: стал рассматривать гнезда в барабане, куда вставлялись патроны.

— Подойдут они, не подойдут, ты, пивка, мне совет давать не смей! Но в принципе мысль не слабая! — Он сунул пистоль за пояс. — Все! Сиди здесь! Я же должен проверить эту твою байку... Может, ты все наврал, может, тебя сразу в милицию, с родителями?

Потом Солдат-Юдин услышал, как Свинцов задвинул тяжелую щеколду, походил еще, повозился чего-то. Завел мопед и поехал — звук отдавался, сперва звонко, а потом глухо слышимый. А потом пропал насовсем.

И ничего теперь Солдат-Юдин не мог понять в своей глупой жизни!

Виталий Свинцов гнал мопед, все время чувствуя, как скользкая дорога норовит убежать из-под колес. Но Свинцов был слишком умелым водителем, чтобы допустить это. «Существуют такие ситуации, когда человек не имеет права даже ногу сломать» — так сказал кто-то умный. И Свинцов это запомнил.

Ему вообще нравились жесткие выражения и нравилась поступки, исключаящие двойное толкование. Он любил приказы, в смысле отдавать, конечно. В ситуациях, когда приказы надо выполнять, ему практически быть не приходилось...

Такой вот человек мчал сейчас по лесной дороге километрах в пяти-шести от поселка Скалба... И невольно подумаешь: ведь что-то же было вначале, кто ему все это вдолбил, прежде чем его душа сама научилась вырабатывать жестокость.

Виталий Петрович Истратов — может быть, он? Мелькнул в жизни Свинцова такой «тезка». Свинцов его не любил вспоминать. А если вспоминал, то почти всегда в одной и той же мечте: как вместе с надежным коллективом он, Свинцов, бьет морду этому не очень сильному на вид человеку... почти человечку!

В классе так четвертом что-то заставило Свинцова пойти в боксерскую секцию. На соседней со Скалбой подмосковной станции была база ДСО «Урожай». Туда и записался Свинцов. Вернее всего, что он просто хотел уметь драться.

И там тренером был Истратов Виталий Петрович, всегда немного заведенный, веселый и злой человек явно среднего роста. В секции он запрещал дружить: «У вас есть тренер и есть противники, конкуренты, понятно слово? Вот так и действуйте... Спортивная злость! И рядом с ней — спортивная зависть! Ничего-ничего, не стесняйтесь. Привыкайте! Слово «противник» не должно исчезать у вас из поля зрения!»

Всех его заповедей Свинцов не запомнил...

— Вы зачем пришли сюда? Учиться искусству ведения боя или искусству объяснения в любви? Если вам нужны «Ромео и Джульетта», тогда ступайте в драмкружок!.. Жестче! Короче удар!

Другие тренеры обычно запрещают и даже специально сто раз скажут: нельзя на улице демонстрировать свои умения. Виталий Петрович не запрещал.

Он говорил:

— На ринге ты должен находиться в естественном состоянии злости и страха. Ощущать себя в драке... Но когда ты его отлупил, его можно и обнять... Он же тебе больше не противник, понимаете?

Свинцов всегда слушал его с одним и тем же внимательнейшим выражением. Часто Виталий Петрович останавливал взгляд на этом лице и усмеялся. Он был доволен... А в голове у Свинцова пронеслась одна и та же мысль: «Чего же они мне вралли раньше?!» Так он думал обо всех людях, которые до тренера объясняли ему, что такое жизнь.

Однажды после занятия Виталий Петрович остановил его:

— Ты зарядку дома делаешь? И специальные упражнения?.. Все, что я приказывал? — И вдруг крикнул: — Только не врать!

Свинцов... тогда еще лишь «начинающий Свинцов», поклялся, что он...

— Плохо, — сказал тренер. — тогда плохо... Ты старайся, а то можешь вылететь! — Это последнее он произнес с почти дружеской интонацией и даже дал Свинцову — опять же почти дружеский — подзатыльник. Поэтому Свинцов его предупреждений не исполнил.

Но прошло две недели, и как-то в начале занятия, когда они уже построились, ожидая команды начать разминку, тренер вдруг сказал:

— Кузин, шаг вперед. Свинцов, шаг вперед... Надеть перчатки. Спарринг перед строем... Бокс!

Они начали молотить друг друга. Всем было понятно: зачем-то эти двое должны показаться перед трене-

ром, а может, и перед «толпой». Шеренга «болела», выкрикивая разные насмешки и подковырки... А команда «Стоп!» все не было. И Свинцов начал задыхаться. Он схлопотал чистый удар, потом еще один, потом нарвался на серию.

Ему показалось, что сейчас он взлетит, что он стал надутый, словно воздушный шар. Это было то, что в боксе называется состоянием гротти. Совершенно автоматически Свинцов ушел в глухую защиту, согнулся.

Кузин еще какое-то время постучал его по перчаткам и плечам, стараясь пробиться к животу, к носу, к нижней челюсти. Но это ведь тоже не так легко, когда ты устал. И он просто отошел в сторону... как подумал Свинцов. На самом деле все-таки была дана команда «Стоп!». Только Кузин ее услышал, а Свинцов нет.

Зато он услышал потом слова Виталия Петровича: — Свинцов, слушай мой приказ. Перчатки снять, форму оставить, сам — до свидания. Ты больше в моей секции не состоишь!

Свинцов стоял, все еще тяжело дыша, то и дело слизывая кровь с разбитой нижней губы.

— Малый ты хороший, — спокойно продолжал тренер, — по духу боксер: жесткость, злость, другие нужные качества — это в тебе есть. Но удара у тебя нет, реакции нет. — Он взял за руку Кузина, повернулся к строю: — Кто перед вами стоит? Разява! Но жесткости я его научу. Это можно. А тебя, — он показал пальцем на Свинцова, — реакции не научишь и скорости не научишь. Это должно быть врожденное. Так что будь здоров... Начали бег по кругу!

Шеренга ожила, побежала. Счастливым Кузин, все еще в перчатках, пристроился сзади. Тренер и Свинцов стояли в середине зала.

— А можно, я останусь до конца занятия? — попросил Свинцов, надеясь неизвестно на что, на чудо, на то, что у него вдруг откроется реакция, удар и скорость.

Тренер очень спокойно покачал головой:

— Не надо. Уходи. Долгие проводы — лишние слезы... Потом сам мне спасибо скажешь...

А может быть, родители были виноваты в этой свинцовской жесткости?

Они оба были из той породы людей, про которых говорят: человек ответственный... Ну, с отцом это вообще было все сверхпонятно. Без конца работа, план... Он и ночью-то иной раз вскакивал — причем без всяких звонков — и летел в свои Мастерские... Потому что «мастерские» — это только название. На самом деле немаленький завод. Дел всегда — только что не задохнуться.

Мать Свинцова была домашняя хозяйка. Но и мать — так выходило — вечно крутилась в чем-нибудь своем. Она говорила:

— Понимаете, раз я нигде не работаю, значит, я должна хотя бы дом обеспечить!

Мыла, готовила, опять мыла, пылесосила, покупала...

Умаявшись за день, родители в свободный вечерний часок садились к телевизору... А куда человеку деваться — так-то сказать! Руки-ноги не шевелятся, какой уж там театр. Да и в театр еще надо знать, чего куда, надо билеты... Ой, столько мороки! А тут все тебе покажут, расскажут. Цвет идеальный — прямо с завода брали... Да и вообще кто теперь в театры-то ходит? Только ведь осталось одно название: что, мол, в театры ходят, значит, культурные...

Сын Виталий телевизор не увлекся. Разные поколения, разные вкусы... Из замечаний в дневнике, из осторожных рассказов жены до Ивана Витальевича доходили слухи, будто бы его сын...

— Слушай, мать, правда, что ли, он у нас таким зверенком растет?

И не верил... А поступки?... Ну действительно сорвал урок географии — на глазах у учительницы воровью отвернул голову. Гадость, конечно, дерзость! Но вы чего хотите-то, когда все кино детективами этими забить? А он что у меня, святой?

Учился тем более неплохо...

Случались моменты, когда отец думал: нет, надо выпороть мерзавца... Но представлял всю последующую нервотрепку, сердцеебие, долгую дрянь на душе оттого, что в семье ссора... И кстат, чем мириться-то? Покупай джинсы! Потому что это раньше хорошо было: снял ремень — врезал! Теперь любой и каждый разяснит тебе, что быть детей неприлично.

Да и что это: сын кого-то там отлупил, а ты, взрослый, отец, его за это тоже лупишь. Дичь!

И потом не верилось Ивану Витальевичу в это «избил». В драке всегда один сильнее, другой слабее.

А? Вы говорите, ситуация? Трое на одного? Значит, у моего сына есть товарищи, а у того парня нету. Да ведь это... В наше время про такие инциденты говорили: до свадьбы заживет! И ведь, правда, зажило!

Вообще он не верил, что у хороших родителей может появиться плохой сын... Это же гены. Наука!

Потом Виталька сказал, что хочет сделать тир. Не «пап, купи», а хочет сделать сам! Ведь неплохая вещь-то... Оказывается, он и рисовать умел: сам изобразил фигуры. Потом начал конструировать спортивное оружие. Тут уж и Иван Витальевич мог быть на высоте. И в смысле подсказки, и в смысле книжки

какие достать... Потом сам увлекся. Даже кое-какие детали заказал ребятам в цехах... Смотри, сын, учись. «Ученье нам сокращает опыт жизни...» Или что-то там в этом роде. Да и вообще: техническое образование — культура двадцать первого века!

Потом, правда, все это кончилось довольно плачевно. Иван Витальевич мог бы стать на принципиальную позицию, но ему пояснили: не стоит. Историю удалось замять, не без серьезного партийного внушения. Потом Иван Витальевич болел, потом ездил в санаторий, общаясь с домом по велику было возможно, то есть при помощи телефона. А когда вернулся, то понял вдруг, что Виталька вырос, просто сделался взрослым человеком, и ему уже не нужна отцовская опека. Процесс воспитания завершен.

Как-то они сидели у телевизора... А в другой комнате сын стоит перед зеркалом, причесывается — собрался куда-то на вечер, в школу, что ли... хотя уже каникулы были... Ну, в общем, куда-то он собрался. А тут входит его приятель, Старостин этот, господи, как имя-то его, позабыл... и говорит:

— Можно обратиться, Виталий Иванович?

И тогда Иван Витальевич переглянулся с женой:

— Неужели мы с тобой уже постарели, Эм? — И потом усмехнулся эдак, только им двоим понятной усмешкой. — Да нет, мы с тобой еще ничего! Это просто наш сын повзрослел...

Да. Может, и родители были причиной того, каким стал Виталий Свинцов.

А может... и действительно кое-что зависит от генов. От того, каким человеком родился — способным любить или не способным... У Свинцова была к этому очень важному для человека свойству как раз малая способность.

Ее бы развить! Да вот попадались на его пути все люди, которые не очень думали о таких мелочах... Одет, здоров, сыт, успевает, на шее пионерский галстук — ну и отлично, «полный комплект».

А... что-то вы говорите? Плохо умеет любить?

Да такое никому и в голову не приходило! «Любить!» Это сам научится — лет в четырнадцать. Потом за уши не оттащишь...

Не все, но многие из тех, кто не умеет любить, любят зато командовать. И около них появляются те, кто любит подчиняться. Такие есть, и таких немало!

Они недолго искали друг друга. Свинцов и Старостин. Виталий Иванович и Крыса... Ну, а там пошла потихоньку реакция образования группы: тот за нас, тот не за нас. А кто не за нас, тот против нас. В компанию с не слишком высокими целями всегда объединиться довольно легко.

— Хамло какое! Я могу Виталия Ивановича уважать, а он не может?... Морду чистить! — Это уже говорили не такие абсолютные любители подчиняться, как Крыса, а кто примкнул к Свинцову просто из чувства самосохранения.

И тут уже недалеко до некоего устава, кодекса. До особых правил поведения. И фирменные рубашки становятся форменными рубашками. Это встречается... Да, если честно, это ведь встречается! И это как раз было на улице Тургенева, в поселке Скалба.

Но чего же он действительно хотел, командир-атаман Свинцов?

А он и сам не знал — вот в чем дело...

Сперва он объединял их. И это сама по себе была цель. Сомневающимся перевоспитать... любимыми способами. Сомнительных отшить. Врагов наказать, и чтоб все об этом узнали.

Потом у него хватало начальнических способностей, чтобы построить их, десяток преданных оборотов, на заднем дворе, за домом, возле мастерской. Пройтись мимо этой шеренги, строго и значительно заглядывая в глаза, словно ты хочешь им что-то особое сказать.

Но вот что сказать, он и не знал. Он как-то всегда думал: начальник — это значит, чтоб тебе все подчинялись. Оказывается, начальник — это чтобы ты командовал. Отдавал распоряжения... Свинцов был уже достаточно образованный человек, чтобы понять: надо, чтобы у тебя была программа!

А какая программа?

Если у тебя своя армия, надо что-то завоевывать! Но что? Это для Свинцова была непростая проблема... Может быть, кстат, как и для всех завоевателей. Сперва они обзаводятся могуществом, и это само по себе цель, как в случае с нашим «Виталием Ивановичем». А потом начинают думать, что же с этим могуществом делать?

Свинцов был довольно некрасивый парень, так он по крайней мере считал сам, — поэтому девочками не интересовался, а вернее, робел интересом. Кстат, поэтому и тот случай, когда Крысе дали по носу, произошел в его отсутствие. Свинцов бывал у «Светика» редко. Да и то не для плясок, а навеститься в гости — так он это называл. Они заперались в маленькой комнатке и беседовали. О чем — никто не знал... Свинцов, пожалуй, и сам не знал. Потому что Бочкин мог молотить безостановочно и интересно.

Потом Свинцов выходил в «пляскал», всегда в паузе между танцами. Бросал кому-нибудь из своих:

— Не провожайте! — Это он подсмотрел у одного значительного лица, которое как-то заходило к его отцу: «Не провожайте!»

И пропадал в ночи, чиркнув глазами по какой-нибудь девчонке.

Итак, Троянская война отпала: женщины не могли быть причиной его поражений и побед.

Деньги?

К сожалению... да, можно сказать, к сожалению, он и здесь был устроен. Родители понимали, что шестнадцатилетнего сына необходимо содержать. Значит, ему не надо было заниматься вытрясанием копеек из слабых и младших.

Оставались всякие престижно-показательные вещи. Скажем, парадный выход в буфет. За несколько секунд до звонка люди из его команды отпрашивались или просто свалились с урока и занимали позицию у дверей буфета. Задача — не пустить внутрь никого до тех пор, пока Виталий Иванович очень спокойно не спустится на второй этаж, не войдет в буфет, не выберет себе еду, не сядет за стол в углу. И только потом двери настежь: «Га-а!» — врывается орава.

Нынешней весной Свинцову пришла наконец более или менее стоящая идея. Он собрал народ у себя в мастерской. Помещение от взрослых отъединенное. Достаточно просторное, горят два электролампы. Еще, быть может, и потому заимел Свинцов командирский чин, что был хозяином отличной гавани...

Виталий Иванович объявил: бывшая их банда отменяется и он набирает людей в особую группу, под названием «Новые Крепкие». Цели-задачи пока он предпочитает держать в секрете... по некоторым понятным причинам...

— По каким, Виталий Иванович? — спросил кто-то из ребят.

— Ну, если они тебе не понятны, значит, ты дурак! — очень кстат ответил Крыса.

А Свинцов будто вообще не услышал этого диалога. Пока мы обязаны, продолжал он, хорошо освоить приемы драки, приемы нападения.

— А защиты?

— Бей первым, — он ответил не спеша, — и бей крепко, никакая защита не понадобится... Жить будем в лагере, среди лесов. Два раза в неделю — выезд на боевые учения.

Немало исходил он на лыжах, прежде чем нашел поляну и заброшенный лесной хуторок: дом, банька, сарай. В доме он решил жить сам, а вокруг поставить палатки для народа.

Но в результате ничего не вышло! И победили их такие сущие мелочи, как комары, которых в мае всегда, что называется, навалом. А тем более в майском лесу, а тем более ночью. И потом оказалось, что есть круглые сутки одни бутерброды — никакая армия не выдержит. А готовить они не умели. А котла, хотя бы для чая, у них тоже не было.

И Свинцов тогда поступил совершенно по-наполеоновски, хотя и не знал про это. На второй день он просто бежал из лагеря, предоставив Крысе разбираться с народом.

Дома, однако, Свинцов опомнился. Команда ему была нужна. С командой своей он был всё, а без команды — просто странный ханурик, вроде тиранов, которых вышибут из родной страны коленом под одно место, и они сидят в Нью-Йорке или Лондоне — пишут пасквили про свой народ.

И Свинцов сидел бы. Даже еще хуже. Те хоть миллионы обычно успевают награть.

В школе и вообще среди поселочного народа были разные выдающиеся личности. Они выделялись чем-то именно своим, что только им могло принадлежать, чего у них не отнимешь. Тот по бадминтону кандидат в мастера. Тот по химии лучше всех соображает. Тот по стихам... Хотя стихи — вещь непонятная и даже глупая, но и по стихам выделяются люди. Даже очень заметно.

А Свинцов выделялся только своей командой. У него была странная слава, какая-то особая, какая-то немного опасная... И теперь он ее терял!

Тогда Свинцов сообразил: нужна война. «Небольшая, но победоносная...» Нет, конечно, он такими известными словами подумал. Он просто сообразил, что хорошая драка сплотит его толпу, его «Новых Крепких»... «НОК» — так они будут называться в сокращении.

При помощи Крысы-верного он каждому из «ноковцев» вручил послание, напечатанное на машинке (что, конечно, тоже поднимало его акции): «Секретно! Испытания в лагере пройдены тобой успешно. Поэтому приказываю: будь в среду на станции в 19 часов. Кисти рук и плечи размять! В. И. С-ЦОВ».

А когда начнут спрашивать, что это за «Кисти рук и плечи размять», Крыса должен был ответить:

— Что же ты не знаешь? Это же сигнал: «Готовься к драчке!»

Свинцов вот что решил сделать: они садятся в поезд. Проезжают какое-то количество остановок, находят двух или трех подходящих парней. Свинцов объявляет, что «это враги», и «ноковцы» их метелят... Сразу пойдет другое настроение. Общий успех, общая тайна... У себя на Скалбе Свинцов этого ничего делать не хотел: узнают, милиция, то, се...

Они погрузились в поезд (явилось человек семь), отъехали малость, стояли в тамбуре, курили, но как незнакомые. А Свинцов все поглядывал в вагон... Наконец сели два подходящих парня. И возраст как раз

совпадал. Тогда Свинцов ткнул Крысу пальцем в бок. А тот уже и сам «присмотрел» эту же парочку.

Крыса вошел в вагон, перекинулся двумя-тремя словами с одним из мальчишек. Тот сразу встал — лицо нахмуренное и удивленное. За ним встал и приятель... Отлично! Потому что, если одного метелить всемером, все же не то.

Но Свинцов оказался плохим полководцем. В тамбуре эти двое поняли, что против них не один Крыса, а вся семерка. И тогда они как-то очень умело прижались спиной к дверям и начали махаловку. А так как в тамбуре было тесно, «ноковцы» не могли развернуть свои ряды — использовать преимущество в живой силе.

А тут и поезд начал останавливаться, двери зашипели. Двое неизвестных выскочили на перрон. И по тому, как они не побежали, а решительно так начали пригласывать Свинцова и его компанию немного прогуляться, стало ясно: здесь их родная территория, навалом друзей и вылезать никак нельзя.

Двери закрылись... Парни сказали скалбинцам еще несколько ласковых слов, и на том история закончилась, плюс, к сожалению, несколько вполне профессионально поставленных «ноковцам» синяков и чувство огромного неудовлетворения.

— Чего они тебе хоть сделали-то, Свинцов? — спросил один из тех, кому досталось. Спросил нарочно без «Виталия Ивановича», нарочно таким наглым тоном.

— Что они — не твоё собачье дело! А вот что я сейчас с тобой сделаю!

— Да плевал я на тебя! — И парень ушел в другой вагон. Но не потому, что трусил, а потому, что злился и презирал. За ним двинулись еще двое. И тоже не для того, чтобы врезать тому или хотя бы задержать.

Прошел месяц. Примерно, стало быть, до середины июля время докатилось. И вдруг Крыса заговорил!

Свинцов что-то творил у себя в мастерской. Он любил повозиться с инструментами, только не любил, чтобы об этом особенно знали: как-то нелепо — он такая личность, и вдруг, как простой пэтэушник, скрипит подпильником. И тут явился Крыса, человек, естественно, посвященный в свинцовские пристрастия, тихо сел в углу — действительно крыса крысой, вернее, мышь мышью, потому что с таким старанием ему до крысы еще расти и прорастать!

Но вот Свинцов перестал молотком постукивать, Крыса и говорит, что, мол, есть план... Свинцов так и сел... чтобы сразу не умереть от хохота, чтобы все-таки прожить еще какое-то время.

Крыса предлагал разогнать старую гвардию «ноковцев», а вместо нее создать новую организацию — «свинцовские береты». Четыре абсолютно надежных гладилатора — рядовые и он, Крыса, командир. Цель — охрана Свинцова от всего!

Свинцов удивленно смотрел на Крысу и вдруг понял один непреложный закон джунглей: подчиненный рано или поздно хочет командовать сам!

Чтобы они были абсолютно надежны, эти свинцовские береты, продолжал Крыса, им надо платить. В месяц рублей сорок. Червонец ему, Крысе, а тридцатник на остальных...

— Ну, ты изложил? — осведомился Свинцов почти приветливо. Руки у него буквально вздрагивали, как у пианиста перед началом концерта. — до того хотелось врезать. — А где я эти деньги, например, найду?

Оказывается, Крыса «прошурупил» и этот вопрос. Например, он считал, можно украсть у Ивана Витальевича — у него часы японские, светящиеся, со всеми там делами, с калькулятором... Их с рук продать (чтобы там разные люди не спрашивали, откуда такие) можно рублей за двести.

— Сегодня какое число? — поинтересовался Свинцов.

— Семнадцатое июля...

— Это я, чтобы ты его запомнил лучше! — Свинцов врезал Крысе так, что тот улетел на диван.

Ни слова не сказав, не огрызнувшись, но и не посмотрев на Свинцова с обычной преданностью, Крыса встал и ушел. Свинцов остался один. И так сидел день, и два, и три... Ему как-то отвратительно казалось воровать у отца часы. Он бы, может, и украл их, но уж не по крысиному указу!

Не знал Виталий Иванович, что и адъютант его тоже думал о Свинцове! Виталий Иванович не очень знал, куда девать ему свою армию. А Крыса-то отлично знал. Хотя бы, например, «батон» будет куда проще клеить. Так Крыса довольно-таки устарело называл лиц женского пола. А с этим полом у него тоже не все было удачно. Потому что уж он-то истинно был «не очень красивый» и прозвище досталось ему недаром.

Можно при случае и денежки из граждан потрясти — когда у тебя под командой такой отряд... А то, что отряд будет у него под командой, Крыса был уверен. Свинцов что? Свинцова только «охраняй», устраивай ему этот глупый почет, а реальная власть... Но Крыса, естественно, не знал таких терминов. Хотя мыслил вполне правильно. То есть, конечно, по-крысиному правильно. Судьба сама, как говорится, подсушила выход. Крыса возвращался из магазина, вдруг его окликнули:

— Ты! Как тебя? «Старый», что ли?

Крыса аж вздрогнул. «Старый» была его, извините за повторение, старая кличка — по древнейшему

школьному обычаю от имени или от фамилии: Старостин — значит, «Старый».

Он оглянулся и вздрогнул во второй раз. Перед ним стоял Генка Гарусов. Это был чудо-человек: семи-классником он сумел загреметь в колонию, и с тех пор, видно, ничего хорошего с Гарусовым не произошло. Он учился когда-то со Свинцовым и Крысой, хотя и был старше их годика на два, на три...

— Здорово, Градус!

Градус стал за эти годы заметно здоровее, выше, матерей. Может быть, даже и стройнее. А вот с лицом его произошла какая-то странная перемена. Его словно на время сняли с Градуса и повесили где-то отдельно. Потом, через некоторое время, когда лицо это успело измяться и запылиться, его опять надели на бывшего ученика седьмого «В» класса Гарусова Геннадия, словно противогаз. Но если противогаз налипают на человека очень плотно, то это лицо приклеилось как-то неудачно, неровно, с дефектами. Да плюс еще помятость от долгого висения, да плюс еще заплытость...

— Ну, крендель? Чего ты матраешь?

— Н-ничего, — ответил Крыса, догадываясь, что «матра» — это значит «смотреть».

— Помнишь, где моя хата? — Градус усмехнулся. — Да ты про это и не знал никогда... Бегать не разучился? Значит, бежи к Свинцову, скажи, у меня улица Льва Толстого, дом номер... А я бутылку куплю.

Было известно, что Гарусов вор. Было известно, что, когда к ним домой пришли с обыском, он, пятнадцатилетний мальчишка, саданул понятого железной кружкой по голове и потом орал на всю улицу, что его мучают, что его забирают невинно. Вообще он был легендарной личностью!

Сейчас Свинцов и Крыса застали его за очень странным — для вора! — занятием. Градус подметал пол. Причем этим странным занятием он и занимался странно. Наметь в комнате сор, он его вдруг хоп венником и под диван. Свинцов и Крыса не решились спросить, зачем он это так делает.

А вообще-то в комнате было довольно чисто — если бы только не знать, куда тут сор девается. Может, от этого и пахло не очень...

— Здорово, Свинца! Кореш родной! — Градус обернулся, хохотнув, показал на Крысу пальцем и произнес уже совсем иным, слабым и тусклым голосом: — Тихо выйди, тихо дверь закрой, котлета!

Ни «Свинца, кореш родной», ни Крыса такого приема не ожидали и потому невольно переглянулись. Затем Крыса быстро перевел глаза на Градуса. И, словно обжегшись, тут же вышел из дома, прикрыв дверь. Градус поставил на стол бутылку заграничного вермута.

— Уважь товарища?

Они выпили, и Градус сразу отставил бутылку: мол, все. Потом закурил, стал не спеша рассматривать Свинцова.

— Ну и чего дальше-то? — спросил Свинцов.

— Дальше... — Градус прищурился. — Я тебя сколько не видал? Три года?... Откуда я знаю, какой ты стал пацан!

— А какой тебе нужен?

— Который тогда пистоль делал? И которому я по заказу тир рисовал?! — Он усмехнулся. — Как будто мне судьбу тогда подгадал!

— Чего ты?!

— Кто этой мишенью-то оказался?... Тут кружочек, там кружочек... — Вместе со стулом подо двинулся к Свинцову. — Можешь опять такой пистоль сварганить?

— Не знаю...

— Десять штук заработать хочешь? — Горячую свою шершавую руку Градус положил Свинцову на тыльную сторону ладони.

— Десять штук чего?

— Штука — значит тысяча... Может, не десять будет. Там штук двадцать пять, тридцать. Треть твоя. За пистоль!

То, что сумма уменьшилась с десяти тысяч до восьми, даже обрадовало Свинцова — он понял: это все правда!

— Сроку две недели!

Что-то подкатило Свинцову к горлу и к сердцу:

— Я с тобой не пойду!

— Да на кой ты мне там нужен! — В голосе у Гарусова прозвучало такое презрение, что Свинцов сразу испугался: обманет! Видно, и Градус это понял. — У тебя свое дело, у меня свое, понял? Пистоль работай!

— А если тебя?... Они сразу узнают, что это мой пистолет!

И опять ему ответил взгляд не то удивленный, не то презрительный:

— Я тебе плачу, нет?... Чего же ты хочешь: я плачу, ты рискуешь! А по правде — там веряк... — Он замолчал на секунду, непроизвольно, порывисто вздохнул, словно представил себе, как все это будет. Поглядел на Свинцова, усмехнулся уже спокойно. — Ты железки старые не выкинул?

— А зачем их выкидывать?

— Ну тогда успеешь, — кивнул Градус. — Только это... — Он поднял предостерегающе палец.

И снова подкатило Свинцову к сердцу и под горло... Риск — благородное дело... Градус придумал какую-то там сферу, а Свинцов должен «благородно рисковать»! Вспомнился этот Градус в школе. Конечно, с ним каждый старался «вась-вась»: Градус — гроза вселенной. Но по-честному-то... дубина! Какую он там замыслил операцию... «Ы»-?

— Дрожишь-макаронишь, Свинца? Правильно, чего ж...

Если можно одновременно уважать и презирать, то вот этим самым взглядом и одарил Свинцова его бывший приятель... Потом Градус сразу стал рассказывать. И по мере того, как он подходил к самому главному, сердце Свинцова все больше наполнялось страхом. Он глядел на Градуса и понимал, что тот ничего не замечает, не знает, почему Свинцову надо бояться, и продолжал рассказывать... У него все оказалось обдуманно. Каждая подробность на учете! Выходит, он лишь в школе был идиот. А в преступниках — гений! Вот как бывает...

Они выпили еще. И, крепко сжимая камень страха, чтобы он не слишком сильно ударился по сердцу, Свинцов вышел на улицу. Сейчас же рядом оказался Крыса, безмолвный, почтительный... Они подошли к свинцовскому дому. Свинцов показал место на траве у калитки:

— Вот здесь будешь сидеть, когда и сколько прикажу. Ни одну живую душу не пропускать. Потом получишь сотню. Все. Садись!

В мастерской Свинцов быстро нашел ящик с пыльной крышкой, заглянул внутрь... Поржавело малость. Но не то было худо! Главное, не хватало многих важных деталей... На дне Свинцов нашел чертежи. Вернее, эскизы, но с размерами. Сделанные еще рукой отца!

Ладно, не о том сейчас надо думать! Конкретной работой он старался отвлечь себя от того камня, что сидел в груди... Десять тысяч, десять тысяч! Он принялся сравнивать чертежи с имеющимися железками... Нет, без токарного станка не сделаешь! Но как-то нужно выходить из положения, значит, выйдем!

Никто, в сущности, не знал об этом, а сам Свинцов не придавал никакого значения тому, что он был человеком, исключительно способным к слесарным работам. И дед его слесарил, и отец в молодые годы. Но основной талант породы проявился как раз в нем, в Свинцове Виталии. Такая штука... Да и дед по материнской линии тоже был не абы кто, а хороший деревенский кузнец. Ему дай время, он бы трактор сделал своими руками — была у него такая странная мечта жизни. Однако времени ему не дали. И погиб он в тысяча девятьсот сорок втором году, защищая Ленинград...

Самозабвенно трудился Свинцов. Но выше себя не прыгнешь. Он уж и трубку стальную подыскал для дула, хорошо забил ее медной пробкой, все пригнал, приладил... все, что мог. Но чего-то без сверл, без токарного станочка... к отцу же не пойдешь!

Камень у него в груди качнулся, ударил... Да, это был страх. Но и еще что-то... Ведь Градус хотел ограбить женщину, которую Свинцов знал! Потому что она выдавала зарплату у отца в Мастерских! Для Градуса она была просто кассирша: чем толще и хромее, тем лучше! А для Свинцова... «Здравствуйте, Иван Витальевич... Так это и есть ваш наследник?» И отцу даже вроде говорили: надо ее заменить — какой она кассир? Теперь Градус хотел воспользоваться тем, что она неповоротливая, что отец ни с кем не любит ссориться... Тетя Наташа, старая кочерыжка... Уже двенадцатый день Свинцов делал пистолет и все время вел с собой беседы на тему «Я мог и ошибиться. Это совершенно не она!» Или: «Отцу ничего не сделают, отец-то не виноват!» Но в голове сверкали десять тысяч — богатство на всю жизнь!

И вот сегодня Свинцов окончательно понял: нет, не получится без токарного. И почувствовал страшное облегчение... Вернее, так: злость, но и облегчение... Теперь он просто вынужден будет: «Извини, Градус». А что он, действительно святой — ногтем будем обтачивать?... И привет!

Но жизнь решила по-своему. Крыса, который изголдился сидеть тут одинокий и несчастный, подумал, что неужели он не имеет права сходить выпить чаю в нормальной невоенной обстановке. Тут и пожаловал Солдат-Юдин...

Как все быстро меняется в человеческой душе. Особенно в душе, не закаленной совестью... И вот Свинцов летит к бежавшему с поста Крысе... А тот и в самом деле чай гонял но, увидев Виталия Ивановича, сидел, разинувши рот, словно щука перед смертью.

— Заткнись! — предупредил его Свинцов. — Думаю! Дальше он рассказал Крысе только что явившийся план. Из-за одного очень секретного обстоятельства он сейчас увезет Солдата-Юдина в бывший лагерь «ноковцев». Туда же пусть отправляется Крыса. Он будет держать Юдина в бане под стражей три дня, потом отпустит. Солдатовым родителям пусть они скажут, что идут в поход.

Что было дальше, мы знаем. И только не знаем мы, куда мчался сейчас на своем мопеле Свинцов. А он мчался, чтобы скорее приспособить патроны от малокалиберной винтовки к этому старинно-иностранному револьверу. Такие дела.

Окончание следует.

Читайте в ближайших номерах:

Каким быть комсомолу после XX съезда ВЛКСМ.

Открываем институт молодежных проблем.

Нет предела бескорыстию!
Снова об А. Галимзянове.

Фотоочерк о Дагестане.

Рассказ Отия Иоселиани.

Повесть-сказка братьев Стругацких.

Справедливый суд. Записки адвоката.

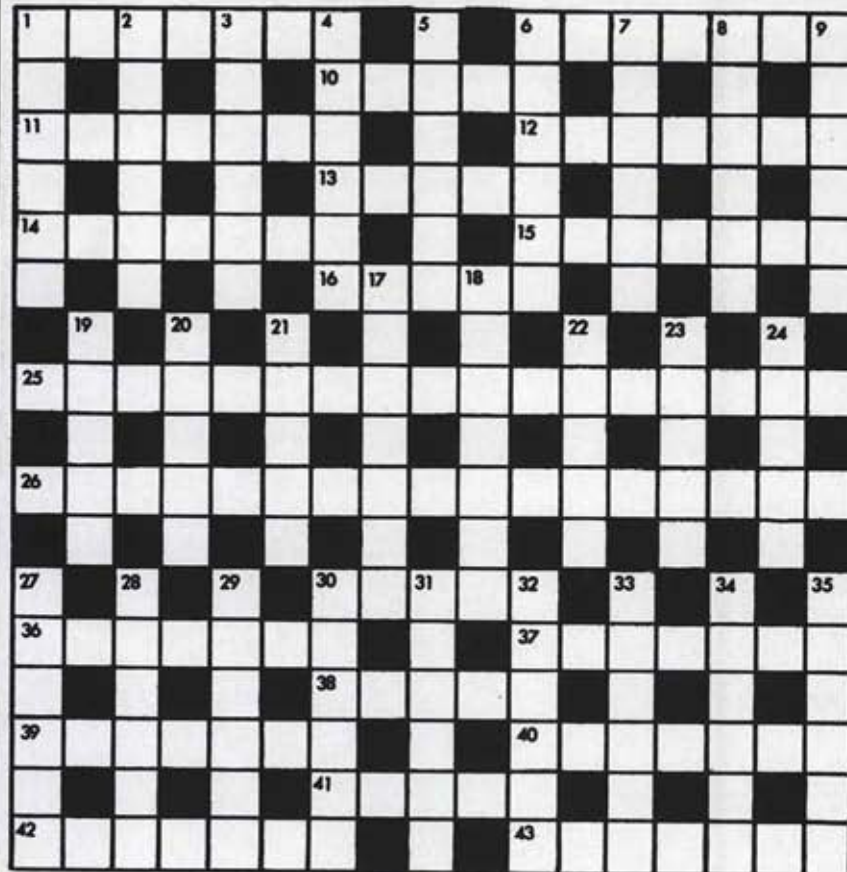

Клуб «Музыка с тобой». Кто заглушает песню?

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

КРОССВОРД

Составил И. Манега. Речица Гомельской области

По горизонтали:

1. Советский хирург, первым в мире пересадивший сердце собаке. По его методу Кристиан Барнард оперировал человека. 6. Рыбка, вынашивающая икру и мальков во рту; ее изображали на египетских пирамидах. 10. Морская хищница, тонко различающая запахи с 800 метров. 11. Конный экипаж. 12. Водяное животное с четырьмя сердцами. 13. Высота, ..., ширина. 14. Обработка молока после дойки. 15. Герой греческой мифологии, от любви к которому нимфа Эхо высохла так, что от нее остался только голос. 16. Верп, дрек (общее название). 25. Одно из русских названий астронома. 26. Обман, показуха. 30. Сюрприз

для «зайца». 36. Живущий на далеком юге зверь, у которого, по словам В. Маяковского, «руки вдвое короче» ног. 37. Во Франции — принцесса, в Испании — ... 38. Рассказ А. Чехова, герой которого, не найдя сочувствия у людей, поведал о горе лошади. 39. Группа индейских племен, сформировавших парагвайскую нацию. 40. Законодательный орган земель ФРГ. 41. Зверек, на самом деле изображенный на картине Леонардо да Винчи «Дама с горностаем». 42. Золотой корень, трава, почти равная по целебным свойствам женьшеню. 43. Роль М. Жарова в фильме «Древенский детектив».

По вертикали:

1. Трава, которой пасечники натирают ульи для защиты от моли и муравьев. 2. Рыболовная сеть. 3. Самые «апатитные» горы в СССР. 4. Мятный департамент в романе В. Гюго «Девяносто третий год». 5. Герой в рассказе А. Грина «Далекий путь». 6. Повесть М. Лермонтова, ставшая, по словам Ю. Семенова, первым классическим детективом. 7. Звание, полученное В. И. Далем в Дерптском университете. 8. Фаза в «дыхании океана». 9. Город в Кировской области. 17. Фигура, к которой древние математики безуспешно пытались свести круг. 18. «Магнит» Монако, притягивающий азартных людей. 19. Сама гола, а рубашка внутри (загадка). 20. Усадник, верховой. 21. Улей древнерусского пчеловода. 22. ... города берет (пословица). 23. Пересыхающая река

в Джезказганской области. 24. Бамбук, ... и сосна — «три друга зимнего холода» в Китае. 27. Представитель народа, живущего в Якутии и Магаданской области. 28. Ампула футболиста. 29. Африканский бананоед, не трогающий бананы; родственник нашей кукушки, но выющий гнездо. 30. Родоначалница всех увеселительных ракет. 31. Трибуна на площади Древнего Рима, украшенная носами трофейных кораблей. 32. Цветок, который английский писатель О. Уайльд постоянно носил в петлице костюма. 33. Вежливое обращение к мужчине в Турции. 34. Дока, мастак, ценитель. 35. «Сгорели, — коротко и ужасно сказал Бульдог. — По одному — кто куда, — скомандовал Губошлеп. — Верером. На две недели все умерли. Время!» (форма речи в «Калине красной» В. Шукшина).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

2. Шнява. 6. Закут. 11. Щука. 12. Гарем. 13. Лупа. 14. Истод. 17. Матье. 19. Родо. 21. Обвал. 24. Ряска. 26. Дрилл. 27. Зенон. 28. Стикс. 30. Галит. 32. Погиб. 35. Тара. 36. Родейро. 38. Ванно. 39. Лев. 40. Язь. 41. Ирод. 44. Мендоса. 47. Глюк. 49. ...женых... 51. Черче. 52. Крыша... 53. ...франк... 54. Ендра. 55. Кофта. 57. Окапи. 59. Иншан. 62. Ромас. 64. Ерник. 66. Ноан. 67. Уткин. 68. Цинк. 69. Уголь. 70. Сплав.

По вертикали:

1. Ящер. 2. ...Шкид. 3. Наседка. 4. Вао. 5. Гаев. 6. Землетрясение. 7. Ама. 8. Ульянов. 9. Туес. 10. Лапа. 15. Торс. 16. Долговечность. 18. Троп. 20. Орта. 22. Блад. 23. Азий. 25. Клин. 28. Стриж. 29. «Ирфон». 31. Леандр. 33. Галлы. 34. Бочка. 36. Рем... 37. «Оза». 42. «Рено». 43. Дифтонг. 45. Некк. 46. Очеп. 47. Граница. 48. Юшка. 50. Храм. 52. Крин. 55. Конь. 56. ...фрау. 58. Ария. 60. Шкив. 61. Нике. 63. Аул. 65. Рып.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1439)

май 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:

Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНИУШЕВСКИЙ

(ответственный секретарь)

Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Игорь СЕРКОВ

(заместитель главного редактора)

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник Сергей ВЕТРОВ

Художник Геннадий КОРНЫШЕВ

Технический редактор Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы: 212-21-59 — рабочей молодежи и науки, 250-29-39 — коммунистического воспитания, 251-32-84 — фотоочерка, 212-21-38 — военно-спортивный, 212-13-19 — международной жизни, 251-04-10 — литературы и искусства, 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда», «Смена», 1987 г.

Сдано в набор 19.03.87. Подписано к печати 01.04.87. А 05060. Формат 70×108/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7. Тираж 1 300 000 экз. Изд. № 1224. Заказ № 424. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВЯЧЕСЛАВ ЕКИМОВ

Фото Андрей Голованов

*Друзья! Вы в жизни
у карьеры свои и свои
подвиги свои и свои
успехи свои. — Вот это!*

В.Екимов

Гонка круг за кругом приближалась к финишу, и нарастающее эхо гула трибун катилось вслед велосипедисту. Упрямо пригнувшись к необычному рулю, напоминающему формой оленьи рога, спортсмен шел на мировой рекорд. Из всех соперников он признавал сейчас только время.

Что такое скорость в нашем сегодняшнем понимании? Аэролайнер, глиссер на воздушной подушке, автомобиль, наконец. А велосипед, пусть и со сплошными дисковыми колесами вместо привычных спиц — это разве скорость? Так вот, прошлым октябрьским вечером на полотне Олимпийского велотрека в Крылатском Вячеслав Екимов, в течение часа раскручивая педали, отмерил ровно 48 километров 448 метров и 18 сантиметром — новый мировой рекорд в часовой гонке.

Предшественник — швейцарец Денизля Гизингера — продержался не много ни мало девять лет. Многочисленные попытки побить его обставлены шикарными рекламой, громкими обещаниями и неизменно проваливались. Потому что 48 километров в час — это скорость, и очень высокая скорость.

Екимов же все сделал как-то незаметно и даже буднично. Сел, поехал,

и все увидели — рекорд будет. Время должно отступить. Со всеми же остальными соперниками 21-летний ленинградец уже несколько лет правляется словно играючи.

— Я страшно не люблю проигрывать, не умею, если хотите, — признается Вячеслав. — Сегодня счет у нас идет на сантиметры и тысячные доли секунды — малейшая небрежность, намек на расслабленность оборачиваются невозможными потерями. Считаю, что умение досконально анализировать не слишком удачные выступления — моя сильная сторона. В большом спорте не может быть мелочей. И собранность — непременное условие победы. Победы над соперниками, над собой.

Последнее время неудач как предмета для анализа у Екимова не бывает вовсе. Его тренер Александр Кузнецов объясняет это так.

— Слова трудолюбиво феноменально. С трека его приходится буквально выгонять. В себе уверен, как будто десять сезонов уже откатал. И это именно вера — не самоуверенность. Но главное — интересы моего ученика отнюдь не замыкаются овалом трека. Серьезный, адумчивый студент, интересный собеседник, предан друзьям и умеет ценить их.

Серьезный человек Слава Екимов

может позволить себе лихо проклясть по треку на заднем колесе да еще с охапкой газеток в руках. Обзорства ему тоже не занимать. Но это уже после победы.

— Я обожаю соревнования. Летом прошлого года, когда стал в Колорадо-Спринге чемпионом мира в индивидуальной гонке преследования, в Москве стартовало мировое первенство среди студентов. Меня спрашивают: поедешь? А как не ехать — я ведь прежде всего студент! Усталость, реакклиматизация — все это, конечно, чувствовалось, зато выдети бы вы, как радовались моей победе и нашему Ленинградскому институту физкультуры имени Песчаева!

Выиграл он, между прочим, вновь с мировым рекордом. И во время Игр доброй воли президент Международного олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч вручил Вячеславу специальный приз МОК за выдающиеся спортивные достижения.

...Он тихо, как бы крадучись, выкатывает свой велосипед на старт, окидывает отрешенным взглядом трибуну, неудобнее прилаживается к жесткому седлу. И через мгновение ринется укрощать скорость, покоряя время и раздвигая границы неизведанного.

Сергей ИСТОМИН